Est. A – 16829

Н. К. Грунскій.

Лекціи

по

древне-церковно-славянскому языку.

Юрьевъ.
Типографія К. Маттисена.
1906.

94

Est. A – 16829

SS ... – 194.

Н. К. Грунскій.

Лекціи

по

древне-церковно-славянскому языку.

Юрьевъ.
Типографія К. Маттисена.
1906

Tartu Ülikooli Kirjastuse Seminar

Inv № 679

Оттискъ изъ Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

TARTU ÜLIKOOLI
RAAMATUKOGU
i 321 90542

Изданіе настоящаго курса обусловлено желаніемъ прійти на помощь студенту-филологу при изученіи древне-церк.-слав. языка. На вполнѣ естественный вопросъ студентовъ, какое общее руководство можно рекомендовать имъ, невольно затрудняешься отвѣтомъ. Прежде можно было указывать на извѣстный переводъ грамматики проф. Лескина (2-го изданія, съ прибавленіями изъ Остромирова Ев., сдѣланными А. А. Шахматовымъ и В. Н. Щепкинымъ)[1]), хотя вообще грамматика проф. Лескина не является особенно удобной въ педагогическомъ отношеніи (котораго нельзя обходить и въ университетскихъ учебникахъ). Теперь же и этого указанія нельзя сдѣлать, такъ какъ переводъ 2-го изданія грамматики Лескина является устарѣвшимъ, сравнительно уже съ новымъ 4-мъ ея изданіемъ въ нѣмецкомъ подлинникѣ[2]).

Прежде можно было указать на „Древній церковно-славянскій языкъ“ проф. Соболевскаго (Москва 1891), требующій въ настоящее время нѣкотораго уже пересмотра; при томъ здѣсь мы находимъ только фонетику. О нѣсколько раньше вышедшемъ трудѣ проф. Некрасова „Очеркъ сравнительнаго ученія о звукахъ и формахъ древняго церк.-сл. языка“ (СПБ. 89 г.) я не говорю, такъ какъ трудъ этотъ уже при своемъ выходѣ являлся устарѣвшимъ. Попытка проф. Будиловича дать „Начертаніе церковно-славянской грамматики, примѣнительно къ общей теоріи русскаго и другихъ родственныхъ языковъ“ (Варшава 1883) также не можетъ считаться вполнѣ удачной, даже потому, что обликъ др. ц.-сл.

---

1) Грамматика старославянскаго языка А. Лескина. Переводъ съ нѣмецкаго съ дополненіями по языку Остром. Ев. Москва 1890.

2) Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Grammatik-Texte-Glossar. Von A. Leskien. 4. Aufl. Weimar 1905.

указаній и, не затрагивая общаго фона времени, я остановлюсь на загадочномъ вопросѣ о происхожденіи и взаимоотношеніи славянскихъ азбукъ. Древнѣйшимъ историческимъ свидѣтельствомъ о славянской письменности и, въ частности, азбуки считается „Сказаніе о письменѣхъ“ черноризца Храбра. „Прѣжде оубѡ, замѣчаетъ Храбръ, словѣне не имѣхѫ книгъ, нѫ чрътами и рѣзами чьтѣхѫ и гатаахѫ погани сѫще“. — Черты и рѣзы это, очевидно, своеобразный первобытный способъ употреблявшійся для счета. „Кръстивше же сѧ римсками и гръчьскъими писмены нѫждаахѫсѧ писати словѣньскѫ рѣчь безъ оустроениа“. Въ этихъ словахъ памятникъ указываетъ на попытку примѣненія греческой и латинской азбуки для выраженія славянскихъ словъ; но, конечно, здѣсь нельзя видѣть указанія на возникновеніе письменности, это были только своего рода пробы. Дошедшій до насъ древнѣйшій славянскій памятникъ, писанный латинкою, Фрейзингенскіе отрывки, въ которыхъ установилась уже извѣстная система для передачи славянской рѣчи латинкою, относится къ позднѣйшему времени и указываетъ на свою зависимость отъ древне-ц.-славянской письменности. „Но какъ“, находимъ далѣе у Храбра, можно „добрѣ писати гръчьскъими писмены“ такія слова какъ Богъ или живѡтъ или цръковь и пр. — указаніе на недостатокъ въ греческомъ алфавитѣ знаковъ для выраженія звуковъ славянской рѣчи, какъ б, ж, ц и пр. Такъ было много лѣтъ, „потомъ же, — продолжаетъ Храбръ, — чловѣколюбьцъ Богъ, строѧй всѣ и неѡставлѣѧ чловѣча рода безъ разоума, нѫ вьсѧ къ разоумоу приводѧ и спасению помиловавь родъ словѣньскъ посла имъ свѧтаго кѡстантина философа нарицаемаго кирила мужа праведна и истинна и сътвори имъ писмена“.... Создавалъ онъ азбуку по образцу греческой азбуки, какъ греки, создавая послѣднюю, руководились азбукой еврейской. Буквы же б, ц, ш и пр. были изобрѣтены Кирилломъ, какъ замѣчаетъ Храбръ, „по словѣньстѣй рѣчи“. Что значитъ послѣднее выраженіе, нѣсколько неясно, и здѣсь мы находимъ у ученыхъ различныя объясненія. Скорѣе всего, это значитъ, что недостача знаковъ восполнена Кирилломъ, какъ требовала славянская рѣчь, но источникъ, откуда заимствовано, не указанъ. Далѣе Храбръ защищаетъ славянскій алфавитъ и славянскую письменность противъ тѣхъ, которые говорили о несовершенствѣ этого алфавита и о ненужности славянской письменности. Храбръ,

напротивъ, стремится доказать, что славянскій алфавитъ и письменность должны быть признаны выше греческихъ алфавита и письменности, такъ какъ обязаны своимъ происхождедіемъ одному человѣку, одухотворенному Богомъ, въ то время, какъ послѣдніе создавались постепенно, благодаря усиліямъ многихъ лицъ, а греческій алфавитъ даже получилъ свое начало въ языческія времена.

Кто былъ авторъ этой пламенной защиты интересовъ славянъ, когда и гдѣ онъ жилъ, — неизвѣстно. Древнѣйшая рукопись, содержащая это сказаніе, относится къ XIV ст. Одна фраза въ сказаніи „бо еще живи, иже сѫть видѣли ихъ“ (т. е. св. Кирилла и Меѳодія) заставляла и заставляетъ ученыхъ относить этотъ памятникъ не позже, какъ къ X ст., и видѣть въ авторѣ какого-то монаха, жителя Македоніи или Панноніи. Фразѣ этой, находящейся при томъ въ одномъ спискѣ, болѣе позднемъ, конечно, нельзя придавать такого значенія въ виду того, что въ древнѣйшихъ рукописяхъ мы наблюдаемъ случаи разныхъ приписокъ, добавленій, сдѣланныхъ съ извѣстной благочестивой цѣлью — придать большую авторитетность тому, о чемъ писалось, при томъ есть данныя, говорящія и противъ такой глубокой древности оригинала памятника. Но, во всякомъ случаѣ, этимъ памятникомъ пользуются для доказательства своихъ мнѣній приверженцы древности кириллицы, а въ послѣднее время нашли возможнымъ дѣлать это и приверженцы древности глаголицы, руководствующіеся новѣйшими теоріями о греческомъ ея происхожденіи.

Итакъ, черноризецъ Храбръ знаетъ одну только славянскую азбуку, какую неизвѣстно; о другой онъ ничего не говоритъ. Одну азбуку знаютъ и древнѣйшія (считающіяся наиболѣе достовѣрными изъ славянскихъ источниковъ) житія св. Кирилла и Меѳодія, такъ называемыя „паннонскія“. Въ житіи Кирилла говорится о томъ, какъ Ростиславъ, князь моравскій, обратился съ просьбой къ Михаилу, императору греческому, прислать проповѣдника вѣры Христовой, знающаго славянскій языкъ. Михаилъ созвалъ совѣтъ. На этомъ совѣтѣ находился и славный уже миссіонеръ Кириллъ, подвиги котораго среди восточныхъ народовъ житіе подробно описывало ранѣе. Михаилъ указалъ Кириллу на предстоящій новый трудъ уже среди славянъ. Кириллъ прежде всего задалъ вопросъ императору, — имѣютъ-ли жители Моравіи свою

азбуку, такъ какъ въ иномъ случаѣ, по его выраженію, пришлось бы писать „на водѣ“. На это Михаилъ даетъ нѣсколько странный отвѣтъ: какъ могло быть это, если и дѣдъ его и отецъ старались о томъ, что-же можетъ сдѣлать онъ? А вотъ Кириллу поможетъ Богъ создать нужную азбуку.

На другихъ историческихъ свидѣтельствахъ я останавливаться не буду. Скажу, впрочемъ, что въ одномъ памятникѣ мы находимъ упоминаніе о двухъ алфавитахъ, — это въ греческомъ краткомъ житіи одного изъ учениковъ Кирилла — Климента. Здѣсь говорится, что Климентъ, перенеся свою дѣятельность въ Македонію, замѣнилъ прежній алфавитъ другимъ. Къ извѣстію этого житія нѣкоторые ученые относятся скептически, но намъ важно упоминаніе о замѣнѣ алфавита.

Итакъ, въ историческихъ памятникахъ мы не находимъ отвѣта на одинъ изъ главныхъ вопросовъ исторіи первоначальной ц.-слав. письменности. Приходится обратиться къ анализу древнѣйшихъ ц.-слав. памятниковъ, къ анализу самихъ буквенныхъ начертаній обѣихъ азбукъ и посмотрѣть, не прольетъ-ли этотъ анализъ какого либо свѣта на занимающій насъ вопросъ.

Посмотрѣвъ на хорошо намъ извѣстный алфавитъ, называемый обыкновенно „кириллицей“, мы тотчасъ скажемъ, что это то же греческое уставное письмо. И если мы посмотримъ на греческія рукописи, писанныя уставомъ, то иной разъ прямо-таки покажется, что это наше славянское письмо. Особенно полная иллюзія получается въ такихъ, напр., наименованіяхъ, какъ „евангелія“ и проч. Нѣтъ только кирилловскихъ знаковъ, какъ ш, ц, ъ, ь и проч., при чемъ нѣкоторые изъ послѣднихъ, темныхъ по своему происхожденію, знаковъ поражаютъ своимъ сходствомъ съ соотвѣтствующими имъ буквенными знаками глаголицы, напр., особенно *ш, ч*.

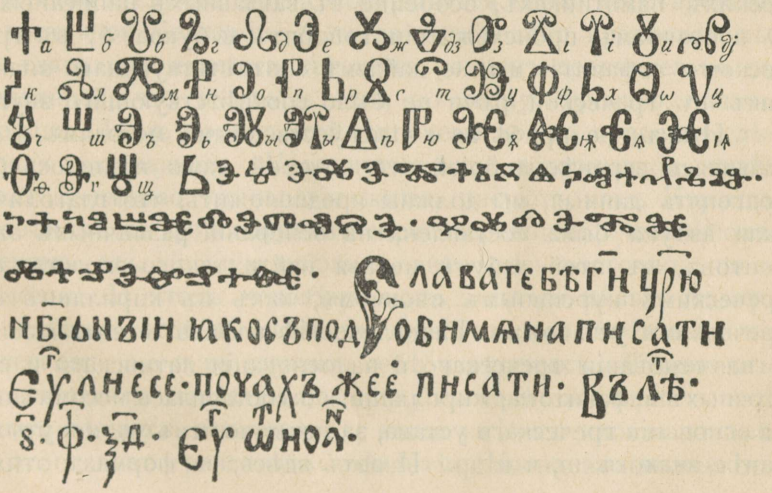
Если же мы посмотримъ на глаголицу, то источники ея не будутъ такъ ясны, какъ кириллицы. Этимъ и объясняется то различіе, которое господствовало и господствуетъ во мнѣніяхъ ученыхъ относительно происхожденія этой азбуки. Въ глаголицѣ насъ поражаетъ какая-то витіеватость, вычурность и потому-то ее считали первоначально чуть-ли не алфавитомъ вышедшимъ изъ славянскихъ рунъ, или финикійскихъ письменъ, или считали письмомъ, нарочно выдуманнымъ для того, чтобы сохранить на немъ славянское богослуженіе въ цер-

ковныхъ областяхъ, принадлежавшихъ папамъ, въ виду преслѣдованія послѣднихъ. Были и другія догадки. Въ позднѣйшее время болѣе господствуетъ теорія о происхожденіи глаголицы изъ греческаго курсивнаго цисьма. Представителями и защитниками этой теоріи являлись и являются такіе ученые, какъ Тейлоръ, Ягичъ, арх. Амфилохій, Бѣляевъ и др. Но недостатки этой теоріи тотчасъ же бросаются въ глаза. Уже одно то, что среди этихъ ученыхъ господствуетъ разногласіе при выводахъ изъ греческихъ начертаній глаголическихъ, а затѣмъ самые пріемы этихъ выводовъ не всегда могутъ быть названы критическими [1]). Вотъ для образца: начертаніе глаголическаго *б* Ягичъ выводитъ изъ греческой лигатуры μ π, но само глаголическое *м* принужденъ искать не въ греческомъ μ; то же начертаніе Бѣляевъ выводитъ изъ написанія греч. β, съ измѣненной второй частью, хотя такихъ написаній въ греческихъ рукописяхъ мы не встрѣчаемъ. Глаголическое *д* выводится изъ греческаго δ и т. д., и въ выводахъ глаголическаго *ж* и др. идутъ еще дальше, прибѣгая къ такимъ пріемамъ, посредствомъ которыхъ изъ всякой буквы можно вывести любую другую. Такъ, напр., „ж“ Ягичъ выводитъ изъ „ϑϑ“, а Тейлоръ изъ $\frac{\sigma}{\tau}$, Бѣляевъ же изъ ζ и пр.

И эта теорія противорѣчитъ не только графическимъ

---

1) Для общаго знакомства привожу начертанія глаголич. азбуки, въ нѣкоторыхъ частностяхъ, правда, вышедшія не особенно удачно. Присоединяю также образцы глаголической и кирилловской графики:

пріемамъ, но и даннымъ историческимъ. Говоря о постепенности образованія этихъ алфавитныхъ знаковъ, мы должны-бы предположить о долгой исторіи этого образованія. Между тѣмъ до насъ не дошло ни одного такого памятника, который бы подкрѣпилъ эту гипотезу, свидѣтельствуя о подготовительной эпохѣ. Между тѣмъ, на это не обращаютъ вниманія и гипотеза о происхожденіи глаголицы изъ греческаго курсивнаго письма является и теперь господствующей. Въ этой теоріи так. образ. мы находимъ извѣстную односторонность, пренебреженіе многими данными историческаго характера.

Анализъ начертаній глаголической азбуки показываетъ на несомнѣнное ея возникновеніе изъ различныхъ источниковъ. Нѣкоторыя начертанія, дѣйствительно, могли быть взяты изъ греческаго курсивнаго письма, но другія показываютъ на очевидное свое происхожденіе изъ азбукъ восточныхъ. Такъ, напр., глаголическія ш, ч, ц возникли, какъ думали и раньше, на почвѣ письменъ семитическихъ, въ частности еврейскихъ, и какъ въ новѣйшее время удачно доказываетъ Вондракъ на основаніи самаритянскихъ. Онъ указалъ на одну характерную особенность, свидѣтельствующую о несомнѣнномъ родствѣ знаковъ въ этомъ случаѣ. Въ еврейскихъ древнѣйшихъ памятникахъ *ш* (шаде) пишется какъ глаголическое и кирилловское „ш“, но въ самаритянскомъ алфавитѣ „*ш*“ занимаетъ вдвое меньше мѣста, чѣмъ остальныя буквы; то же наблюдаемъ и въ древнѣйшихъ глаголическихъ памятникахъ, особенно въ заглавныхъ написаніяхъ. О восточномъ происхожденіи говоритъ и буква *б*; въ греческомъ алфавитѣ мы не найдемъ соотвѣтствующаго знака, какъ въ греческой рѣчи не было соотвѣтствующаго звука.

Итакъ, не прибѣгая къ искусственнымъ методамъ и не задаваясь заранѣе теоріей, къ которой намъ пришлось бы подгонять данныя, мы должны предположить, что глаголическая азбука была составлена на основаніи различныхъ элементовъ, въ этой азбукѣ нельзя найти такого сходства съ греческимъ курсивнымъ письмомъ, какъ въ кириллицѣ съ греческимъ уставомъ. Глаголическій алфавитъ составлялся и на основаніи греческаго и на основаніи латинскаго и восточныхъ алфавитовъ, кириллица же составилась несомнѣнно на основаніи греческаго устава, за исключеніемъ упомянутыхъ ранѣе знаковъ ш, ч и др. И вотъ здѣсь, въ формахъ этихъ

знаковъ, насъ поражаетъ нѣкоторое сходство съ глаголицей. Форма *ч* не одинакова, но очень близка, нѣкоторую близость можно видѣть въ обозначеніи глухихъ гласныхъ. Трудно думать, чтобы это сходство — результатъ случайности, больше вѣроятности, если предположить заимствованіе. И вотъ вопросъ, какая же изъ азбукъ заимствовала? Здѣсь уже болѣе на основаніи логическихъ данныхъ можно скорѣе говорить о заимствованіи изъ глаголицы. Трудно предположить, чтобы явилась необходимость замѣнить кириллицу, письмо болѣе ясное, болѣе близкое вслѣдствіе знакомства съ греческой письменностью, письмомъ другимъ, несомнѣнно болѣе вычурнымъ, неяснымъ? Если Кириллъ былъ на самомъ дѣлѣ составителемъ кириллицы, то спрашивается, зачѣмъ понадобилась вскорѣ другая азбука, болѣе запутанная, особенно послѣ перенесенія дѣятельности его учениковъ въ тѣ страны, которыя находились подъ сильнымъ греческимъ вліяніемъ. Предположеніе же объ образованіи новаго алфавита позже въ Далмаціи для избѣжанія преслѣдованій папъ, конечно, въ настоящее время должно быть оставлено за открытіемъ древнѣйшихъ глаголическихъ памятниковъ болгарскаго происхожденія. Не было-ли наоборотъ, не явилась-ли скорѣе потребность реформировать славянское письмо послѣ Кирилла въ иномъ направленіи, въ смыслѣ сближенія съ греческимъ алфавитомъ. Так. образ. въ греческомъ краткомъ житіи Климента находится отзвукъ исторической правды. Скорѣе всего замѣна алфавита не была совершена Климентомъ, но во всякомъ случаѣ могла совершиться около того времени въ восточной Болгаріи. А тогда необходимо предположить, что глаголица является письмомъ раннимъ сравнительно съ кириллицей, что она-то и есть, по всему вѣроятію, письмо Кирилла. И въ пользу этой гипотезы можно привести слѣдующія соображенія. Упомянутыя мной историческія свидѣтельства, именно паннонскія житія, рисуютъ намъ Кирилла человѣкомъ съ философскимъ міросозерцаніемъ, человѣкомъ далекимъ отъ жизни, глубокимъ знатокомъ восточной письменности. И этотъ человѣкъ могъ задаться цѣлью создать для славянъ особый алфавитъ, основать его не только на греческомъ, но и на другихъ себѣ извѣстныхъ. Страннымъ можетъ только показаться, почему составитель черпалъ изъ такихъ разныхъ источниковъ, когда имѣлись иногда данныя для этого и въ греческомъ алфавитѣ. Но на это можно от-

вѣтить то, что иногда фонетика греческаго языка не подходила къ славянской рѣчи, и Кириллъ прибѣгалъ къ помощи другихъ языковъ. Я говорю это не только относительно упомянутыхъ уже знаковъ ш, ч, но относительно такихъ, напр., какъ *е*, — въ греческомъ онъ могъ звучать нѣсколько иначе и потому была придумана для славянскаго иная буквенная форма. А затѣмъ, конечно, во всемъ этомъ могла играть огромную роль мысль сдѣлать алфавитъ инымъ, самостоятельнымъ. О самостоятельности этого алфавита, бо́льшей независимости отъ греческаго, сравнительно съ кириллицей, свидѣтельствуютъ и цифровыя значенія буквъ: въ глаголицѣ нѣтъ такого соотвѣтствія съ греческимъ, какъ въ кириллицѣ.

Проводя здѣсь теорію о сравнительной древности глаголицы, я позволю привести здѣсь и нѣкоторыя собственныя наблюденія, которыя, кажется мнѣ, могутъ служить вполнѣ доказательствомъ, по крайней мѣрѣ, того, что имѣющіеся у насъ глаголическіе памятники древнѣе таковыхъ же кирилловскихъ. Наблюденія касаются надстрочныхъ знаковъ. Извѣстно, что въ греческихъ рукописяхъ VIII—IX вв. мы находимъ двухъ родовъ придыханія и двухъ родовъ ударенія. Форма придыханій въ рукописяхъ VIII—IX вв. — ⊦ и ⊣, ударенiй ∖/ ∧. Затѣмъ придыханія получаютъ уже полукруглую форму: ʻ ʼ и ударенія: ∩ ∼. И вотъ, въ одномъ только глаголическомъ памятникѣ мы находимъ ⊦, ⊣ и ∧, употребленныя съ замѣчательной систематичностью, ни въ одномъ кирилловскомъ памятникѣ этого нѣтъ, а если и попадаются знаки, то преимущественно полукруглые и не съ такою опредѣленной, своеобразной систематичностью, какъ въ упомянутомъ памятникѣ.

Вопросъ о происхожденіи и взаимоотношеніи ц.-слав. азбукъ, — вопросъ очень и очень давній. Онъ имѣетъ огромную научную литературу; много уже отвѣтовъ дано на этотъ вопросъ, но онъ все-же остается вопросомъ нерѣшеннымъ вполнѣ, загадкой, стоящей на пути каждаго изучающаго отдаленные вѣка славянской цивилизаціи. Давно также выдвинута гипотеза о сравнительной древности глаголицы, но первоначально гипотеза эта не была, да и не могла быть за отсутствіемъ данныхъ, обоснована доказательствами. Еще въ концѣ XVIII ст. чешскій ученый Добнеръ высказалъ блестящую догадку. Онъ обратилъ вниманіе на разницу азбукъ въ палеографическомъ отношеніи и сдѣлалъ заключеніе, что

глаголица носитъ отпечатокъ глубокой древности и всѣ признаки алфавита новаго въ отличіе отъ кириллицы, представляющей большое сходство съ греческимъ алфавитомъ. Нужно было пройти еще много времени, чтобы эта блестящая гипотеза могла найти себѣ твердую основу. По мнѣнію Добнера, глаголица, письмо Кирилла, позднѣе была приписана далматинскимъ духовенствомъ блаж. Іерониму для того, чтобы избѣжать гоненія со стороны римскаго духовенства. Глаголица вовсе не письмо Іеронима, какъ кириллица не письмо Кирилла. Но гипотеза Добнера вызвала сильный отпоръ со стороны лучшаго знатока славянскихъ древностей Добровскаго, перваго научнаго славянскаго дѣятеля, считаемаго обыкновенно „патріархомъ славистики“. Въ перепискѣ Добровскаго съ Дурихомъ мы находимъ много мѣстъ, удѣленныхъ вопросу объ азбукахъ. Добровскій высказываетъ мнѣніе, что глаголица, составленная далматинскимъ духовенствомъ, приписана затѣмъ блаж. Іерониму и что составленіе ея относится къ XII или XIII ст. Мнѣніе Добровскаго восторжествовало. Но вотъ въ 1836 году былъ изданъ Копитаромъ ц.-слав. памятникъ „Клоцовъ сборникъ“, писанный глаголицей, раннее происхожденіе котораго было несомнѣнно. И вѣсы склонились въ пользу мнѣнія Добнера. Копитаръ склонялся уже къ мнѣнію, что, можетъ быть, глаголица возникла даже раньше дѣятельности Кирилла, замѣнившаго ее потомъ другой азбукой. Мнѣніе Копитара нашло себѣ противниковъ въ лицѣ русскихъ ученыхъ Прейса, Срезневскаго и защитника въ лицѣ Григоровича. Первый придерживался мнѣнія Добровскаго, отодвигая лишь время возникновенія глаголицы къ X в., Срезневскій первоначально проводилъ мысль о возникновеніи ея въ Болгаріи въ IX—X ст. Григоровичъ приходилъ къ заключенію, что глаголица, — алфавитъ Кирилла, а кириллица принадлежитъ Меѳодію. Новые факты, доказывающіе древность глаголицы, находятся уже въ трудахъ Шафарика, который придерживался вначалѣ мнѣнія о древности кириллицы, а затѣмъ кореннымъ образомъ измѣнилъ свое мнѣніе. Свои мысли онъ развилъ въ статьѣ: „О происхожденіи и родинѣ глаголицы“ (на нѣмецкомъ яз.) и здѣсь окончательно высказывается за принадлежность глаголицы Кириллу, а кириллицу приписываетъ Клименту. Въ трудахъ Шафарика находятся уже указанія на источники нѣкоторыхъ глаголическихъ буквъ въ греческомъ курсивномъ

письмѣ. Так. образ. Шаф. можетъ уже считаться родоначальникомъ послѣдующей теоріи. Упомяну еще о неудачной теоріи Гейтлера о происхожденіи глаголицы изъ албанскаго письма. Эта теорія послѣ подробной рецензіи Ягича, послѣ небольшого изслѣдованія албанскаго ученаго Пекмези („о позднѣйшимъ происхожденіи албанской письменности") должна считаться совершенно погребенной.

Дальнѣйшей разработки вопроса я касаться не буду, скажу только, что открытіе новыхъ глаголическихъ памятниковъ шло на помощь и подтвержденіе мнѣнія Шафарика. Только не такъ давно была открыта въ Болгаріи кирилловская надпись конца X ст. Эта надпись на первый взглядъ должна была увеличивать шансы защитниковъ древности кириллицы, но въ сущности она не дала ничего вѣскаго для ихъ предположеній.

Гипотеза о сравнительной древности глаголицы начинаетъ находить себѣ защитниковъ среди русскихъ ученыхъ. Правда, вѣдь, это только гипотеза, но обладающая бо́льшимъ числомъ доказательствъ въ свою пользу, чѣмъ противоположная. Однимъ изъ сильныхъ противниковъ этой гипотезы является, въ сущности, традиція. Страннымъ кажется, что дѣло Кирилла и Меѳодія, начатое въ Моравіи и Панноніи, перешедшее затѣмъ въ другія славянскія земли и нашедшее себѣ такую богатую почву у насъ, связано не съ той азбукой, къ которой мы такъ привыкли и считаемъ священнымъ наслѣдіемъ славянскихъ первоучителей, — что азбука эта плодъ дѣятельности слѣдующаго поколѣнія.

Признавая и проводя эту теорію, мы тѣмъ самымъ не умаляемъ значенія дѣятельности св. братьевъ. Значеніе этой дѣятельности въ созданіи первой азбуки, въ первомъ переводѣ на славянскій языкъ греческихъ книгъ, слѣдовательно въ созданіи литературнаго языка славянъ. И потому они по справедливости могутъ быть названы славянскими первоучителями, и величію ихъ дѣла не повредитъ признаніе, что послѣдующія поколѣнія внесли нѣкоторыя поправки въ этомъ дѣлѣ[1]).

---

1) Изъ научной литературы по затронутымъ вопросамъ.

Ягичъ. Четыре палеографическія статьи. СПБ. 84 г. (изъ 33-го тома „Сборника Имп. Ак. Наукъ по отд. рус. яз. и словесности).

Taylor. Ueber den Ursprung des glagolitischen Alphabets (Archiv

II.

О родинѣ древне-церк.-слав. языка.

Покончивъ съ вопросомъ о древне-ц.-слав. азбукахъ, мы перейдемъ къ другому, не менѣе важному вопросу — о родинѣ др.-ц.-слав. языка, или, вѣрнѣе, о родинѣ дошедшихъ до насъ древнихъ ц.-слав. памятниковъ, такъ какъ говорить о родинѣ языка кирилло-меѳодіевской письменности у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ. Этотъ вопросъ, какъ и предыдущій, — кардинальный вопросъ нашей науки, надъ разрѣшеніемъ котораго много потрудились такіе столпы славистики, какъ Добровскій, Востоковъ, Копитаръ, Шафарикъ, Миклошичъ, Ягичъ и др.

Первымъ постаравшимся классифицировать слав. нарѣчія и опредѣлить ихъ отношеніе къ древне-ц.-слав. языку, былъ чехъ Добровскій. Онъ первый положилъ начало той обширной литературы, въ которой послѣ по этому поводу были высказаны самыя разнообразныя мнѣнія. Классифицируя слав. нарѣчія, прежде всего, конечно, приходится задаваться вопросомъ: къ какому изъ нихъ нужно отнести древне-ц.-слав. языкъ? Во время Добровскаго слав. нарѣчія, особенно южныя, не были почти совершенно изучены, такъ: — болгарскій языкъ былъ совершенно неизвѣстенъ, и неудивительно поэтому, что Добровскій относилъ ц.-слав. языкъ къ группѣ древне-сербскихъ говоровъ, понимая подъ этимъ терминомъ вообще южно-славянскія нарѣчія.

---

für slavische Philologie, V. Band). *Бѣляевъ.* Исторія алфавита и новое мнѣніе о происхожденіи глаголицы. Казань 1886 г. (изъ Записокъ Казан. Ун.). *Geitler.* Die albanesischen und slavischen Schriften. Wien 1883 (здѣсь особенно важны снимки съ разл. др.-ц.-сл. памятниковъ). *Миллеръ* Вс. Къ вопросу о славянской азбукѣ (Журн. Мин. Нар. Пр. 842 № 3).

Другія указанія и детальный анализъ глаголической азбуки см. во II выпускѣ изслѣдованія Грунскаго „Кіевскіе глаголическіе листки". Юрьевъ. 1904 г. (изъ Зап. Юрьев. Унив.). Для полноты ср. подробные разборы этого изслѣдованія — Ляпунова („О диссертац. Н. К. Грунскаго . . ." отд. оттискъ изъ Зап. Новоросс. Унив. Зап. 1906 г.), Кульбакина (Журн. М. Нар. Пр. 1906 г. № 3), проводящихъ теорію происхожденія глаголицы изъ греческаго курсивнаго письма.

Въ изслѣдованіи Грунскаго „Пражскіе глагол. отр." (изъ Зап. Юр. Ун. 1905 г.) приведенъ анализъ „Сказанія о письмен." черноризца Храбра (см. тамъ же и литературу вопроса).

На болѣе правильную точку сталъ русскій ученый Востоковъ. Обращая вниманіе на фонетическія особенности древнѣйшихъ ц.-слав. памятниковъ, особенно на употребленіе носовыхъ гласныхъ ѫ и ѧ, которыхъ не было у сербовъ, и глухихъ, Востоковъ приходилъ къ убѣжденію, что древн.-ц.-слав. памятники были написаны на болгарскомъ нарѣчіи. Нужно особенно удивляться проницательности Востокова, принимая во вниманіе мнѣнія, проводившіяся въ современной ему и позднѣйшей русской литературѣ о тожествѣ др.-ц.-сл. съ русскимъ языкомъ (Калайдовичъ, Погодинъ и др.).

Въ противовѣсъ приведеннымъ мнѣніямъ словенскимъ ученымъ Копитаромъ было высказано мнѣніе о словенскомъ происхожденіи др.-ц.-слав. языка. Зная очень мало болгарскій языкъ, только нѣкоторыя его черты, которыя, дѣйствительно, отдаляютъ древн. церковный яз. отъ болгарскаго, Копитаръ находилъ гораздо бо́льшее сходство церк.-слав. яз. съ словенскимъ языкомъ. Для доказательства своей теоріи онъ пользовался и данными историческаго характера: Копитаръ указывалъ, что дѣятельность Меѳодія протекала главнымъ образомъ въ Паннониі, населенной словенцами, что именно тамъ, въ южной словенской области, и создался литературный яз. славянъ. На послѣднее указывало, по Копитару, присутствіе въ церк.-слав. яз. словъ германскаго и латинскаго происхожденія: въ Паннониі, какъ извѣстно, до славянскаго богослуженія совершалось богослуженіе на латинскомъ языкѣ, и было сильно нѣмецкое вліяніе; Копитаръ указывалъ на слова: попъ, постъ, црькъı, крьстити и др., и этимъ словамъ онъ придавалъ громадное значеніе. Так. обр. Копитаръ является начинателемъ и первымъ защитникомъ такъ называемой теоріи паннонизма. Особенно горячо Копитаръ возражалъ противъ мнѣнія Добровскаго, но ему не удалось совершенно разбить это мнѣніе, — это сдѣлалъ позднѣе Шафарикъ.

Шафарикъ, занимаясь сербскимъ языкомъ, опредѣлилъ его основные элементы и показалъ, что этотъ языкъ, по своей фонетикѣ, ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть приравненъ къ древне-ц.-слав. языку. Шафарикъ въ то же время опровергалъ и мнѣніе Копитара, указывая, что словенскій яз., въ нѣкоторыхъ случаяхъ сходный съ сербскимъ, отличается отъ др.-ц.-слав. яз., приближающагося къ болгарскому. На болгаризмъ др.-ц.-слав. языка особенно, по Шафарику, указываетъ

смягченіе *д* и *т* въ *жд* и *шт*, т. е. появленіе такихъ же звуковъ, какъ и въ болгарскомъ, чего ни въ сербскомъ, ни въ словенскомъ мы не видимъ. Шафарикъ указывалъ также на то, что ново-болгарскій яз. представляетъ уже очень много отклоненій отъ формъ прежняго времени, и по новому его состоянію всецѣло нельзя дѣлать сужденій, говоря о др.-ц.-слав. языкѣ. Шафарику, опровергавшему Копитара, особенно приходилось считаться съ главными доводами послѣдняго, — относительно германизмовъ. По мнѣнію Шафарика, ихъ можно объяснить вліяніемъ готскаго языка. Въ послѣдующихъ своихъ трудахъ Шафарикъ измѣнилъ свое мнѣніе, присоединившись въ общемъ къ мнѣнію Копитара. Измѣненіе во взглядахъ Шафарика находилось въ зависимости отъ перемѣны его взглядовъ на древность кириллицы и глаголицы. Считая теперь глаголицу древнѣйшей и отмѣчая въ глагол. памятникахъ извѣстныя слова и обороты, какъ, напр.: лѣкы, отокъ, къмотръ и др., Шафарикъ находилъ въ нихъ характеръ языка словенскаго. Онъ пытался опровергнуть и свое собственное мнѣніе о *жд*, *шт*, и находилъ, что эти сочетанія были и въ словенскомъ языкѣ. На ихъ присутствіе въ словенскомъ языкѣ, по мнѣнію Шафарика, указываютъ нѣкоторыя слова мадьярскаго языка, заимствованныя изъ яз. словенскаго и имѣющія данныя сочетанія. Затѣмъ, какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ словенскаго языка сохранились также и носовые звуки. Въ своихъ новыхъ догадкахъ Шафарикъ опирался также и на историческія данныя. Согласиться съ доводами Шафарика, конечно, невозможно: всѣ указанныя имъ слова встрѣчаются не только у словенцевъ, но и у другихъ славянъ. Съ исторической же точки зрѣнія теорія паннонизма является даже очень странной. Почему словенскій яз. нужно считать языкомъ, на который переводилъ книги Кириллъ, когда его дѣятельность протекала главнымъ образомъ не въ Панноніи, — неизвѣстно!

Мнѣніе Копитара и Шафарика о паннонизмѣ др.-ц.-слав. языка поддерживалъ и Миклошичъ. Различіе въ его мнѣніи заключается лишь въ томъ, что онъ подъ географическимъ терминомъ Панноніи подразумѣвалъ всю Моравію. Въ доказательствахъ своихъ онъ опирался на Дюммлера, который проводилъ теорію о первоначальномъ населеніи Моравіи словенцами. Впрочемъ, свою теорію Дюммлеръ не могъ подтвердить осязательными доказательствами; онъ самъ, какъ

отъ исходной точки, отправлялся въ своей теоріи отъ мнѣнія о паннонизмѣ др.-ц.-слав. языка. Не имѣя самъ твердыхъ основъ для доказательства теоріи паннонизма, Миклошичъ стремился разбить теорію болгаризма. Обращаясь къ древнимъ болгарскимъ памятникамъ, онъ указывалъ, что въ нихъ нѣтъ правильнаго употребленія носовыхъ и глухихъ, чѣмъ отличается др.-ц.-слав. яз. Въ древне-болгарскихъ памятникахъ онъ находилъ смѣшеніе носовыхъ и заключалъ, что въ древне-болгарск. языкѣ не было носового произношенія этихъ гласныхъ. Затѣмъ въ тѣхъ же памятникахъ не было правильнаго употребленія ѫ и ъ: въ однихъ памятникахъ встрѣчается преобладаніе ѫ, а въ другихъ — ъ. Слѣд., въ этомъ отношеніи болгарскій языкъ расходится съ др.-церковнымъ. Многія морфологическія особенности современнаго болгарскаго языка, противорѣчащія церковному, Миклошичъ относилъ къ глубокой старинѣ.

Теорія паннонизма, имѣвшая такихъ трехъ выдающихся защитниковъ, какъ Копитаръ, Шафарикъ, Миклошичъ, встрѣтила сильный отпоръ со стороны другихъ ученыхъ. Прежде всѣхъ противъ нее выступилъ извѣстный языковѣдъ Шлейхеръ. Затѣмъ, теорію болгаризма поддерживали такіе ученые, какъ: Лескинъ, Соболевскій, Ягичъ (сначала, впрочемъ, примыкавшій къ теоріи паннонизма) и др. Много сдѣлалъ для опроверженія теоріи паннонизма и молодой словенскій ученый, рано умершій, Облакъ.

Не останавливаясь на каждомъ отдѣльномъ мнѣніи перечисленныхъ ученыхъ, мы постараемся сгруппировать то изъ ихъ изслѣдованій, что, дѣйствительно, говоритъ въ пользу болгаризма др.-ц.-слав. памятниковъ.

Изъ историческихъ памятниковъ мы извлекаемъ слѣдующее: въ паннонскихъ житіяхъ находится указаніе, что Кириллъ и Меѳодій отправились въ Моравію съ готовымъ переводомъ книгъ. Слѣд., книги переведены были на языкъ славянъ, жившихъ около Солуня, уроженцами котораго были Кириллъ и Меѳодій, или, во всякомъ случаѣ, на языкъ славянъ, жившихъ около Константинополя, но въ той и другой мѣстности жили болгары: этотъ языкъ могъ свободно быть понятнымъ для славянъ Моравіи и Панноніи. Здѣсь же могли въ готовый уже переводъ входить и иные термины, а что касается латыни, то на самомъ Балканскомъ полуостровѣ въ VIII—IX вв. латынь была въ ходу; на Балканскомъ полу-

островѣ были и нѣмецкія поселенія. Во всякомъ случаѣ, можно еще говорить о языкѣ перевода, сдѣланномъ въ Моравіи, но уже никакъ не въ Панноніи, такъ какъ не Панноніа была мѣстомъ главной дѣятельности Кирилла и Меѳодія, — въ ней лишь продолжалась дѣятельность послѣдняго.

Эти историческія данныя подтверждаются данными языка. Особенно характерною чертой древнихъ ц.-слав. памятниковъ является смягченіе *д* и *т* предъ *j* въ *жд* и *шт*. Напр. свѣт + ja = свѣшта, род + јество = рождество. Эту черту мы наблюдаемъ въ болгарскихъ говорахъ. Правда, въ македонскихъ говорахъ мы видимъ вмѣсто этихъ звуковъ — другіе, но около Солуня попадаются еще *жд* и *шт*. Смягченіе *д* и *т*, какъ извѣстно, различно въ разныхъ слав. языкахъ и *жд* и *шт* прежде всего говорятъ о родствѣ ц.-слав. памятниковъ и современныхъ болгарскихъ говоровъ.

Въ древне-ц.-слав. памятникахъ мы находимъ употребленіе ѫ и ѧ, подъ которыми нужно разумѣть носовые гласные. Какъ показываетъ изученіе говоровъ болгарскаго языка, въ македонскихъ нарѣчіяхъ мы находимъ слѣды существованія носовыхъ гласныхъ. И особенно эти носовые сохранились около Солуня. Мы находимъ, напр., такія слова: рънка (рѫка), чендо (чѧдо), ензикъ (ѧзыкъ). На основаніи собранныхъ данныхъ предполагается съ большою вѣроятностью, что носовые гласные являются одной изъ главныхъ фонетическихъ особенностей вообще болгарскаго языка. Даже въ средне-болгарскихъ памятникахъ, въ которыхъ замѣчается ихъ смѣна, находятъ случаи, говорящіе о существованіи иногда носовыхъ, такъ, напр., въ Болонской псалтыри, памятникѣ XII в., мы встрѣчаемъ слово сомбота и пр. Правда, носовые гласные удержались отчасти и въ словенскомъ языкѣ, а въ одномъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ этого языка они также нашли себѣ выраженіе — въ Фрейзингенскихъ отрывкахъ. Но сравненіе Фрейз. отр., этого древнѣйшаго изъ памятниковъ словенскаго яз., относимаго къ X ст., съ памятниками древне-ц.-слав. языка и въ этомъ отношеніи и въ другихъ показываетъ, насколько ихъ языкъ разнится. Это сравненіе особенно должно подрывать теорію паннонизма. Въ Фрейз. отр. на ряду съ сохранившимися носовыми мы находимъ замѣну ѫ = у, о; ѧ = е.

Въ древнѣйшихъ ц.-слав. памятникахъ мы видимъ болѣе или менѣе правильное употребленіе глухихъ гласныхъ ъ и ь.

Въ настоящее время и въ болгарскомъ и словенскомъ также существуютъ глухіе, но они имѣютъ иной уже характеръ, чѣмъ глухіе ц.-слав. языка. Въ болгарскихъ говорахъ, впрочемъ, различаются твердый и мягкій глухой, въ словенскомъ же существуетъ лишь одинъ глухой. Что въ болгарскомъ долго существовала разница въ произношеніи этихъ звуковъ, указываетъ то обстоятельство, что когда ъ и ь стали переходить въ болѣе опредѣленный звукъ, то ъ уже переходитъ въ *о*, а ь = *е*.

Начертаніе кириллицы „Ѣ“ (глагол. Ⱑ), непонятное на первый взглядъ, передавало звукъ „я“ или ᵉa, а подобное произношеніе мы находимъ въ македонскихъ говорахъ, около Солуня.

Употребленіе „зѣла“ („*дз*“) свойственно также македонскимъ говоромъ.

Наряду съ зѣло о томъ же говоритъ и такъ называемый дервь (передаваемый обыкновенно въ печати ѣ) — глаголическая буква, произносимая, по всей вѣроятности, какъ мягкое *д—г* и служившая для передачи произношенія греческаго γ (преимущ. въ слогахъ γε, γι). Эта буква употребляется только въ словахъ греческаго происхожденія: анѣелъ, ѣеона... и жизненность этой буквы, цѣлесообразность ея существованія могла быть только не въ Панноніи и Моравіи, а въ Болгаріи.

Изъ фонетическихъ чертъ одна только говоритъ какъ бы противъ болгаризма — это развитіе такъ называемаго „л“ — epentheticum. Это смягченіе губныхъ посредствомъ „л“, напр., въ древнѣйшихъ ц.-слав. памятникахъ мы видимъ преимущественно употребляется земл̨а и рѣдко — зем̨а, т. е. безъ „л“. Въ болгарскомъ этого „л“ нѣтъ. Но необходимо предположить, что было время, когда это „л“ epentheticum было и потомъ уже постепенно исчезало въ говорахъ.

Вотъ главныя данныя, на основаніи которыхъ мы должны склониться болѣе въ пользу теоріи болгарскаго происхожденія ц.-слав. памятниковъ.

Замѣтимъ еще, что кромѣ упомянутыхъ теорій выдвинута была еще теорія о ц.-слав. языкѣ, какъ языкѣ искусственномъ. Такъ, въ 1860 году въ статьѣ „Непорѣшенный вопросъ“ проф. Ламанскій считалъ ц.-слав. яз. въ основѣ своей языкомъ македонскихъ славянъ, сильно измѣненнымъ подъ вліяніемъ языка моравскихъ славянъ. Полученный, так. обр., языкъ былъ ни македонскій, ни моравскій, а образовавшимся ц.-слав.

яз. былъ, по словамъ Ламанскаго, не одно какое-нибудь нарѣчіе ..... „это былъ уже языкъ книги, органъ отвлеченной мысли, тѣмъ болѣе удалявшійся отъ безсознательнаго и непосредственнаго народнаго говора, что онъ при самомъ рожденіи своемъ началъ обрабатываться учеными, представителями различныхъ славянскихъ племенъ".

Того же мнѣнія объ „искусственности" держится и Будиловичъ, съ той лишь разницей, что въ основу онъ кладетъ языкъ малоазіатскихъ славянъ, связывая так. обр. возникновеніе др.-ц.-слав. письменности еще со временемъ первыхъ миссіонерскихъ трудовъ Кирилла.

„Искусственность" др.-ц.-слав. языка, конечно, нужно признать, какъ языка вообще литературнаго, но не въ такой мѣрѣ, какъ то мы находимъ у Ламанскаго: др.-ц.-слав. не былъ искусственно созданъ Кирилломъ и Меѳодіемъ изъ разнообразныхъ элементовъ [1]).

III.

Главнѣйшіе источники древне-ц.-сл. языка, изданія ихъ и изслѣдованія о нихъ.

Дѣятельность Константина и Меѳодія протекла въ Моравіи, а также небольшомъ сосѣднемъ славянскомъ княжествѣ Блатенскомъ (прежняя обл. Паннонія, населенная словенцами) у князя Коцела. Тяжело приходилось славянскимъ учителямъ благодаря тѣмъ сильнымъ гоненіямъ, которыя воздвигло на нихъ нѣмецкое духовенство, ранѣе проникшее въ Моравію и считавшее послѣднюю своимъ удѣломъ. Благодаря вліянію

1) *Изъ литературы вопроса.* Лучшимъ пособіемъ въ данномъ случаѣ можетъ служить изслѣд. Ягича: Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslav. Sprache. Wien 1900. I—II (изъ Denkschriften d. K. Akademie d. Wissensch. Phil. hist. Classe LVII Band). Подробное изложеніе этого сочиненія сдѣлано проф. Лавровымъ (Извѣстія Им. Ак. Н. по отдѣлу р. яз. и сл. 1901 г., кн. 1).

Ягичъ касался снова вопроса о происхожденіи др.-ц.-сл. языка въ своихъ Streitfragen въ Archiv'ѣ (Ср. т. XX — въ этихъ „спорныхъ вопросахъ" не разъ дѣло касалось спеціально др.-ц.-сл. языка), опредѣляя его родину въ мѣстности болгаро-сербской пограничной, такъ какъ въ формальномъ отношеніи др.-ц.-сл. языкъ сближается съ сербскимъ, а въ фонетическомъ — съ болгарскимъ.

этого духовенства, употреблявшаго латинскую литургію, послѣ смерти Меѳодія († 885, Константинъ-Кириллъ умеръ ранѣе, въ 869 г.), ученики св. братьевъ были изгнаны изъ Моравіи и бѣжали на югъ, главн. обр. въ Болгарію. Къ тому времени болгарское государство достигаетъ большого могущества (въ составъ болгарскаго государства входила тогда даже горная часть нынѣшней Венгріи). Вслѣдствіе дѣятельности учениковъ св. братьевъ въ Болгаріи наступаетъ расцвѣтъ письменности. На сѣверо-западѣ отъ Болгаріи было тогда Хорватское государство, гдѣ также обнаружились слѣды дѣятельности св. братьевъ.

Дѣлу Константина Кирилла и Меѳодія во многомъ содѣйствовало то обстоятельство, что выдающіеся изъ славянскихъ правителей того времени понимали, что для политической самостоятельности ихъ государствъ важно имѣть независимую національную церковь. И если мы видимъ вскорѣ гоненія на славянское богослуженіе и стремленіе уничтожить всякіе слѣды дѣятельности Кирилла и Меѳодія, то это объясняется главнымъ образомъ политической слабостью предъ сосѣдями-нѣмцами [1]).

Въ X вѣкѣ Русь принимаетъ христіанство. Проникаетъ сюда уже славянская письменность изъ Болгаріи. Древнерусскіе книжники, занимавшіеся перепиской, стремились точно передавать подлинники, такъ какъ не считали возможнымъ измѣнять хотя бы въ мелочахъ формы священнаго нарѣчія. Впрочемъ, совершенно невольно, подъ вліяніемъ родныхъ нарѣчій, они дѣлали отступленія отъ этихъ подлинниковъ. И вообще, церковно-славянскія рукописи, будучи переписываемы въ различныхъ славянскихъ земляхъ, воспринимали особенности различныхъ нарѣчій. Въ рукописяхъ XI—XIII вв. и дальнѣйшаго времени, переписанныхъ въ Болгаріи, Сербіи и на Руси, замѣчаются отличія, которыя заставляютъ различать такъ называемые изводы, или редакціи, — болгарскую, сербскую, русскую. Путемъ дальнѣйшаго измѣненія у насъ

1) Тогда же начали западные славяне прибѣгать къ латинской азбукѣ, приспособлять ее къ передачѣ своей рѣчи. Нѣсколько разъ приходилось реформировать, улучшать заимствованный алфавитъ, прежде чѣмъ достигнуть того состоянія, въ которомъ видимъ теперь его (при томъ, такъ какъ реформа эта производилась у различныхъ славянъ особо, то и теперь способы передачи нѣкоторыхъ звуковъ не одинаковы).

образовался ново-церковно-славянскій языкъ, который употребляется теперь въ нашей церкви.

Въ нашихъ монастыряхъ, различныхъ библіотекахъ сохраняется масса рукописей др.-ц.-славянскихъ, переписанныхъ нашими грамотеями. Древне-русскій книжникъ проникался церковно-славянской рѣчью: онъ зналъ наизусть огромные отрывки, иногда цѣлыя книги. Немудрено, что древне-церк.-сл. языкъ сдѣлался нашимъ книжнымъ литературнымъ языкомъ. Такъ было до XVIII ст. (хотя уже начиная съ XII—XIII ст. выступаютъ иногда мѣстныя нарѣчія въ качествѣ письменнаго языка, но только это было въ дѣловыхъ сношеніяхъ). Только со времени Петра Великаго начинаетъ сказываться довольно сильно стремленіе дать русскому языку литературную обработку, что обнаруживается особенно дальше — въ трудахъ Тредьяковскаго, Ломоносова. Трудами представителей этого движенія въ основу литературнаго русскаго языка положенъ былъ московскій говоръ. Господство у насъ древне-ц.-сл. языка, его близость къ русскому языку обусловили и сильное вліяніе его на создававшуюся русскую литературную рѣчь. И какъ древне-церковно-сл. языкъ на первыхъ же порахъ своего образованія отклонился отъ того болгарскаго говора или нарѣчія, которое было положено въ его основаніе, отклонился въ силу вліянія особенно греческаго языка, такъ было и съ русскимъ литературнымъ языкомъ — только здѣсь предыдущая жизнь создала возможность бо́льшихъ вліяній.

Древне-церковно-славянскому языку, такимъ образомъ, суждено было выйти изъ рамокъ языка церковнаго. Для насъ и для южныхъ славянъ онъ имѣлъ въ свое время такое же значеніе, какъ латинскій языкъ въ средніе вѣка для Западной Европы.

Древнѣйшими ц.-слав. памятниками, въ которыхъ, по даннымъ языка и палеографіи, болѣе вѣрно представленъ первоначальный ц.-слав. языкъ, являются:

Глаголическіе.

Зографское Евангеліе. Четвероевангеліе, неполная рукопись въ 304 листа, при чемъ нѣсколько листовъ позднѣйшаго времени. Открыто консуломъ Михановичемъ въ Зографскомъ монастырѣ на горѣ Аѳонѣ въ 1843 году. Находится теперь

въ Имп. Публ. Библ. Въ 1857 году сфотографировано Севастьяновымъ; въ 1879 г. издано Ягичемъ съ предисловіемъ, въ которомъ высказано мнѣніе о времени его происхожденія (X в. или начало XI в.).

Еще до изданія Ягичъ подробно изслѣдовалъ памятникъ со стороны употребленія въ немъ ѣ и ъ, посвятивъ этому большую статью въ своемъ журналѣ Archiv f. slav. Philologie (Studien über d. altsl.-gl. Zogr. E.) I—II. B. Были здѣсь высказаны Ягичемъ и нѣкоторые общіе взгляды относительно памятника. Это очень цѣнная работа. Вопросу о глухихъ въ Зогр. Ев. и другихъ др.-ц.-сл. пам. въ томъ же Archiv'ѣ въ недавнее время были посвящены статьи Лескина (Arch., 1905).

Маріинское Ев. Четвероевангеліе. Большая часть рукописи, 172 листа, вывезена Григоровичемъ въ Россію. Найдено также на Аѳонѣ въ Маріинскомъ монастырѣ. Находится въ Москвѣ, въ Рум. музеѣ (2 листа въ Вѣнѣ). Въ 1881 г. часть (Ев. отъ Луки) издана фотолитографически. Издано все Ягичемъ въ 1883 г. Къ изданію Ягичъ присоединилъ послѣсловіе, представляющее изслѣдованіе памятника. Относитъ онъ памятникъ къ X или началу XI в., его переписчикомъ считаетъ по нѣкоторымъ особенностямъ — сербо-хорвата, въ переводѣ его видитъ еще болѣе вѣрную копію первоначальнаго ц.-слав. яз., чѣмъ въ Зографскомъ. Напротивъ, критикуя Ягича, болгарскій ученый Милетичъ считалъ этотъ памятникъ болгарскимъ (Пер. Списан. на бълг. уч. Др. 1886 г. XIX—XX кн.).

Ассеманово или *Ватиканское Ев.* Это Евангеліе — апракосъ, 159 лист. безъ конца. Пріобрѣтено отъ кого-то въ Іерусалимѣ еще въ 1736 году библіотекаремъ Ассеманомъ, находится въ Ватиканской библіотекѣ. Издавалось дважды: въ 1865 году глаголицей — Рачки, но гораздо болѣе точно издано въ 1878 г. латинкой Чернчичемъ. Въ синаксарѣ этого Ев. упоминаются нѣкоторые мѣстные македонскіе святые, почему родиной этого памятника считается Македонія.

Къ евангельскимъ чтеніямъ относятся также и отрывки *Охридскаго Ев.* Снимки съ одного отрывка (болѣе полнаго) даны въ извѣстн. сочиненіи Гейтлера Die albanes. u. slav. Schriften, полностью памятникъ первоначально напечатанъ Срезневскимъ въ его „Древніе глал. памятники“ (не особенно правильно).

Синайская псалтырь, хранящаяся въ библіотекѣ Синайскаго монастыря св. Екатерины. Рукопись въ 177 листовъ, безъ конца. Издана Гейтлеромъ въ 1883 году.

Синайскій требникъ, 106 лист., находящійся также на Синаѣ въ монастырѣ св. Екатерины. Изданъ Гейтлеромъ въ 1882 г.

Оба памятника относятъ къ XI стол. Изданія этихъ памятниковъ очень неточны.

Клоцовъ сборникъ — остатки большого рукописнаго сборника, находящіеся въ Тріентѣ и Иннсбрукѣ. Принадлежала рукопись графу Клоцу. Въ неполномъ видѣ издана Копитаромъ въ 1836 г. и Миклошичемъ въ 1860 г. Затѣмъ въ 1893 г. вышло полное изданіе Вондрака съ обширнымъ предисловіемъ. По содержанію памятникъ — житія святыхъ и проповѣди.

Кирилловскіе памятники.

Саввина книга — это Евангеліе, 129 лист., названо такъ по припискѣ, писанной какимъ-то попомъ Саввой; находится въ Москвѣ въ Типографской библіотекѣ. Издана первоначально Срезневскимъ. Неточности изданія указаны Ягичемъ. Вновь издано Щепкинымъ, которому принадлежитъ и изслѣдованіе этого памятника (впрочемъ неполное — касающееся вопросовъ палеографіи и фонетики).

Супрасльская рукопись. — Содержаніе памятника — житія святыхъ (285 листовъ). Найдена въ Супрасльскомъ монастырѣ близъ Бѣлостока каноникомъ Бобровскимъ. Изданъ памятникъ въ 1857 г. Миклошичемъ. По нѣкоторымъ даннымъ предполагаютъ, что послѣдняя переписка кодекса сдѣлана гдѣ-то въ сосѣдствѣ съ Россіей. Изслѣдованію нѣкоторыхъ сторонъ языка памятника посвящена статья Водрака (Sitzungsb. W. Ak. 1891 г.) и Zivier'a: Studien über d. Cod. S. Breslau 1892 г. Новое изданіе сдѣлано трудами Северьянова. Изданіе очень сдѣлано старательно, отмѣчаются даже совершенно неважныя мелочи; цѣнны нѣкоторыя сличенія съ греч. текстами, которыя открываютъ ошибки изданія Миклошича, вошедшія и въ его Lexicon; къ сожалѣнію, однако, и это изданіе нелишено крупныхъ ошибокъ. Часть рукописи (находящаяся въ Люблянахъ; другія въ Варшавѣ и Петербургѣ) имѣется въ отдѣльномъ фотографическомъ изданіи, другая (Петербург.) издана фотолитографіей Обществ. Люб. Др. Письменности (№ 49).

Небольшой памятникъ — *„Хиландарскіе листки“*. Изданы въ послѣднее время Кульбакинымъ и Евангельскіе листки

Ундольскаго — изданы Срезневскимъ и въ новѣйшее время Карскимъ (со снимками).

У Карскаго же и изслѣдованіе памятника (еще ранѣе этотъ памятникъ былъ изслѣдованъ Щепкинымъ въ сборникѣ, посвященномъ ак. Фортунатову — Рус. Фил. Вѣстн. 1902 г. II).

Какъ кирилловскіе, такъ и глаголическіе памятники представляютъ извѣстныя діалектическія особенности. Болѣе или менѣе опредѣленно можно разграничить даже двѣ группы въ этихъ памятникахъ по фонетическимъ и морфологическимъ чертамъ. Всѣ памятники, впрочемъ, представляютъ постепенный переходъ. Крайними стоятъ съ одной стороны — Зографское и Маріинское Ев., а съ другой — Супрасльская рукопись и Саввина книга.

Всѣ эти памятники называются древне-ц.-славянскими или старо-славянскими, потому что въ нихъ сохранились древнѣйшія черты языка — болѣе правильное употребленіе глухихъ и носовыхъ, *жд* и *шт*.

Изъ другихъ памятниковъ упомянемъ о *Кіевскихъ листкахъ*. Кіевскіе листки изданы были Срезневскимъ и затѣмъ со снимками Ягичемъ. Памятникъ поражаетъ насъ замѣчательной правильностью языка: правильнымъ употребленіемъ ъ, ь, ѫ, ѧ Кіевскіе листки превосходятъ всѣ остальные, перечисленные нами, памятники, и одна только черта — именно: употребленіе *з, ц* вмѣсто *жд, шт* заставляла и заставляетъ ученыхъ относить этотъ памятникъ къ чешской редакціи. Впрочемъ, по поводу этого существуютъ различныя мнѣнія ученыхъ. Нѣкоторые ученые видятъ въ этомъ памятникѣ не редакцію, а отраженіе одного изъ древнѣйшихъ слав. нарѣчій.

Затѣмъ мы должны здѣсь же упомянуть и еще объ Остромировомъ Евангеліи. Хотя этотъ памятникъ носитъ явные слѣды русской редакціи, но онъ также является однимъ изъ ближайшихъ источниковъ для знакомства съ древнѣйшимъ состояніемъ письменности: въ немъ сохраняются многія черты древности. Памятникъ былъ изданъ Востоковымъ, затѣмъ было сдѣлано (не особенно удачное) фототипическое изданіе (Савинковымъ). Изданіе Востокова, снабженное греческимъ текстомъ, словаремъ, до сихъ поръ является цѣннымъ. Есть и изслѣдованіе памятника (не исчерпывающее впрочемъ, всѣхъ данныхъ) Козловскаго[1]). Укажу также статью Каринскаго (Ж. М. Н. Пр. 1903 г. май).

1) Отрывки изъ приведенныхъ памятниковъ можно найти въ

IV.

Начало и развитіе научной разработки древ.-ц.-слав. языка.

Начало научной разработки ц.-слав. языка можно видѣть въ трудахъ чеха Добровскаго, называемаго обыкновенно „патріархомъ славистики", и русскаго ученаго Востокова.

До Добровскаго, правда, были попытки составить ц.-слав. грамматику; это извѣстныя грамматики Лаврентія Зизанія и Мелетія Смотрицкаго [1]). Но въ этихъ попыткахъ мы не видимъ приложенія научныхъ пріемовъ, которые отчасти были примѣнены Добровскимъ въ его „Institutiones linguae slavicae dialecti veteris". Говорю — отчасти, потому что и эта грамматика во многихъ своихъ частяхъ, даже и въ то время, послѣ выхода въ свѣтъ труда Востокова, не удовлетворяла вполнѣ научнымъ требованіямъ. Въ свое время этотъ трудъ Добровскаго имѣлъ громадное значеніе; его цѣнили такъ высоко, что онъ затемнилъ собою трудъ Востокова. Добровскій въ своихъ „institutiones" обратилъ вниманіе на многіе вопросы, касавшіеся вообще слав. языковъ, напр., на классификацію слав. нарѣчій, и въ основу этой классификаціи, на ряду съ нѣкоторыми случайными, невѣрными признаками, были поставлены признаки характерные. Въ этомъ случаѣ его мнѣніе было принято такимъ извѣстнымъ ученымъ, какъ Шлейхеръ, а затѣмъ Потебня. Много внесъ чисто научнаго критицизма Добровскій въ ученіе о корняхъ и синтаксисъ. Но самыя историческія судьбы языка представлены

сравнительно недавно изданной хрестоматіи Каринскаго (СПБ. 1904 г.). Прежнія хрестоматіи (Буслаева, Воскресенскаго) — не отличаются многими изъ достоинствъ хрестоматіи Каринскаго, а извѣстные „Образцы" Ягича являются уже библіографической рѣдкостью.

1) Достаточно сказать также, что Смотрицкій писалъ свою грамматику, основываясь на современномъ церк.-сл. языкѣ, при чемъ примѣшивая данныя польскаго и бѣлорусскаго языковъ. Грамматика цѣликомъ построена по греческимъ образцамъ и даже цѣликомъ переносится ученіе о синтаксисѣ.

Въ сравненіи съ грамматикой Зизанія грамматика Смотрицкаго стоитъ неизмѣримо выше. Смотрицкій далъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень удачную терминологію, удерживающуюся до сихъ поръ (напр., буквы, слогъ, междометіе и пр.).

здѣсь и освѣщены неправильно. Добровскій не различалъ памятниковъ, какъ сдѣлалъ это Востоковъ, по извѣстнымъ періодамъ. Для построенія своихъ грамматическихъ парадигмъ Добровскій черпалъ матеріалъ изъ источниковъ разныхъ временъ.

Въ 1820 г. появилось замѣчательное „Разсужденіе о ц.-слав. языкѣ“ Востокова. Съ него-то, собственно говоря, и начинается научная разработка ц.-слав. языка. Срезневскій передавалъ на основаніи словъ Копитара, что Добровскій, когда познакомился съ разсужденіемъ Востокова, хотѣлъ уничтожить печатавшіяся „institutiones“ и составить вновь по указаніямъ Востокова. Правда, письма Добровскаго не подтверждаютъ этого, но, тѣмъ не менѣе, характерна самая возможность такого факта. Востоковъ примѣнилъ къ изученію памятниковъ уже строго научные пріемы. Онъ прежде всего призналъ необходимость по языку и др. чертамъ дѣлить памятники по вѣкамъ, что и было имъ примѣнено впослѣдствіи въ его замѣчательномъ трудѣ: „Описаніе памятниковъ Румянцевскаго Музея“. Въ „разсужденіи“ Востоковъ затронулъ и нѣкоторыя фонетическія стороны ц.-слав. языка и опредѣлилъ ихъ съ замѣчательною проницательностью. Ему принадлежитъ, напр., заслуга въ опредѣленіи произношенія х, а и физіологической природы глухихъ ъ, ь, опредѣленіе отличій гортанныхъ и пр. Разсужденіе было только начальный трудъ, за которымъ слѣдовали другіе, не менѣе важные труды Востокова. Въ 1843 г. имъ было издано Остромирово Ев. съ грамматикой ц.-слав. языка, составленной на основаніи этого памятника. Съ 1858 г. по 1861 г. издавался имъ словарь церковно-слав. языка, и въ 1863 г. издана грамматика ц.-слав. яз. Основная характерная черта трудовъ Востокова — точность. Она-то и дѣлаетъ и въ настоящее время труды Востокова цѣнными. Въ этомъ сказался образцовый палеографъ, каковымъ и былъ Востоковъ.

Institutiones Добровскаго и Разсужденіе Востокова открывали предъ нами какъ 2 эпохи. Добровскій, представитель XVIII ст., съ типичнымъ стремленіемъ къ абстракціи, уже сходилъ со сцены. Трудно было старику проникнуться новыми вѣяніями, прислушиваться къ даннымъ новой науки сравнительнаго языкознанія. У Востокова, представителя уже XIX вѣка, на первомъ планѣ факты. Методъ изученія этихъ фактовъ строго историческій и сравнительный.

Если Востоковъ внесъ много новаго въ изученіе вообще др.-ц.-сл. языка, то въ вопросѣ къ глаголицѣ онъ стоялъ недалеко отъ Добровскаго. Новыя открытія (Клоцовъ сборникъ) и частичное употребленіе глаголическихъ буквъ въ кирилловскихъ рукописяхъ заставляло его лишь нѣсколько отодвигать изобрѣтеніе глаголицы, при чемъ въ X—XI в. она, по его мнѣнію, перенесена была въ Болгарію папскими миссіонерами и здѣсь находила себѣ первоначально лишь частичное употребленіе.

Сподвижникомъ Добровскаго, слѣдовавшимъ его методамъ, не признававшимъ пріемовъ Востокова, является словенецъ Копитаръ. Въ 1836 г. онъ издалъ глаголическій памятникъ — „Glagolita Clozianus“. Къ сборнику этому онъ присоединилъ грамматику ц.-слав. яз. Но его грамматика въ научномъ отношеніи стоитъ ниже „Разсужденія“ Востокова. Копитаръ, какъ извѣстно, былъ представителемъ теоріи паннонизма ц.-слав. яз.

Много сдѣлалъ для развитія этой теоріи Шафарикъ въ своихъ позднѣйшихъ трудахъ. Исторіей ц.-слав. яз. онъ занимался еще въ раннемъ своемъ трудѣ: „Geschichte der slavischen Sprache und Literatur“, гдѣ онъ даетъ общую картину исторіи этого языка. Въ 1833 г. онъ издалъ „Serbische Lesekörner“. Здѣсь мы видимъ изслѣдованіе ц.-слав. языка въ сербской редакціи. Шафарику принадлежитъ и первое изданіе Пражскихъ листковъ — памятника чешской редакціи. Издалъ онъ также много памятниковъ кирилловскаго письма и глаголическаго въ своихъ: „Pamatkach“, и самый глаголическій шрифтъ для печати былъ установленъ имъ, хотя неособенно удачно. Шафарикъ много работалъ надъ вопросами др.-церк.-слав. письменности и въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ внесъ много оригинальнаго.

Желаніе найти связующую нить между др.-ц.-слав. языкомъ и современнымъ болгарскимъ заставило русс. ученаго Билярскаго обратиться къ изученію памятниковъ, стоящихъ какъ-бы по серединѣ, къ такъ называемому, средне-болгарскому изводу. Онъ взялъ одинъ изъ средне-болг. памятниковъ, именно, переводъ лѣтописи Манассіи, и далъ изслѣдованіе этого памятника: „Судьбы церковнаго языка: I. „о средне-болгарскомъ вокализмѣ по патріаршему списку лѣтописи Манассіи“ — въ 1847 г. первое изданіе, а въ 1858 г. второе, улучшенное. Въ 1848 г. Билярскій издалъ изслѣдо-

ваніе о Реймсскомъ Ев. (о кирилловской части этого памятника, представляющей позднѣйшую редакцію др.-ц.-сл. языка; другая часть памятника — глаголическая, писанная такъ называемой угловатой хорватской глаголицей). Въ трудахъ Билярскаго поражаетъ замѣчательная научная выдержка, строгость научныхъ пріемовъ. Иногда, впрочемъ, у него замѣчаются слишкомъ поспѣшныя заключенія.

На методологическую сторону трудовъ Билярскаго и, главнымъ образомъ, на его склонность къ изученію среднеболг. текстовъ имѣлъ нѣкоторое вліяніе русс. ученый — Прейсъ, который посвящалъ свои занятія также древнему періоду ц.-слав. языка.

Въ 50-хъ год. выступилъ съ печатными трудами по слав. языкознанію Миклошичъ. Онъ удѣлялъ немало труда и изученію ц.-слав. языка. Было уже упомянуто о его теоріи паннонизма, въ чемъ онъ слѣдовалъ за Копитаромъ. Въ 60-хъ годахъ появились его статьи, касавшіяся частныхъ вопросовъ ц.-слав. языка. Результатомъ его изученія слав. языковъ и ц.-слав. явилась „Сравнительная грамматика слав. нарѣчій“ (Vergleich. Grammatik d. slav. Spr.), вышедшая въ 1869—74 гг., а затѣмъ его огромный словарь: „Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti“. Въ этомъ лексиконѣ имъ данъ огромный матеріалъ изъ разнообразныхъ ц.-слав. памятниковъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ словаремъ этимъ нужно теперь пользоваться съ осторожностью.

Одновременно съ трудами Миклошича начали выходить и труды по ц.-слав. языку Шлейхера. Въ 1852 г. имъ было издано сочиненіе: „Formenlehre der kirchenslavischen Sprache“. У Шлейхера были еще нѣкоторые труды, посвященные ц.-слав. языку. Затѣмъ въ своемъ трудѣ: „Краткій очеркъ доисторической жизни сѣверо-восточнаго отдѣла индо-германскихъ языковъ“, переведенномъ на русс. яз. въ 1862 г., — представляющемъ передѣлку его небольшой статьи, напечатанной въ 1853 г., онъ явился изслѣдователемъ доисторическихъ судебъ слав. языковъ.

Въ настоящее время особенно приходится вспоминать Шлейхера, когда идетъ рѣчь о классификаціи слав. нарѣчій. Шлейхеръ обосновалъ теорію такъ называемаго „родословнаго древа“. Сущность этой теоріи состояла въ томъ, что отдѣльныя родственныя нарѣчія возникаютъ изъ общаго источника, какъ вѣтви изъ дерева. Шлейхеръ, собственно, дораз-

вилъ и обосновалъ въ этомъ случаѣ то, что находимъ уже у Добровскаго. Механичность этой теоріи была подвергнута критикѣ особенно І. Шмидтомъ, который развивалъ другую теорію, такъ наз. „волнообразную“. Эта теорія, болѣе отвѣчавшая научнымъ положеніямъ и увлекшая потому за собой многихъ, впала также въ односторонность и подвергнута была также критикѣ (напр., Лескинымъ въ die Declination im slav.-lit. und Germ.). Нужно, впрочемъ, замѣтить, что въ основѣ этой теоріи лежатъ вполнѣ правильные принципы, что можно только спорить съ примѣненіемъ (болѣе или менѣе удачнымъ) этихъ принциповъ. Въ новѣйшее время теорія Шмидта примѣнялась болг. ученымъ Цоневымъ (Къ историята на българскиезикъ. Соф. 1903).

Къ этому времени относятся и труды Бодянскаго. Его главное сочиненіе: „— О времени происхожденія слав. письменности“. Особыхъ оригинальныхъ, самостоятельныхъ выводовъ мы здѣсь не находимъ. Еще раньше Бодянскій посвятилъ небольшую статью вопросу о сходствѣ ц.-слав. языка съ болгарскимъ. Какъ ученый Бодянскій не выдается; — его главная заслуга — въ изданіи памятниковъ.

Какъ-бы дополненіемъ къ упомянутому труду Бодянскаго появился въ 1855 г. трудъ Буслаева: „Палеографическіе и филологическіе матеріалы для исторіи письменъ славянскихъ“. Но еще въ 1848 г. появился замѣчательный трудъ для своего времени: „О вліяніи христіанства на слав. языкъ. Опытъ исторіи языка по Остромирову Ев.“ — Буслаева. Это былъ трудъ, въ которомъ авторъ отнесся къ языку философски, изслѣдуя его со стороны выраженія мысли: насколько новыя христіанскія понятія отразились въ строѣ слав. рѣчи, и насколько эта послѣдняя была въ состояніи передавать иногда черезчуръ отвлеченныя понятія. Изслѣдованіе даетъ возможность Буслаеву дѣлать заключеніе вообще о культурномъ состояніи тогдашняго слав. общества. Въ этой трудной своей работѣ Буслаевъ имѣлъ предшественника въ лицѣ нѣмецкаго изслѣдователя Раумера, который за три года предъ тѣмъ издалъ изслѣдованіе: „О вліяніи христіанства на древне-верхне нѣмецкій яз.“. Въ сравненіи слав. перевода съ готскимъ Буслаевъ указалъ всю разницу въ характерѣ этихъ переводовъ (болѣе чувствуется остатокъ языческихъ началъ у Готовъ). Въ этой области предшествующимъ труду Буслаева — былъ трудъ Габеленца и Лэбэ: „О переводѣ Ульфилы“.

Въ 1848 г. вышелъ трудъ Григоровича: „Очеркъ путешествія по европейской Турціи", гдѣ сообщаются важныя свѣдѣнія о разныхъ рукописяхъ, хранящихся въ монастыряхъ, и данныя современныхъ болгарскихъ говоровъ. Самъ Григоровичъ вывезъ много рукописей. Между прочимъ, ему принадлежало извѣстное Маріинское Ев., изданное впослѣдствіи Ягичемъ. До сихъ поръ является цѣнной небольшая статья Григоровича, посвященная др.-ц.-сл. языку и его развитію.

Какъ издатель различныхъ ц.-слав. и др.-русс. памятниковъ особенно выдѣляется Срезневскій. Въ 1866 г. онъ издалъ: „Древніе глаголическіе памятники сравнительно съ памятниками кириллицы". Въ 1868 г. — „Древніе слав. памятники юсового письма". Также: „Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ". Ему же принадлежитъ и курсъ палеографіи: „Славяно-русская палеографія". Срезневскій, какъ ученый, былъ очень остороженъ въ своихъ выводахъ и заключеніяхъ. Это былъ ученый, у котораго собранный матеріалъ былъ гораздо шире тѣхъ выводовъ, которые онъ рѣшался дѣлать.

Много также сдѣлалъ по изданію памятниковъ арх. Амфилохій. Ему принадлежитъ: „Палеографическое описаніе греческихъ рукописей IX—XVII вв.", а также „Снимки съ рукописей Воскресенской Новоіерусалимской библіотеки" и др. Но изъ числа описаній особенною научностью отличается трудъ Горскаго и Новоструева: „Описаніе слав. рукописей Московской Синодальной библіотеки".

Выдающееся мѣсто среди славистовъ настоящаго времени принадлежитъ Лескину и Ягичу. У обоихъ мы видимъ замѣчательную строгость научныхъ пріемовъ.

Лескину принадлежитъ „грамматика ц.-слав. языка", вышедшая на нѣмецкомъ языкѣ уже четвертымъ изданіемъ. Изъ монографій его можно указать на сочиненія: „о ъ и ь ц.-сл. языка", „о вокализмѣ средне-болгарск. памятниковъ" и пр.

Но особенно много для изученія ц.-слав. яз. сдѣлалъ ак. Ягичъ. Трудно указать ту область славистики, которой бы не коснулись труды Ягича. Энергія, многосторонность этого ученаго изумительны. Болѣе 40 лѣтъ тому назадъ началась ученая дѣятельность Ягича, и теперь онъ продолжаетъ ее съ неослабѣвающей энергіей. Однимъ изъ первыхъ его трудовъ было введеніе къ изданному хорватскимъ ученымъ Рачки Ассемановому Ев. Здѣсь мы находимъ уже полное, научное

изслѣдованіе памятника, его языка, отношенія текста къ греческимъ источникамъ. Въ этомъ изслѣдованіи уже сказывается способность Ягича оріентироваться въ разнообразныхъ текстахъ —, способность, которая особенно обнаружилась впослѣдствіи при изданіи имъ разнообразныхъ памятниковъ древне-ц.-слав. языка, какъ напр.: Маріинск., Зографск. Ев., Кіевскихъ и Вѣнскихъ листовъ, Добромирово Ев. и мн. др. Ко всѣмъ, издаваемымъ памятникамъ, онъ присоединяетъ обычно изслѣдованіе о памятникѣ, въ видѣ предисловія или послѣсловія. Особенное вниманіе Ягичъ обращаетъ на глаголическіе тексты. И въ изученіи этихъ послѣднихъ имъ сдѣлано очень много и по отдѣльнымъ вопросамъ и для исторіи глаголицы вообще. Имъ, напр., установлена исторія перехода глаголицы кругловатой въ угловатую. Древнѣйшая эпоха ц.-слав. яз. постоянно привлекала вниманіе Ягича. Онъ посвятилъ много трудовъ на разслѣдованіе такъ называемыхъ кирилло-меѳодіевскихъ вопросовъ. Кромѣ сочиненія: „Вопросы о Кириллѣ и Меѳодіи въ слав. филологіи“ мы упомянемъ особенно его огромный трудъ: „Разсужденія южнославянской и русской старины о ц.-слав. языкѣ“, гдѣ собраны разнообразныя данныя относительно этого вопроса, „Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache“ и др. Съ 1876 г. Ягичъ началъ издавать въ Берлинѣ: „Archiv für slavische Philologie“, — журналъ существующій и до сихъ поръ и все время не переставшій быть строго научнымъ, заключающимъ массу разнороднаго матеріала по славяновѣдѣнію. Самъ Ягичъ на первыхъ же порахъ помѣстилъ свое изслѣдованіе о глухихъ въ Зографскомъ Ев., — изслѣдованіе, въ которомъ былъ примѣненъ статистическій методъ. До сихъ поръ это изслѣдованіе остается очень цѣннымъ, такъ какъ Зографское Ев. все еще не является всесторонне изслѣдованнымъ. Въ Archiv'ѣ же, а въ послѣднее время и въ Sitzungsberichte d. Kais. Academie d. Wissenschaften in Wien, Phil.-hist., Ягичъ помѣщаетъ и другія свои статьи и критическія замѣтки.

Изъ учениковъ Ягича особенно выдавался — Облакъ. Это былъ талантливый ученикъ Ягича, рано умершій. Онъ многое внесъ въ изученіе слав. діалектологіи. Особенно важны его діалектологическіе труды о Македонскихъ говорахъ, въ частности о такъ называемомъ Сушскомъ говорѣ, въ которомъ найдено немало чертъ близкихъ тѣмъ, которыя

наблюдаются въ др.-ц.-слав. памятникахъ. Важны, затѣмъ, его замѣтки относительно ц.-слав. памятниковъ. Облакъ задавался интереснымъ вопросомъ и подходилъ, повидимому, къ его разрѣшенію —, вопросомъ о существованіи двухъ школъ въ древней письменности. Онъ дѣлилъ древнѣйшіе памятники на двѣ группы: Македонскую, или западную, въ которой преобладаетъ ѣ, и болгарскую, или восточную, въ которой преобладаетъ ѣ.

Представителемъ теоріи паннонизма ц.-слав. яз. въ новѣйшее время долго былъ одинъ изъ учениковъ Миклошича, проф. Вондракъ, теперь уже отказавшійся отъ нея. Вондраку принадлежитъ изданіе, или переизданіе, такихъ важныхъ памятниковъ, какъ Сборникъ Клоца, Кіевск. и Пражск. отр., Фрейз. отр. съ изслѣдованіемъ этихъ памятниковъ. Вондракъ помѣщалъ статьи въ Archiv'ѣ Ягича, а также и въ „Sitzungsberichte" Вѣнской Академіи Наукъ по ист.-ф. отдѣл. . . . . относительно различныхъ вопросовъ ц.-слав. грамматики и памятниковъ. Изслѣдованія Вондрака не отличаются такою послѣдовательностью въ выводахъ, строгостью метода, какъ то мы видимъ въ трудахъ, напр., Облака. Вондраку даже приходилось много разъ отказываться отъ собственныхъ выводовъ, слишкомъ поспѣшныхъ, необоснованныхъ мнѣній особенно подъ вліяніемъ критическихъ замѣчаній Облака.

Изъ русскихъ современныхъ ученыхъ нужно упомянуть особенно о проф. Будиловичѣ, удѣлявшемъ въ своихъ трудахъ немало мѣста др.-ц.-слав. языку и его судьбамъ (напр. „Начертаніе грамматики", „Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіямъ по даннымъ лексикологіи" [1]), „13 словъ Григорія Богослова", „Общеславянск. языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ др. и новой Европы", статьи по кирил.-метод. вопросамъ), ак. Соболевскаго (кромѣ упомянутыхъ „Лекцій", отдѣльныя статьи — особенно по лексикологіи).

Въ сравнительно недавнее время вышелъ трудъ проф. Карскаго: „Очеркъ слав. кирилловской палеографіи". Къ этому труду приложены снимки съ кирилловскихъ памятниковъ. Главный недостатокъ труда проф. Карскаго — это малое знакомство автора съ греческой палеографіей. Въ этомъ отношеніи трудъ Карскаго находится въ зависимости

1) По изученіи палеонтологіи славянской особенно важно соч. Крека: Einleitung in die slav. Literaturgeschichte во 2-мъ изданіи — 1887 г.

отъ палеографіи Гардгаузена, но послѣдняя въ настоящее время сильно устарѣла.

Отъ этой характеристики отдѣльныхъ дѣятелей по предмету изученія древн.-ц.-слав. языка и отчасти характеристикѣ отдѣльныхъ трудовъ, я перейду къ общей характеристики того, что даетъ въ настоящее время изученіе древне-ц.-слав. языка.

Въ настоящее время особенное вниманіе обращено на точное изданіе древнѣйшихъ памятниковъ и ихъ болѣе или менѣе всестороннее изслѣдованіе. Памятники, изданные ранѣе, переиздаются съ стремленіемъ, насколько то возможно, приблизить изданіе къ оригиналу. Этой цѣли способствуютъ фототипическіе, фотоцинкографическіе снимки. Всѣ особенности палеографическія въ точности оговариваются. Въ изслѣдованіяхъ же языка памятника обращаютъ особенное вниманіе на фонетику. Въ этомъ случаѣ оказала вліяніе вообще лучшая разработка фонетическихъ вопросовъ въ сравнительномъ языкознаніи. Нужно замѣтить, что изученіе древнецерк.-слав. языка стоитъ теперь въ тѣсной связи съ изученіемъ другихъ индо-европейскихъ языковъ. Къ даннымъ др.-ц.-слав. языка прибѣгаютъ теперь и спеціалисты по сравнительному языкознанію. Поэтому сплошь и рядомъ въ изслѣдованіяхъ западно-европейскихъ ученыхъ, въ статьяхъ извѣстныхъ журналовъ по сравнительному языкознанію (какъ: Indogermanische Forschungen, Беценбергерг. Beiträge, Zeitschrift f. vergl. Sprachforschung auf dem Gebiete d. indogerm. Spr. и др.) привлекаются данныя древн.-ц.-слав. языка наряду съ данными вообще славянскихъ нарѣчій. Болѣе точное изученіе этихъ послѣднихъ способствовало возможности освѣтить многія явленія древнецерк.-слав. языка, скрытыя подъ неясными часто графическими данными. Широко поставленное сравнительно-историческое изученіе славянскихъ языковъ, детальное изученіе ихъ фонетики дало возможность перенести нѣкоторые общіе и затѣмъ частные вопросы въ область др.-ц.-слав. языка. Создалась теорія о выраженіи различныхъ діалектовъ въ древ.-ц.-слав. памятникахъ, создавались и создаются различныя гипотезы о произношеніи такъ или иначе того или другого звука, скрытаго подъ мертвой, мало говорящей уху буквенной формой. Далеко не все бываетъ въ этихъ гипотезахъ убѣдительно: фантазіи представляется здѣсь не малая доля участія. Не избѣгаетъ этого и извѣстный ученый нашъ, спеціалистъ по сравн. языкознанію,

ак. Фортунатовъ, который, въ бытность свою профессоромъ въ Москвѣ, создалъ цѣлую научную школу, въ частности своими лекціями по др.-ц.-сл. языку. Главная особенность этой школы — стремленіе къ возстановленію предполагаемыхъ общеславянскихъ звуковъ и формъ, а затѣмъ уже звуковъ и формъ обще индо-европейскихъ — на основаніи, правда, очень осторожнаго, точнаго изученія данныхъ настоящаго времени и прошлаго. Можно задаваться вполнѣ основательно вопросомъ, возможно ли создать близкую къ дѣйствительности картину діалектическихъ особенностей славянскаго праязыка, когда мы не можемъ начертить даже болѣе или менѣе удовлетворительной схемы діалектическаго разнообразія того языка, изъ котораго возникъ первый книжный языкъ славянъ. Насколько гипотетичны наши предположенія въ подобныхъ случаяхъ, могутъ убѣждать несогласія ученыхъ при объясненіи того или другого факта. Могу указать на недавно вышедшій трудъ проф. Ляпунова „Формы склоненія въ старо-слав. яз.“ (Одесса 1905 г.), гдѣ разсматриваются разнообразныя мнѣнія относительно возникновенія той или иной формы др.-ц.-сл. языка, съ стремленіемъ создать (идя за данными Фортунатовскихъ лекцій) форму общеславянскаго или, по крайней мѣрѣ, славян. праязыка (авторъ дѣлаетъ это разграниченіе). Могу указать на свою статью „о происхожденіи имперфекта древн.-ц.-слав. памятниковъ“ (Юрьевъ, 1905), гдѣ дается перечисленіе различныхъ многочисленныхъ мнѣній относительно происхожденія этой загадочной формы. Стоитъ взять затѣмъ изслѣдованія отдѣльныхъ памятниковъ и критику на эти изслѣдованія, чтобы убѣдиться, что и здѣсь мы стоимъ въ области лишь гипотезъ одними защищаемыхъ, другими опровергаемыхъ. Немудрено поэтому стремленіе у нѣкоторыхъ ученыхъ болѣе переходить къ накопленію фактовъ, такъ какъ только въ послѣднемъ случаѣ получаются болѣе убѣдительные выводы.

Въ числѣ перечисленныхъ ранѣе мною изслѣдованій имѣлись и изслѣдованія, касавшіяся и болѣе поздней стадіи развитія др.-ц.-слав. языка. Число этихъ послѣднихъ можно было бы значительно увеличить, но это не входитъ въ нашу задачу. Нѣкоторыя отдѣльныя изслѣдованія, непосредственно касающіяся древн.-ц.-слав. языка и пока не упомянутыя, будутъ выдвигаться при разсмотрѣніи отдѣльныхъ вопросовъ.

Кромѣ упомянутаго журн. Ягича Archiv für sl. Philologie,

въ дѣлѣ разработки вопросовъ, касающихся древ.-ц.-сл. языка, нужно упомянуть Извѣстія по отд. русс. яз. и сл. Имп. Ак. Н., варшавскій „Русскій Фил. Вѣстникъ", „Журн. Мин. Нар. Просв.", воронежск. „Филолог. Записки". Отмѣчу изъ чешскихъ журн. „Listy filologické a paedagogické" (въ Прагѣ).

Если при изученіи древне-церк.-слав. памятниковъ считается важнымъ данныя современныхъ славянскихъ нарѣчій, ихъ отдѣльныхъ діалектовъ и особенно діалектовъ южномакедонскихъ, къ сожалѣнію до сихъ поръ неизученныхъ какъ слѣдуетъ, то естественно, что при этомъ изученіи важны и тѣ данныя, которыя даются дальнѣйшимъ развитіемъ др.-ц.-слав. языка, т. е. памятниками различныхъ редакцій. И я уже упомянулъ отчасти изслѣдованіяхъ, посвященныхъ нѣкоторымъ изъ этихъ памятниковъ.

Разработка памятниковъ со стороны лексики, выдвинутая Шафарикомъ, нашла себѣ продолженіе въ трудахъ Ягича, Облака, Вондрака, Поливки, Валявца, Михайлова, Евсѣева и нѣк. др. Начато тщательное сличеніе различныхъ ц.-слав. памятниковъ и ихъ греческихъ предполагаемыхъ оригиналовъ. Но достигнутые результаты отъ этой работы еще слишкомъ малы и часто не могутъ претендовать на полную убѣдительность.

Менѣе всего изученъ синтаксисъ др.-ц.-слав. языка. Въ этомъ случаѣ характерна попытка Вондрака дать такой синтаксисъ при своемъ учебникѣ. Самъ составитель сознаетъ трудность этой задачи, выходя прежде всего изъ того неопредѣленнаго положенія, въ которомъ находятся общія воззрѣнія на задачи синтаксиса. Но минуя это, я думаю, что трудность составленія синтаксиса заключается прежде всего въ неразработанности сравнительнаго славянскаго синтаксиса. Здѣсь можно указать лишь на очень немногіе фундаментальные труды — Миклошича, Потебни, Ягича, затѣмъ отчасти Попова, Добіоша и нѣк. др. И жаль, что Вондракъ не пользуется трудами особенно Потебни. Трудность синтаксическихъ изслѣдованій др.-ц.-слав. языка увеличивается еще тѣмъ, что памятники, писанные на этомъ языкѣ, переводные, так. образомъ нужна крайняя осторожность, чтобы не присвоить др.-ц.-сл. языку явленія чуждаго славянской почвѣ.

V.

Изъ области научной разработки историческихъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о кирилло-меѳодіевскомъ времени.

Теперь нужно нѣсколько остановиться на историческихъ источникахъ, откуда мы черпаемъ данныя для характеристики жизни и дѣятельности слав. первоучителей. Главнымъ источникомъ, откуда въ настоящее время ученые черпаютъ свѣдѣнія объ этой эпохѣ, являются славянскія житія св. Кирилла и Меѳодія, такъ называемыя: „Паннонскія". Безусловная достовѣрность во многихъ отношеніяхъ этого, отчасти легендарнаго, источника подтверждается чисто оффиціальными документами, — папскими посланіями.

На первый взглядъ кажется нѣсколько страннымъ, что о жизни и дѣятельности св. первоучителей мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній изъ византійскихъ источниковъ, тогда какъ отъ запада до насъ дошли главнымъ образомъ оффиціальные документы. Это обстоятельство стоитъ, конечно, въ связи съ тѣмъ, что дѣятельность Кирилла и Меѳодія была болѣе связана съ римскою церковью, чѣмъ съ византійской, хотя послѣдняя и дала первый толчекъ и начало миссіи св. братьевъ.

Что касается характера самихъ источниковъ, то латинскіе и славянскіе отчасти отличаются одни отъ другихъ: между латинскими есть источники чисто оффиціальные, т. е. документальнаго характера, источники же славянскіе всѣ болѣе или менѣе легендарнаго характера, хотя, въ то же время, имѣющіе огромную историческую важность. Въ виду такой разнородности по характеру источниковъ въ научной разработкѣ вопроса о жизни и дѣятельности Кирилла и Меѳодія необходимо должна быть установлена извѣстная точка зрѣнія на эти источники.

Главнѣйшимъ изъ славянскихъ источниковъ являются, какъ уже сказано, пространныя или „Паннонскія житія". Ихъ значеніе впервые было опредѣлено въ 1843 г. Горскимъ, напечатавшимъ ихъ въ извлеченіи. Правда, еще раньше извѣстный историкъ Шлецеръ восторгался тѣми историческими данными, которыя заключались въ извѣстныхъ житіяхъ св. братьевъ, составленныхъ на основаніи Паннонскихъ житій

Дмитріемъ Ростовскимъ. Житія, составленныя Дмитріемъ Ростовскимъ, были извѣстны и другимъ ученымъ; о нихъ зналъ, напр., Добровскій, но онъ къ извѣстіямъ этихъ житій относился крайне скептически. Съ его легкой руки къ извѣстіямъ житій также отнеслись и др. ученые, даже и тѣ, кто былъ знакомъ съ Паннонскими житіями —, какъ, напр., Копитаръ. Съ 1843 г., со времени появленія статьи Горскаго „Паннонскія житія", началось новое направленіе въ отношеніи къ этому источнику, — направленіе положительное, ставившее житія въ разрядъ важныхъ историческихъ документовъ. Но наряду съ мнѣніемъ, считавшимъ житія до того древними, что указывалось на зна омство съ ними автора „Сборника Святослава" и лѣтописца Нестора, и отрицательное направленіе находило себѣ послѣдователей въ лицѣ, напр., Гинцеля, Бильбасова и др. Находило еще себѣ приверженцевъ мнѣніе о легендарности житій, объ ихъ болѣе позднемъ происхожденіи, — нѣкоторые даже относили ихъ къ XIV в. (Гильфердингъ). Въ 1877 г. вышелъ трудъ Воронова: „Св. Кириллъ и Меѳодій. Главнѣйшіе источники для исторіи св. Кирилла и Меѳодія". (Обширная рецензія этого труда написана Ягичемъ въ Archiv für slav. Phil. т. I). Со времени появленія этого труда „Паннонскимъ житіямъ", какъ источнику, придаютъ главное значеніе, гораздо большее, чѣмъ всѣмъ остальнымъ памятникамъ. Но этимъ вопросъ не былъ окончательно рѣшенъ: въ средѣ представителей положительнаго направленія замѣчался и замѣчается извѣстный расколъ относительно частныхъ вопросовъ, касающихся обоихъ житій. Одни считаютъ, вслѣдъ за Горскимъ, эти житія произведеніемъ одной эпохи, одного лица; другіе относятъ ихъ къ разному времени. Одни считаютъ авторомъ житій Климента, другіе приписывали Клименту только одно житіе, другое же считали по происхожденію болѣе позднимъ. Затѣмъ, нѣкоторые считали первоначальнымъ текстомъ житій греческій. „Панн. ж." издавались нѣсколько разъ. Упомяну объ изданіяхъ Бодянскаго (въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и древн. при Моск. Ун., въ 60-хъ г. 1), Шафарика (въ его Pamatkach . . . .), Палацкаго и др. У насъ имѣется теперь даже переводъ этихъ житій на рус. языкъ, сдѣланный проф. Лавровымъ, къ сожалѣнію, не совсѣмъ точный (въ изв. книгѣ по исторіи среднихъ вѣковъ проф. Виноградова т. II).

Прежде всего вопросъ: однимъ лицомъ или двумя со-

ставлены житія? Горскій высказывалъ мысль объ единствѣ автора; эту мысль развивалъ и доказывалъ Вороновъ и въ послѣднее время особенно Вондракъ и Лавровъ. Шафарикъ и нѣкоторые другіе ученые высказывали противоположное мнѣніе. Доказательства въ пользу мысли о единствѣ автора сконцентрированы въ сочиненіи Воронова. Это: — характеръ житій. Житія какъ-бы дополняютъ другъ друга. Очевидно, что авторъ во время написанія одного житія задумывался уже о написаніи другого, но, желая заняться сначала изложеніемъ дѣятельности только одного святого, онъ и сосредоточилъ на немъ свое главное вниманіе. Далѣе, сходство нѣкоторыхъ мѣстъ и даже выраженій обоихъ житій также говорятъ объ единствѣ ихъ автора. Но надо сказать, что сходство, кромѣ, дѣйствительно, введенія, не очень велико. Не особенно убѣдительны и др. доводы, приводимые въ подтвержденіе мысли объ единствѣ автора, — доводы болѣе внутренняго характера: — одинаковая начитанность, образованіе, одинаковые литературные пріемы. Нельзя также сказать, чтобы были устранены и тѣ противорѣчія, которыя характерны и заставляютъ приписывать составленіе житія различнымъ авторамъ. Эти противорѣчія заключаются, во первыхъ, въ фактическихъ данныхъ: въ одномъ житіи говорится, что Ростиславъ съ Святополкомъ послали къ царю Михаилу, въ другомъ — одинъ Ростиславъ; въ одномъ —, что Кириллъ и Меѳодій пробыли въ Моравіи 3 года, въ другомъ — 40 мѣсяцевъ и т. д. Затѣмъ, въ житіяхъ замѣчаются совершенно разныя направленія: въ житіи Меѳодія выступаетъ предъ нами ярый приверженецъ римскаго престола, въ житіи же Кирилла этого нѣтъ. Эти противорѣчія не могутъ быть согласованы и они-то, при неубѣдительности доводовъ объ единствѣ автора, заставляютъ насъ склониться болѣе въ пользу второго мнѣнія.

Вторымъ вопросомъ относительно житій является вопросъ: дошедшая до насъ редакція житій есть-ли первоначальная и оригинальная, или нѣтъ? Миклошичъ высказалъ мысль, что подлинникъ житій не славянскій. Это мнѣніе, главнымъ образомъ по отношенію къ житію Меѳодія, было принято Дюмлеромъ. Къ мнѣнію Дюмлера присоединился и Гинцель. Но большинство ученыхъ подлинникъ житій считали славянскимъ. Мнѣніе Миклошича о греческомъ происхожденіи житій было принято Вороновымъ. Въ его трудѣ со-

брано много доказательствъ этой мысли. Вороновъ приводитъ много замѣченныхъ имъ греческихъ оборотовъ и словообразованій; онъ указываетъ на такія слова, какъ „тварь“ (греч. γένεσις) въ выраженіи „и Богъ въ твари глаголетъ“. Указываетъ на слова „соурьти“ (по рѣкамъ въ соурьти), которое есть ничто иное какъ греческое „σύρτεις“ = мели, песчаные наносы и т. д. Такіе, и подобные имъ, примѣры заставляютъ Воронова прійти къ предположенію, что „наши житія представляютъ собою не вполнѣ буквальный переводъ, а редакцію греч. житія слав. апостоловъ, при чемъ авторъ кое-что, вѣроятно, привносилъ отъ себя и, вообще, пользовался греч. документомъ свободно“. Но надо помнить, что слав. древнѣйшая письменность была, вообще, въ сильной зависимости отъ греческой. „Въ сохранившихся древнѣйшихъ памятникахъ слав. письменности, — говоритъ Калайдовичъ, — на каждомъ шагу обнаруживается величавый грекъ въ измѣнившейся одеждѣ“. Съ этой точки зрѣнія нѣкоторые изъ указанныхъ Вороновымъ грецизмовъ, вродѣ, напр., Григорій Ѳеологъ и т. п., — могутъ, конечно, быть объяснены и не переводомъ. Другіе же, какъ „не престахъ идѫще“, „не преставъ твора“ вовсе не грецизмы, а обороты, какъ доказалъ Потебня, вполнѣ свойственные слав. языку. Съ другой стороны есть данныя, указывающія на то, что житія не являются переводомъ съ греческаго яз., а только писаны лицомъ близко знавшимъ греческую житійную литературу. Нельзя-ли, напр., въ словахъ автора, указывающихъ на источники, какими онъ пользовался, видѣть, что первоначально житія составлены были на слав. языкѣ: „отъ многа же мы сь украчьше, въ малѣ положихомъ селико памяти ради, а иже хощетъ совершенныхъ бесѣдъ ихъ святыхъ искати, въ книгахъ его обрящетъ я, еже преложи учитель нашъ и архіепископъ меѳодій, братъ константина философа, раздѣли е на осмь словесъ“ (жит. Кир. гл. X). Зачѣмъ, спрашивается, писавшему на греч. языкѣ было упоминать о переводѣ Меѳодія греч .сочиненій Кирилла? Несомнѣнно, отрицать вліяніе греч. языка нельзя; составитель житія могъ пользоваться, какъ источникомъ, нѣкоторыми произведеніями греческими, но это не даетъ повода заключать, что житія первоначально были составлены по гречески.

Кто былъ авторъ житій? На этотъ вопросъ существуютъ также различные отвѣты. Горскій приписывалъ составленіе

житій жителю Панноніи. Шафарикъ считалъ первоначальнымъ языкомъ житій — языкъ болгарскій. Вороновъ признавалъ несомнѣннымъ славянство автора, и авторомъ, по его мнѣнію, былъ славянинъ востока, а не запада, т. е., что Паннонскія житія возникли на болгарской почвѣ, такъ какъ въ житіи можно замѣтить высокое уваженіе къ Константинополю и Византіи, нападки на болгарскихъ еретиковъ. Затѣмъ, сообразно аскетическому взгляду, проглядывающему въ житіяхъ, считали (Вороновъ), что авторъ монахъ или, по крайней мѣрѣ, лицо духовное, при томъ, очень образованное по тому времени, что видно изъ той массы ссылокъ, цитатъ, которыя находятся въ житіяхъ.

Когда жилъ составитель житія? Горскій считалъ, основываясь на нѣкоторыхъ выраженіяхъ, что составителемъ житія былъ непосредственный ученикъ Кирилла и Меѳодія. По Воронову житія составлены уже въ то время, когда Кир. и Меѳ. были канонизованы, на что указываетъ отношеніе къ нимъ составителя, какъ къ святымъ. Однимъ изъ доказательствъ болѣе поздняго происхожденія житій, по Воронову, служитъ и то обстоятельство, что составитель пользовался, какъ источникомъ, словомъ объ обрѣтеніи мощей св. Климента. Послѣднее же написано спустя довольно продолжительное время послѣ нахожденія ихъ. Упоминаніе о встрѣчѣ Кирилла съ Уграми, завоевавшими Моравію въ X в., также говоритъ о позднемъ происхожденіи житій. Вообще же Вороновъ считалъ временемъ написанія житій X вѣкъ.

Послѣ Паннонскихъ житій важнѣйшимъ источникомъ является греч. житіе Климента. Оно — какъ-бы продолженіе Паннонскихъ житій и есть важный источникъ для характеристики дѣятельности Меѳодія и его учениковъ. Издано въ 1847 г. Миклошичемъ. Раннія изданія его были сдѣланы еще въ 1741 г. и 1802 году. У насъ съ русскимъ переводомъ издано въ „Матеріалахъ для исторіи письменности“ въ 1855 г. Бильбасовымъ. Кому принадлежитъ это житіе — мнѣнія расходятся. По мнѣнію Миклошича, это житіе принадлежитъ Ѳеофилакту, ученику Климента; Бодянскій присоединялъ къ этому еще то, что первоначальная редакція этого житія была славянская, что затѣмъ лишь оно было переведено на греч. языкъ. Вороновъ съ этимъ не соглашался, онъ считалъ, что оригиналъ этого житія греческій. Авторство Вороновъ приписывалъ болгарскому архіеп. Ѳеофилакту (1084—1107).

Существуетъ и болѣе краткая редакція житія св. Климента. Написано это житіе позднѣе перваго и тоже, по мнѣнію Воронова, грекомъ. Издано Шафарикомъ и Бильбасовымъ.

Къ латинскимъ источникамъ относится такъ называемая „Итальянская легенда", трактующая о путешествіи Кирилла и Меѳодія въ Римъ съ мощами св. Климента. Источникъ этотъ легендарнаго характера. А затѣмъ — источники документальнаго характера — это папскія посланія или письма.

Вотъ главные источники для кирилло-меѳодіевской эпохи, но и они на многіе вопросы не отвѣчаютъ или даютъ отвѣты самые противорѣчивые. Для знакомства съ положеніемъ разработки всѣхъ этихъ вопросовъ рекомендую обратиться къ трудамъ: Ягича — „Вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи въ слав. филологіи". СПБ. 1886 г. (Сборн. 2 отд. Ак. Наукъ т. XXXVIII); Jagić „Zur Entstehungsgeschichte der kirchen-slavischen Sprache" 1901 г.; Малышевскаго: „Св. Кириллъ и Меѳодій, первоучители славянскіе" Кіевъ 1886; Архангельскаго: „Св. Кириллъ и Меѳодій и совершенный ими переводъ свящ. Писанія" 1885 г.; Соболевскаго: „Кирилло-Меѳодіевскіе вопросы" (Кіевск. Универс. Изв. 1885 г. IX); Голубинскаго: „Св. Кириллъ и Меѳодій, первоучители славянскіе" Москва 1885 г. и два кирилло-меѳодіевскихъ сборника, изданные Московскимъ и Варшавскимъ Университетами; Попруженко. Матеріалы для библіографіи по кирилло-меѳодіевск. вопросу, Журн. М. Н. Пр. 1902 г. май; Ламанскаго — Слав. житіе св. Кирилла какъ религіозно-этическое произведеніе и какъ историч. источникъ. ibid. 1903—1904 г.

Здѣсь же упомяну лишь о нѣкоторыхъ вопросахъ, не могущихъ до сихъ поръ претендовать на окончательное рѣшеніе.

Греки или славяне были по происхожденію Кириллъ и Меѳодій? Большинство считаетъ ихъ греками, нѣкоторые, какъ Соболевскій, считаютъ ихъ славянами, другіе (Бильбасовъ, Будиловичъ), считаютъ ихъ даже греко-славянами.

Въ хазарской миссіи прежде видѣли и теперь отчасти видятъ своего рода начало миссіи къ славянамъ. Въ Херсонѣ Кириллъ встрѣтилъ письмо русское (ѳалтирь роушькъими писменъı писано), какъ говорится въ его житіи. Что это за русская грамота? Одни думали, что это какое-то славянское письмо. Высказывалось даже мнѣніе, что это глаголица. Другіе подъ „руссомъ" понимали скандинавца, варяга. Это, напр., выска-

зывалъ Соболевскій, къ нему примкнулъ и Будиловичъ. Считали также это мѣсто вставкой, но извѣстный византинистъ Васильевскій отрицалъ послѣднее и въ указаніи этомъ видѣлъ не вставку, а замѣну названія письменности тавроскиѳской или готской. Иловайскій же въ этихъ словахъ видѣлъ намекъ на то, что въ Херсонѣ былъ какой-то ранній болгарскій переводъ, которымъ и воспользовался Кириллъ для дальнѣйшей своей миссіи.

Обращеніе Ростислава къ греч. императору вызвало разныя объясненія. По Голубинскому, напр., Ростиславъ обращался къ папѣ, но не получивши удовлетворенія, обратился къ грекамъ. По другимъ, это обращеніе было вызвано политическими соображеніями, — желаніемъ — совершенно освободиться отъ вліянія нѣмецкихъ и латинскихъ проповѣдниковъ.

Особенно важный вопросъ: гдѣ началась собственно переводческая дѣятельность Кирилла и Меѳодія? Этотъ вопросъ рѣшался вообще больше въ томъ смыслѣ, что переводческая дѣятельность Кирилла и Меѳодія началась до путешествія въ Моравію. Но остается неяснымъ, не было-ли еще раньше попытокъ миссіонерства Кирилла и Меѳодія среди ближайшихъ сосѣдей-болгаръ и, не прослышавъ-ли также объ этой дѣятельности, обратился Ростиславъ къ Михаилу?

Въ письмахъ папъ, которыя приводятся также и въ Паннонскихъ житіяхъ, мы находимъ противорѣчія: одни папы разрѣшали слав. богослуженіе, другіе его запрещали, ссылаясь на раннія запрещенія. Это вызывало недоумѣніе, и нѣкоторые ученые приходили къ заключенію, что среди писемъ встрѣчаются подложныя. Впрочемъ, Ягичъ находилъ возможнымъ объяснить это тѣмъ, что противорѣчія эти возникали изъ личныхъ воззрѣній папъ на слав. языкъ и здѣсь нельзя требовать строгой послѣдовательности, такъ какъ вопросъ о языкѣ не принадлежалъ къ области христіанской догмы.

Къ числу очень важныхъ недоумѣній принадлежитъ и вопросъ: какіе переводы были сдѣланы Кирилломъ и Меѳодіемъ? Въ источникахъ сказано, напр., что Меѳодій съ помощью двухъ писцовъ въ теченіе шести мѣсяцевъ перевелъ всю библію — преувеличеніе ясно! И потому здѣсь мнѣнія ученыхъ расходятся. Нѣкоторые видятъ въ лицѣ Меѳодія переводчика Паремійника — книги чтеній изъ Библіи. Что

касается до переводовъ, сдѣланныхъ Кирилломъ, то тутъ прежде, вѣроятно, было переведено Евангеліе, но не полное, а избранныя недѣльныя чтенія, также чтенія апостоловъ и нѣкоторыхъ другихъ необходимыхъ богослужебныхъ книгъ.

Я нѣсколько подробно остановился на трудѣ Воронова, вышедшемъ уже такъ давно, потому, что это былъ замѣчательный трудъ для своего времени, очищавшій дорогу для будущихъ изслѣдователей.

Затѣмъ — и до сихъ поръ высказывается часто то, что высказывалъ Вороновъ, и часто также ученые въ доказательствахъ своихъ мнѣній не приводятъ такихъ сильныхъ данныхъ какъ то дѣлалъ тотъ же Вороновъ. Возьмемъ хотя бы позднѣйшіе труды проф. Вондрака (Studie z oboru církv. slov. písemnictví. Praha 1903) и проф. Лаврова (въ Arch. f. sl. Ph. 1905) — ихъ доказательства единства автора для обоихъ пан. житій или принадлежности житій перу Климента, доказательства основанныя глав. образомъ на частичныхъ, очень часто мало говорящихъ сличеніяхъ, не могутъ претендовать на убѣдительность. Въ этомъ случаѣ нельзя не согласиться съ болѣе основательными взглядами ак. Ягича (въ томъ же томѣ Archiv'a 1905 — прибавленіе къ статьѣ Лаврова), придерживающагося мнѣнія о различіи авторовъ, о возможности авторства Климента въ одномъ случаѣ, только послѣднее можетъ быть признано при болѣе детальномъ и глубокомъ знакомствѣ съ сочиненіями послѣдняго.

Научная литература посвященная разработкѣ кирилломеѳодіевскихъ вопросовъ на основаніи только однихъ панн. житій огромна. Но съ большой осторожностью нужно относиться ко многимъ сочиненіямъ, особенно написаннымъ во время юбилеевъ. „Панн. житія“ — богатый источникъ, и до сихъ поръ далеко еще не использованный. Прежде всего и теперь здѣсь требуется научная критика текста. Насколько въ данномъ случаѣ поступаютъ не всегда осторожно, указываетъ и упомянутый переводъ проф. Лаврова, указываютъ и отношенія къ отдѣльнымъ мѣстамъ. Возьму одно такое мѣсто изъ житія Меѳодія: рече король изница. Выраженіе изница (или пишутъ из ница) или оставляютъ безъ объясненія, или толкуютъ въ смыслѣ ласково. Малышевскій объясняетъ: „изъ Нитры“. Между тѣмъ из-ница должно обозначать просто: исподлобья (ср. чешское iznice).

Насколько неустойчива научная критика въ оцѣнкѣ при-

веденныхъ источниковъ, указываетъ отношеніе, напр., къ Итальянской легендѣ, которую раньше считали самымъ достовѣрнымъ источникомъ, или отношеніе къ папскимъ письмамъ, доходившее у отдѣльныхъ изслѣдователей до полнаго даже отрицанія ихъ достовѣрности, до мысли о фальсификаціи позднѣйшей (что теперь вполнѣ уже опровергается найденными копіями; впрочемъ и послѣднее обстоятельство не заставило и въ новѣйшее сравнительно время всѣхъ относиться съ полной довѣрчивостью къ нѣкоторымъ изъ писемъ).

VI.

Изъ области ц.-слав. палеографіи.

Древнѣйшія церк.-слав. рукописи написаны на пергаменѣ. Пергаменъ рукописей различенъ по выдѣлкѣ. Линевка производилась какимъ то надавливающимъ инструментомъ. Буквы писались или на линіяхъ или подъ линіями.

Странной можетъ для нашего глаза казаться система др.-ц.-слав. графики, это слитное, нераздѣльное письмо, рѣдкое употребленіе знаковъ препинанія, при чемъ не съ такимъ иногда значеніемъ, какъ у насъ, употребленіе особыхъ надстрочныхъ знаковъ и рѣдкое употребленіе большихъ буквъ.

Въ нашей небогатой литературѣ по ц.-сл. палеографіи утвердилось мнѣніе, что первоначально славянскія рукописи не имѣли надстрочныхъ значковъ, въ особенности ударенiй. Срезневскій, напр., замѣчалъ, что письменность славянская получила свое начало въ VI, VII вв., когда въ греческомъ письмѣ не было никакихъ еще значковъ надстр. Мысль эта новѣйшимъ палеографомъ проф. Карскимъ, хотя и отрицается, но вотъ, что мы читаемъ у него: „Они (т. е. придыханія и ударенія) появляются позже; стало быть въ первоначальномъ письмѣ славянскомъ также не было ударенiй". Ту же мысль мы отмѣчаемъ въ раньше еще напечатанной небольшой статьѣ проф. Будде, посвященной всецѣло надстрочнымъ значкамъ въ ц.-сл. и русской письменности (Фил. Зап. 87 г. № 5). Въ статьѣ этой (одной изъ раннихъ работъ автора) нѣтъ подробнаго разсмотрѣнія даннаго вопроса, подробнаго анализа въ этомъ отношеніи разныхъ памятниковъ, а затѣмъ и нельзя согласиться съ общими положеніями. Данныя памятниковъ за-

ставляютъ насъ высказать мысль совершенно противоположную той, которую мы находимъ у упомянутыхъ ученыхъ. Эти данныя убѣждаютъ насъ всецѣло въ томъ, что древнѣйшіе памятники имѣли надстрочные значки, что въ этихъ памятникахъ въ употребленіи надстрочныхъ значковъ замѣчаются извѣстныя системы, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣтенъ уже упадокъ этихъ послѣднихъ.

Прежде всего въ этомъ отношеніи останавливаютъ вниманіе такъ назыв. Кіевскіе глаголическіе листки. Эти листки, какъ намъ кажется, являются пока единственнымъ памятникомъ, въ которомъ мы наблюдаемъ извѣстное внутреннее значеніе надстрочныхъ значковъ во всемъ ихъ объемѣ, сознательное въ этомъ отношеніи заимствованіе изъ греч. графики и своеобразное примѣненіе къ славянской письменности.

Здѣсь употребляются титла безъ выноса буквъ и съ выносомъ буквъ, значки, копирующіе греческія придыханія и значки для обозначенія разнообразныхъ ударенiй и долготъ. Значки эти мѣняютъ нѣсколько свою форму; колеблется также число ихъ на разныхъ страницахъ.

Подъ титломъ въ Кіевск. листк. находятся такія слова, какъ: бъ, бже, гмь, гі, исм, исоу, хмь, бщ҃а.

Въ другихъ др.-ц.-сл. памятникахъ мы видимъ постановку титла надъ тѣми словами, которыя въ К. Л. писались цѣликомъ.

Такъ въ Зографск., Маріинскомъ Ев. многочисл. примѣры: аплъ, блгнъ, чкъ, црсѣ црсо, нбсцѣемь, снъ, отцъ, дшеѫ, бжиѣ, срдце, адлъ.

То же въ Клоц. Сб.: мчкмъ, црквь, стоумоу, сноу, чска, чкъ, оцмь, спсние, нбо и пр.

Въ греческихъ рукописяхъ первоначально придыханіе тонкое изображалось ⊣, т. е. посредствомъ второй половины буквы Н, а густое ⊢. Эти начертанія переходятъ первоначально въ угловатыя, т. е. теряютъ половину вертикальной черточки (нижнюю), а затѣмъ угловатыя переходятъ въ начертанія кругловатыя. Уже въ X в. мы замѣчаемъ въ греческихъ рукописяхъ смѣну древнѣйшихъ начертаній переходными, хотя древнѣйш. начертанія и чередуются съ новыми въ памятникахъ до XII в. Съ XII в. господство новыхъ формъ (упомянутыхъ угловатыхъ и кругловатыхъ).

Намъ важно отмѣтить, что для греческихъ рукописей

VIII—IX вв. типическими начертаніями придыханій являются тѣ же, которыя мы отмѣчаемъ въ К. Л.

Причемъ въ К. Л. придыханія ставятся только въ началѣ словъ надъ гласными, и употребленіе придыханій въ К. Л. своеобразное:

а) ⸗ ставится надъ буквами а, е, ꙗ;

b) ⸗ став. надъ буквами о, оу, ѣ и и (з-якимъ его начертаніемъ).

Нѣкоторую аналогію К. Л. относительно придыханій можно подмѣтить въ Синайскомъ Требникѣ, но не въ смыслѣ ихъ постановки, а въ формѣ начертаній.

Въ Синайск. Требникѣ надстрочные значки по страницамъ мѣняютъ нѣсколько свою форму. Преобладающая форма угловатая (болѣе или менѣе остроконечная) ставится въ началѣ надъ гласными и въ словѣ при стеченіи гласныхъ (надъ второй). Надъ нѣкоторыми буквами этотъ значекъ переходитъ въ фигуру, похожую на древнѣйшую форму греческ. долгаго ударенія.

Въ Зографск. Ев. очень часто замѣчается употребленіе полукруглаго значка или значка имѣющаго форму нѣсколько похожую на густое греческое придыханіе надъ: союзомъ ї, надъ ї — начинающемъ слово, рѣже надъ другими гласными, начинающими слова, а также при стеченіи гласныхъ въ словѣ (надъ второй гласной).

Очень частый пропускъ значковъ въ послѣднихъ случаяхъ указываетъ, что въ немъ не было особенной необходимости. Бо́льшему удержанію на начальныхъ гласныхъ могла способствовать лишь память о греческихъ оригиналахъ, а съ ї часто употреблявшимся придыханіе какъ бы сросталось и потому болѣе удерживалось, впрочемъ этому могло способствовать еще графическое удобство — выдѣленіе этого слова.

Так. обр. въ употребленіи даннаго значка нѣтъ ничего загадочнаго. Форма его указываетъ на заимствованіе изъ греческихъ рукописей X—XI в. (см. снимки V, VIII, XII у Wattenbach a Velsen. Exempla cod. graec.; изрѣдка въ Зогр. Ев. мы видимъ остатки древнѣйш. придых., напр.: на 181 л., 112 л. ⸗, но и въ рук. греческихъ X—XI в. также попадались ⸗ и ⸗).

Въ памятникѣ, послужившемъ оригиналомъ для З. Ев., несомнѣнно значковъ придыханія было больше. Въ этомъ случаѣ, напр., Маріинское Ев. представляетъ дальнѣйшій шагъ

сравнительно съ З. Ев.: въ М. Ев. гораздо меньше значковъ придыханія, при чемъ пропускается часто и надъ ї.

Обращаю вниманіе особенно на другой значекъ, употреблявшійся послѣ согласныхъ и имѣвшій видъ запятой (т. н. апострофъ) или также, какъ предыдущій значекъ, полукруглый. Здѣсь, мнѣ кажется, можетъ найтись очень любопытный матеріалъ, на который или не обращали вниманія или мелькомъ затрагивая объясняли совершенно невѣрно.

Если понятенъ этотъ ’ или ◡̆ въ такихъ случаяхъ, какъ д’нь, в’сь и пр., какъ знаки пропуска буквъ, то спрашивается, почему тотъ же знакъ употребляется въ такихъ случаяхъ, какъ ӑн’на, тѣофиле, алек’сан’дровоу, ар’хиерей, аримат◡̆еıа и пр.?

Во многихъ греческихъ словахъ мы видимъ употребленіе этого знака и разъясненіе этого употребленія ведетъ, мнѣ кажется, и къ уясненію отчасти значенія въ иныхъ случаяхъ ъ̑ и ъ въ древнѣйшей уже ц.-сл. письменности. Для поясненія дамъ слѣдующія сопоставленія изъ Зогр. Ев. и другихъ еванг. текстовъ.

Зогр. Ев.: ӑндрѣӑ, андреова, ан’дреа, ӑн◡̆дрѣа, аньдрѣови.
[Савв. кн.: ӑньдреова, ӑндреıӑ,
Остр. Ев.: аньдреова; Мар. Ев.: андрѣева, аньдрѣıхъ].
ӑн’на (Савв.: аньна),
талантъ, талан’тъ,
[Савв.: талантъ, —ньтъ, —нътъ;
Остр.: талан’тъ; Мар.: —нтъ, —нътъ]
мнась, мънасъ̑, м’насъ, мънасъ (и мънась).
[Мар.: мънасъ, мьнасъ].

Нѣтъ нужды приводить всѣ заимствованныя греческія слова. Фактъ тотъ, что между двумя согласными греческими при передачѣ греч. слова на слав. почвѣ получался лишній знакъ и этотъ знакъ былъ какъ показываетъ сравненіе ъ. Очевидно, что послѣдніе знаки не передавали греческихъ и требовался еще знакъ и этимъ знакомъ явился ъ. Когда забывалось греческое произношеніе, ъ бывшее здѣсь знакомъ для выраженія мягкости или замѣнялось ъ̑ или ’ и ◡̆.

Это наше наблюденіе подтверждаютъ евангельскіе тексты глагол. и кирилловскіе. Даже небогатое по употребленію надстр. значковъ Остром. Ев. при передачѣ греческихъ словъ

TARTU ÜLIKOOLI RAAMATUKOGU

удерживаетъ или значки или ставитъ ъ—ѣ. Мы здѣсь видимъ даже такія написанія, какъ: егvп'тъ.

Если при передачѣ греческихъ согласныхъ передъ другими согласными требовалось выраженіе мягкости, то то же должно было быть и передъ гласными. Это требовалось особенно передъ тѣми гласными, которыя въ греческомъ звучали мягче, чѣмъ въ славянскомъ. Для этой цѣли и служилъ значекъ, который въ Зогр. Ев. нѣсколько видоизмѣнялся по своей формѣ, то былъ вогнутымъ внизъ, то вверхъ, то вродѣ апострофа: кѣньтоуриона, закъхѣе и пр.

Какъ апострофъ, такъ и данный значекъ получаетъ распространеніе и въ славянскихъ словахъ. Мы видимъ такіе примѣры, какъ: нѣмоу, нѣмь, кънигамъ, люблѣ, роблѣ, ѣгнь, оумьрѣтъ, сътворѣ, сътворѣ и пр. Такихъ примѣровъ очень много. И это неудивительно: это обусловливалось желаніемъ раличать мягкій слогъ отъ твердаго, отличить особенно *р*, *л* и *н*; при послѣднихъ мы и видимъ употребленіе даннаго значка, иногда онъ былъ даже лишнимъ (напр., передъ ю, ѣ), но здѣсь происходило то же, что въ такихъ случаяхъ, какъ закъхѣи, или салань и пр.

Не останавливаясь подробнѣе на разбираемой сторонѣ и отсылая интересующихся къ своему изслѣдованію (Памятники и вопросы др.-ц.-сл. письм.), я закончу той общей характеристикой, что большинство др.-ц.-сл. памятниковъ по своимъ надстрочнымъ значкамъ примыкаютъ къ палеографическимъ пріемамъ греческихъ рукописей 10—11 вв. Въ частности, относительно этихъ памятниковъ можно сказать, что они въ своихъ надстрочныхъ значкахъ не проявляли такой самостоятельности, какую отмѣчаемъ въ Кіевск. глаг. листк.; въ нихъ замѣчается часто механичность въ постановкѣ, слѣпое подражаніе и копировка и потому часто упадокъ, нарушеніе долженствовавшей быть системы; наряду съ этимъ нужно отмѣтить и стремленіе вложить извѣстное, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, значеніе въ употребленіе надстрочныхъ значковъ, напр., обозначая ими пропускъ буквъ, мягкость согласныхъ или гласныхъ.

Для междустрочныхъ значковъ употреблялась точка или соединеніе нѣсколькихъ точекъ (2, 3, 4, 5). Часто эти знаки, особенно точки, ставились тамъ, гдѣ бы мы вовсе не ожидали, но въ общемъ употребленіе данныхъ значковъ сходится съ нашимъ: значеніе этихъ точекъ главнымъ образомъ синтак-

сическое. По нѣкоторымъ мѣстамъ можно даже прослѣдить, что количество точекъ свидѣтельствовало о большей или меньшей продолжительности остановки; такимъ образомъ устанавливалась какъ бы извѣстная градація въ употребленіи точекъ. Отдѣлительное значеніе могли имѣть точки особенно въ заголовкахъ. Лишь изрѣдка, какъ исключеніе мы встрѣчаемъ употребленіе точки съ запятой (въ значеніи вопросительнаго знака, какъ и въ греческ.) и запятой (но послѣдняя для раздѣленія словъ).

Изъ другихъ особенностей др.-ц.-слав. графики обращаетъ вниманіе употребленіе такъ называемыхъ лигатуръ или вязей, т. е. соединеніе нѣсколькихъ буквъ въ одно общее, въ одну фигуру. Впрочемъ, въ древнѣйшихъ памятникахъ этихъ вязей очень мало.

Въ общемъ древнѣйшія рукописи поражаютъ своей простотой сравнительно съ памятниками позднѣйшими. Кромѣ немногочисленныхъ виньетокъ и заглавныхъ буквъ, разрисованныхъ и раскрашенныхъ (да и то не во всѣхъ памятникахъ), здѣсь предъ нами сплошное письмо, выдѣляющееся иногда строками, написанными красными чернилами. По характернымъ особенностямъ орнаментировка древнѣйшихъ церк.-слав. памятниковъ говоритъ о своемъ родствѣ съ греческимъ орнаментомъ X—XI вѣковъ.

Сличеніе отдѣльныхъ буквенныхъ начертаній въ др.-ц.-сл. рукописяхъ позволяетъ установить болѣе и менѣе древнее происхожденіе отличій того или другого начертанія, позволяетъ даже опредѣлить болѣе древній характеръ, типъ письма. Напр., въ отношеніи глаголическихъ памятниковъ можно сказать, что типъ начертаній буквъ Кіевскихъ глагол. листковъ является болѣе древнимъ сравнительно съ типомъ начертаній другихъ древнѣйшихъ глаголическихъ памятниковъ. Это своего рода глаголич. уставъ. Исходя изъ этого письма можно начертить путь, по которому шла глаголица другихъ памятниковъ — съ одной стороны болѣе круглая (особенно въ Ассеман. Ев.), съ другой глаголица угловатая (позднѣйшихъ хорватскихъ памятниковъ). То же самое съ уставомъ и полууставомъ кирилловскихъ памятниковъ.

Палеографическое изученіе рукописей имѣетъ огромное значеніе при опредѣленіи вопроса о древности памятника. Въ этомъ случаѣ, правда, палеографъ долженъ руководствоваться и другой стороной — выводами филологическими.

При своихъ выводахъ палеографу приходится исходить изъ памятниковъ датированныхъ. Такъ, напр., исходной точкой для изученія древне-рус. памятниковъ могутъ служить древне-рус. памятники XI ст. датированные: Остромирово Ев., Святославовы Изборники и Минеи. Изъ древнѣйшихъ церк.-слав. памятниковъ ни одинъ не датированъ, потому и нѣтъ какъ бы основной линіи, отъ которой можно было бы исходить. Этимъ объясняется и отчасти то колебаніе, которое находимъ въ заключеніяхъ относительно времени происхожденія того или иного памятника, колебаніе, которое иногда констатируется даже у одного и того же изслѣдователя.

Насколько трудны для разрѣшенія даже общіе вопросы — о древности или недревности, въ частности, поддѣлки рукописи — можетъ особенно рельефно указывать исторія съ извѣстными чешскими рукописями, такъ назыв. Краледворской и Зеленогорской [1]).

VII.

Глухіе гласные звуки *ъ* и *ь*.

Если мы возьмемъ наши написанія: доска, сонъ, дождь, то въ др.-ц.-сл. рукописяхъ найдемъ соотвѣтственно этимъ написанія: дъска, сънъ, дъждь, рус. написаніямъ: день, теменъ соотвѣтствуютъ также дьнь, тьмьнъ.

Намъ должны показаться странными слова, въ которыхъ нѣтъ, по нашему, ни одного гласнаго звука, такъ какъ *ъ* и *ь* у насъ не имѣютъ значенія гласныхъ звуковъ. Между тѣмъ приведенныя для примѣра др.-ц.-сл. написанія вполнѣ правильны, если принять во вниманіе, что первоначально *ъ* и *ь* передавали на письмѣ гласные звуки.

Трудно съ опредѣленностью сказать, какъ произносились составителями азбуки *ъ* и *ь*. Предполагали, что *ъ* былъ близокъ къ *о*, *ь*—*е*, но это предположеніе основано, въ сущ-

1) При изученіи палеографіи древнѣйшихъ ц.-слав. памятниковъ въ качествѣ пособій важны спеціальныя изслѣдованія этихъ памятниковъ. При изученіи же общихъ вопросовъ касающихся палеографіи и отличій позднѣйшихъ памятниковъ важными являются труды по палеографіи Срезневскаго, Соболевскаго, Карскаго и Лаврова, а также — Гардгаузена и Ваттенбаха (на нѣмецк. языкѣ).

ности, на данныхъ позднѣйшаго времени и говоровъ другихъ славянскихъ мѣстностей, гдѣ были переписаны дошедшія до насъ рукописи.

Для лучшаго опредѣленія, какъ произносился тотъ или иной звукъ въ древне-церк.-сл. языкѣ, обращаются къ сравненію съ данными другихъ славянскихъ языковъ, потому что всѣ они ранѣе составляли одинъ языкъ и остатки старины, удерживающіеся то въ одномъ, то въ другомъ, можно находить путемъ сравненія. Такъ точно, если мы хотимъ узнать, какъ, приблизительно хотя, произносился извѣстный звукъ въ словѣ еще ранѣе, когда пра-славянскій языкъ составлялъ съ другими родственными языками — германскимъ, литовскимъ, греческимъ и пр. одно цѣлое, то нужно обращаться къ сравненію родственныхъ корней въ этихъ языкахъ. Въ послѣднемъ случаѣ сравненіе затруднено тѣмъ обстоятельствомъ, что въ славянскихъ языкахъ, съ одной стороны, и въ языкахъ имъ родственныхъ, съ другой, сохранилось уже очень мало остатковъ отъ времени ихъ общей жизни.

Но сравненіе здѣсь не даетъ намъ вполнѣ положительныхъ результатовъ. Въ тѣхъ словахъ, гдѣ въ др.-ц.-сл. языкѣ стоятъ ъ и ь, въ другихъ славянскихъ языкахъ мы находимъ: въ однихъ *о* и *е*, въ другихъ *е* и *іе* (или также *е*), въ третьихъ одно *а*, и пр. (въ болг. нарѣчіяхъ сон, ден, въ чешскомъ sen, den, серб. сан, дан и пр.).

Въ немногихъ словахъ съ ъ и ь, сохранившихъ остатки общаго корня съ другими языками (неславянскими), мы находимъ такія соотвѣтствія:

дъштн (изъ дъштер = рус. дочь), греч. θυγάτηρ, санскр. (древне-индус.) duhitar; медъ — гр. μέθυ, санскр. madhu;

огнь (рус. огонь), латин. ignis, санскр. agni; мьгла литов. migla.

При чемъ и и і другихъ языковъ краткія.

Данныя родственныхъ, но неславянскихъ языковъ, указывая на то, что тамъ, гдѣ находились краткія *и* или *і* возникали ъ и ь древн.-ц.-слав. языка, проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на особенности этихъ загадочныхъ звуковъ. ъ и ь также были краткими гласными звуками. Наши русскія, такъ называемыя бѣглыя *о* и *е* стоятъ именно на мѣстѣ древнихъ ъ и ь (сонъ — сна, день — дня). Самый переходъ ъ и ь въ гласные некраткіе объясняется измѣненіемъ произношенія конца слова. Первоначально на концѣ ъ и ь безусловно произ-

носились и такимъ образомъ сънъ, дьнь были словами двусложными. Затѣмъ, когда конечный ъ и ь потемнялись, предыдущіе ъ и ь усиливались и переходили въ болѣе сильные звуки, получалось сон, sen, ден, den, dzień и пр., а въ родит. падежѣ, напр., когда на концѣ были полныя гласныя, ъ и ь въ серединѣ съ теченіемъ времени, ослабѣвая, исчезали. Въ русскомъ языкѣ мы во многихъ случаяхъ уже не видимъ ни глухихъ, ни ихъ замѣнъ, напр., слова: мъногъ, къто и пр.

Итакъ, мы не можемъ съ опредѣленностью сказать, какъ звучали ъ и ь. Послѣдній знакъ, можетъ быть, означалъ звукъ средній между краткимъ і и е; первый — можетъ быть — средній между краткимъ у и о, можетъ быть, между ними была и еще большая близость, чѣмъ то обыкновенно предполагается (ср. дальше). Краткость этихъ звуковъ и то обстоятельство, что ъ произносилось твердо, ь — мягко, обусловили ихъ измѣненія подъ вліяніемъ послѣдующихъ слоговъ; такъ мы находимъ: тъма (рус. тьма), но о тьмѣ, вънъ (рус. вонъ), но вьнѣ и пр., хотя, впрочемъ, неизвѣстно, можно ли отнести этотъ переходъ къ первоначальному періоду др.-ц.-слав. письменности.

Слѣдовательно, въ настоящее время, въ нашемъ алфавитѣ, ъ и ь уже не имѣютъ прежняго своего значенія: теперь они показатели лишь твердости или мягкости согласныхъ. Мы можемъ, напр., сплошь и рядомъ обходиться безъ ъ, въ др.-ц.-сл. языкѣ это было бы невозможно (для насъ очень страннымъ было бы др.-ц.-сл. написаніе тъ = нашему тотъ).

Въ древнѣйшихъ ц.-сл. памятникахъ мы не находимъ уже вполнѣ послѣдовательнаго употребленія ъ и ь. Смѣшеніе ъ и ь, замѣна ихъ (*о* и *е*), опущеніе показываютъ, что во многихъ случаяхъ они уже не имѣли своего первоначальнаго значенія.

Я остановлюсь подробнѣе на двухъ наиболѣе точныхъ въ употребленіи ъ и ь — памятникахъ, небольшомъ по объему — Кіевскихъ листкахъ и Зографск. Евангеліи.

Какъ замѣчено еще Шафарикомъ (О происхожденіи и родинѣ глаголитизма, въ Чт. М. Общ. Ист. и Др. 60, IV, 12), Рачки (Pismo slov, 116) и затѣмъ Ягичемъ (4 палеогр. ст., 163) глаголическія начертанія глухихъ очень близки къ начерт. *о*. „Глаголитъ, замѣчаетъ Шафарикъ, для первой попытки, имѣлъ довольно проницательный взглядъ на природу славянскаго языка, въ особенности гласныхъ; у него начертанія

о, *ѣ*, *ъ* сходны, какъ самые звуки (ibid. упом. перев. труда Ш.)".

Изъ близости начертаній и изъ физіологической близости (каковая обнаруживается изъ большинства др.-ц.-сл. п.) естественно, прійти къ заключенію о возникновеніи начертанія *ѣ* изъ *о*. Вопросъ заключался только въ томъ, какимъ образомъ получалось начертаніе глаголическаго *ъ*, по формѣ также близкаго къ *о*, когда основываясь на вѣроятномъ физіологическомъ звукѣ этого начертанія, мы ожидали бы въ основѣ его — начертаніе *е*. На это ак. Ягичъ отвѣчаетъ такимъ образомъ: „На этотъ вопросъ я пока могу представить слѣдующую догадку: можетъ быть, сначала разница между *ѣ* и *ъ* не ограничивалась однимъ добавочнымъ элементомъ, а шла глубже, т. е. можетъ быть, для *ѣ* послужила основаніемъ буква *о*, а для *ъ* буква *и*, потомъ же въ однихъ памятникахъ преобладалъ для обѣихъ глухихъ гласныхъ почеркъ въ основѣ напоминающій *о*, въ другихъ же почеркъ, похожій на *и*" (163).

Противъ мнѣнія ак. Ягича, поддерживаемаго также Бѣляевымъ, можно привести слѣдующее. Если первоначальная разница между этими начертаніями ограничивалась не однимъ добавочнымъ знакомъ, а „шла глубже", т. е. если первоначальное глаг. *ѣ* изображалось какъ *о* съ добавочной линіей, а *ъ*, какъ *и* съ добавочной линіей, то почему, спрашивается, ни въ одномъ памятникѣ мы не находимъ разницы въ основныхъ частяхъ этихъ буквъ, а разница заключается въ добавочныхъ черточкахъ? Если первоначально основныя части были разны, зачѣмъ было разнообразить добавочныя черты? Послѣднее тогда, конечно, явленіе позднѣйшее? Затѣмъ опроверженіе указанныхъ мнѣній, намъ кажется, лучше всего могутъ дать Кіевск. листки. Если мы сравнимъ въ этомъ памятникѣ начертанія для *о* и *ѣ*, *ъ*, то увидимъ, что между этими начертаніями коренится глубокая разница. Начертаніе для *о* составляетъ какъ бы одно цѣлое (особенно у 2-го переписчика), фигура въ общемъ полукруглая. Начертанія глухихъ состоятъ изъ прямой линіи, къ которой придѣлываются кружки, по величинѣ меньше, чѣмъ кружки въ начертаніи *о*. Подобный пріемъ написанія *ѣ* и *ъ* особенно рельефенъ на страницахъ, написанныхъ 2-мъ писцомъ; здѣсь при томъ начертанія *ѣ* и *ъ* еще болѣе разнятся отъ начертанія *о*, т. к. онѣ имѣютъ наклонное направленіе.

Въ Кіевск. Листкахъ уклоненія отъ правильнаго написанія замѣчаемъ въ слѣдующихъ случаяхъ: на стр. 7 10, 22–23 — въсѣхъ, т. обр. 2 раза встрѣчается написаніе этого слова съ ъ наряду съ правильными написаніями въ другихъ случаяхъ съ ь: вьсѣхъ 4 5, 7 7, 7 об. 7, 8, 21–23; вьсего 2 об. 8–9; вьсѣ 4 22; вьсіа 2 об. 8 7 15; вьсемогъı 2 13, 2 об. 3, 3 7, 4 2, 4 об. 2, 5 13.

Относительно написанія вьсѣхъ на 6 23—6 об. 1 трудно сказать что-л. опредѣленное, т. к. въ рукописи и снимкахъ невидно ь или ъ (въ транскрипціи у ак. Ягича — ь). Не считая послѣдняго случая и беря указанные выше примѣры, мы получаемъ отношеніе правильныхъ формъ къ неправильнымъ 15 : 2. Интересно въ этомъ случаѣ данныя формы сравнить съ тѣмъ, что мы находимъ въ Зографскомъ Евангеліи. По подсчету ак. Ягича въ Зогр. Ев.:

вьсѣхъ 15 разъ,	вьси 20 разъ.
всѣхъ 12 „	вси 30 „ [1]).

Эти данныя говорятъ намъ о сравнительно-позднѣйшемъ возникновеніи нѣкоторыхъ формъ Зограф. Ев. и намѣчаютъ путь, по которому развивались эти формы. Нельзя не признать, что въ формѣ въсѣхъ К. Л. сказывались уже признаки „наступленія чрезвычайной ирраціональности звука ъ“ [2]) и затѣмъ также вліяніе предшествовавшей согласной в [3]).

Въ творительн. пад. един. ч. въ словѣ оплатъ встрѣчаемъ выпаденіе ъ: оплатмь 1 об. 9, 6 об. 10, 7 19, наряду съ правильными формами: оплатъмь 2 об. 18, 3 24, 4 7, 4 об. 16, 6 1, а также: въсѧдъмь 7 об. 10–11, образъмь 4 об. 18.

Указанные случаи оплатмь — безъ ъ кажутся намъ простыми описками: доказательствомъ можетъ служить написаніе ндъ 2 17 гдѣ въ заголовочной строкѣ пропущено *а*.

Въ словѣ присьнъ мы замѣчаемъ отсутствіе ъ: присно 5 6, 5 об. 10, 7 12, 7 17; приснодѣвъи 7 4–5, —ѣ 7 об. 16, но въ этомъ случаѣ К. Л. сходны съ другими древнѣйшими памятниками, т. к. и въ послѣднихъ отмѣчаются послѣдовательно

---

1) Studien über das altslov. glag. Zographos-Ev. (Arch. I).

2) Щепкинъ. Разсужденіе о яз. Сав. кн. (Извѣстія Ак. Н. по 2 отд., 98 г., стр. 1215). Тамъ же Щепкинъ отмѣчаетъ для К. Л. форму въси, но таковой въ нашемъ памятникѣ — нѣтъ.

3) Б. Ляпуновъ (Изслѣд. о яз. синод. списка 1-й Новгор. лѣтописи 242).

пропуски *ъ* въ такихъ словахъ, какъ присн҃ъ, деснъ, Ѣаснъ[1]).

Въ К. Л. мы замѣчаемъ также опущеніе *ѣ* и *ъ* на концѣ словъ: бе҃ж (него же) 6 14–15, и҃см 3 15.

Подобные примѣры въ Зограф. Ев.: бе҃жнего же (Іоан. 1 глава 3 подр., См. изд. Ягича стр. 136), Маріинское Ев. (Іоанна, ibid. изд. Ягича, стр. 314).

Или въ Супрасльской рук.: иж неıа, к неи, от нихъ и пр.

Въ Мар. Ев. без постоянно безъ *ъ* (Ср. указатель при изданіи Ягича). Тамъ же встрѣчаемъ *и*, *с*, *от* и пр. Не такъ часто и въ Зограф., напр. 1з (Матѳ. IV, 4) и пр.

Въ параллель къ и҃см К. Л. можно бы поставить послѣдовательное написаніе, отмѣчаемое въ Зограф. Ев.: и҃с, но слово и҃см въ К. Л. встрѣчается въ концѣ строчки и негдѣ было написать *ъ*. Такимъ образомъ, если мы будемъ смотрѣть на бе҃жнего какъ на одно слово въ сознаніи писца (на что указываетъ и переходъ з—ж), а на и҃см, какъ на недописанное въ силу недостатка мѣста, то въ К. Л. нельзя, собственно говоря, отмѣтить опущеніе *ѣ*—*ъ* на концѣ словъ, что есть, напр. уже Зограф. Евангеліи. Въ К. Л. два раза мы отмѣчаемъ недописанное слово, когда даже было извѣстное для написанія пространство, это въ словѣ нашъ. См. нашімь на стр. 3 об. 4, 24.

Чередованіе *и* и *ъ* мы наблюдаемъ въ слѣд. случаяхъ: твор. ед. чьстьꙑ 1 об. 5, 2 2; мıлостьꙑ 4 4–5, 4 об. 8–9, 6 13, 7 16; помощьꙑ 5 17; род. мн. заповѣды.

На ряду съ этимъ мы видимъ сохраненіе *и*: твор. ед. милостиꙑ 2 19, 2 об. 16, 5 об. 22–23; милостıꙑ 3 22, 6 об. 9; род. мн. скврьностиı 1 об. 14; людиı 2 18.

Случаи чередованія *и* и *ъ* мы отмѣчаемъ и въ другихъ древнѣйшихъ ц.-сл. памятникахъ. Такъ напр., въ Зографскомъ Ев.: мъıсльꙑ (Ев. от. Л. I, 51) и пр.

Въ Зогр. Ев., какъ отмѣчаетъ ак. Ягичъ (Мар. Ев., 435) случаевъ чередованія *и* — *ъ* больше, чѣмъ въ Маріинскомъ Ев., хотя и въ послѣднемъ таковые случаи встрѣчаются (ibid.).

Проводя аналогіи въ чередованіи *и* — *ъ* К. Л. съ Зогр. Мар. Ев., мы должны отмѣтить также и очень характерную разницу въ этихъ памятникахъ.

---

1) Ср. Ляпуновъ Изслѣдованіе..., 82 и пр. 2-е со ссылками на Ягича Studien über das altsl.-gl. Zogr. Ev.) и Козловскаго о языкѣ Остром. Ев., 47.

Въ Зограф. Ев. мы встрѣчаемъ: знаменье (Матѳ. XII, 5) и пр. Въ Мар. Ев.: осѫжденье (Лука XX, 47) и пр.

Въ К. Л. имена ср. р. ед. ч. на *ие* имѣютъ во многихъ случаяхъ ударенія, слѣд. *и* — ударяемый слогъ и перехода его въ *ь* мы не наблюдаемъ: издрѣшение 5 об. 9, спасение 5 об. 18–19 3 об. 4, избавлениѣ 4 10, очіщениѣ 3 13 и пр.

Мы не наблюдаемъ въ К. Л. перехода *ѣ* въ *ь* передъ мягкими гласными, что видимъ въ другихъ древн.-ц.-сл. памятникахъ: въ чьсті 2 1, въжлюблении 5 об. 5, въжлюбленъиіа 5 3–4.

Процессъ ассимиляціи *ѣ* въ *ь* особенно наблюдается въ Супрасльской р. Вондракъ въ своей статьѣ „Ueber einige orthogr. und lexikal. Eigenthümlichkeiten des Codex Suprasliensis“ (Sitzungsber. Wien. Ak. 91 г. т. 124), на основаніи этой черты языка дѣлаетъ очень важные, хотя и несовсѣмъ обоснованные, выводы. Ассим. *ѣ* — *ь* Вондракъ считалъ свойственной памятникамъ древнѣйшимъ „паннонскимъ“ и, слѣдовательно, Супрасльская рук. въ этомъ отношеніи сохранила какъ бы древнѣйшія формы. Въ изданіи Клоцова Сборника Вондракъ подъ вліяніемъ рецензіи Облака на упомянутую статью измѣнилъ свое мнѣніе о „паннонизмѣ“ ассимиляціи *ѣ* — *ь*. Облакъ обратилъ вниманіе на то, что Супрасльская рук., наиболѣе преслѣдующая законы ассимиляціи, является въ то же время памятникомъ наиболѣе отступающимъ сравнительно съ другими отъ нормы „старославянскаго“ языка. Так. обр. представляется страннымъ, почему Супрасльская рук. могла сохранить въ одномъ отношеніи послѣдовательно древнѣйшую черту, если ей не соотвѣтствовала дѣйствительность (Arch. 15, 345—6). Облакъ стремится доказать, что черта эта была свойственна восточнымъ или сѣверо-восточнымъ болгарскимъ говорамъ. Перехода *ѣ* — *ь* мы не находимъ въ средне-болгарскихъ памятникахъ. Кіев. Л., замѣчаетъ Облакъ, стоящіе въ непосредственной связи съ паннонской письменностью, не даютъ такихъ случаевъ ассимиляціи, несмотря на то, что „тонко чувствительны“ (feinfühlend) въ различеніи глухихъ. Предполагать же, что подобное явленіе (ассим.) было выражено въ памятникѣ, но что затѣмъ было уничтожено переписчикомъ, нельзя, какъ думаетъ Облакъ, потому, что послѣдній въ собственномъ языкѣ не имѣлъ прочныхъ основъ для правильной постановки глухихъ, а могъ въ этомъ случаѣ

лишь слѣдовать за своимъ оригиналомъ. Мы затрудняемся утверждать, что въ говорѣ писавшихъ К. Л. не было совсѣмъ разницъ въ произношеніи ъ передъ мягкими и твердыми. Что К. Л. чувствительны къ замѣнѣ звуковъ подъ вліяніемъ мягкости, указываютъ приведенные примѣры бежнего, въжлюблении.

Переходя къ Зогр. Еванг., прежде всего я долженъ сказать, что употребленіе здѣсь ъ и ь не производитъ на меня впечатлѣнія такой правильности, какъ то нѣкоторые высказываютъ и старается, въ сущности, доказать Ягичъ въ своемъ изслѣдованіи. Можно всячески объяснять иногда неожиданное употребленіе ъ или ь, можно подыскивать извѣстнаго рода оправданія для писцовъ, но факты должны стоять на первомъ планѣ, а затѣмъ уже наши домыслы, догадки и объясненія. Само утвердившееся положеніе, что З. Ев. является „вѣрнѣйшимъ зеркаломъ старо-слов. языка“ (Яг. Мар. Ев., 423), въ сущности, есть результатъ прежде всего преувеличенной оцѣнки правильности употребленія ъ и ь въ З. Ев.

Разсматривая случаи употребленія ъ и ь въ З. Е., я пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: для писца З. Е. ъ и ь не имѣли первоначальнаго своего значенія во всемъ объемѣ своего употребленія — языкъ З. Ев. въ данномъ случаѣ далекъ отъ единства и цѣльности: мѣстами ъ и ь могли обозначать глухіе звуки, мѣстами это замѣстители гласныхъ полныхъ, а иной разъ это лишь знаки мягкости и твердости.

Подмѣченный мною способъ обозначенія мягкости согласной при передачѣ греческихъ словъ, способъ, который нужно считать болѣе первоначальнымъ, чѣмъ употребленіе значка, указываетъ уже на то, что ь употреблялся въ нѣкоторыхъ случаяхъ вовсе не какъ гласный. О томъ же можетъ говорить (по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ случаевъ) и отмѣченный Ягичемъ переходъ ъ въ ь подъ вліяніемъ послѣдующихъ мягкихъ слоговъ. Что ъ и ь употреблялись часто въ З. Е. тамъ гдѣ никакого уже гласнаго звука не было, указываютъ такіе особенно примѣры: мъногъ, —о, —а и пр. — 22 раза, многъ 89 р., м'ногъ 2 р., мьн... 1 р. (Яг. замѣчаетъ, что пропускъ ъ могъ быть въ силу частаго употребленія слова, т. к. ничѣмъ инымъ нельзя объяснить будто бы пропускъ ъ; но, вѣдь, частое употребленіе другихъ словъ не заставляло пропускать буквы, если былъ звукъ), мъноіѯ 8 р., мноіѯ 13 р., м'ноіѯ 1 р.: мнѣ — 34,

м'нѣ —5, мьнѣ —51; вьси —23, вси —30, вьсѧ —9, вьсѧ 8, вьсѣхъ 28, всѣхъ 21 и пр. Такимъ образомъ въ данныхъ формахъ не было уже ъ и ь. Можно ли это распространять на говоры обще-славянск. языка, какъ то предположительно высказывается проф. Ляпуновымъ (Изслѣд. о яз. синод. сп., 47) — трудно съ увѣренностью сказать. Отмѣчу только, что Мар. Ев., менѣе точное въ постановкѣ ъ и ь, въ этомъ случаѣ (мъногъ и мъногꙑ) является болѣе точнымъ, чѣмъ Зогр. Ев., слѣдовательно въ оригиналахъ, послужившихъ источникомъ для З. и М. Ев. постановка была еще болѣе послѣдовательна. Въ ф. вьсь 2 р. (вьсь 27 р.) я не могу видѣть отраженія живого говора (какъ то дѣлаетъ относит. Савв. кн. Щепкинъ, Разсужд., 126), здѣсь какъ и въ словѣ днь чисто графическія особенности (подъ вліяніемъ произношенія косвенныхъ падежей; этимъ я объясняю и подобныя же формы въ другихъ памятникахъ, между прочимъ древне-русскихъ; не соглашаюсь т. обр. и съ проф. Ляпуновымъ, Изслѣд., 73). Вліяніе графики другихъ словъ сказалось въ такихъ случаяхъ, какъ съмѣаше, съмѣахꙋ, гдѣ ъ совершенно ненужно. Также трудно говорить о гласности ъ или ь очень часто въ суффиксахъ, для примѣра сдѣлаю слѣдующія сопоставленія:

бывъши — ношьше — отрѣш'ша
правьдѣ — правъдꙑ — неправдѣ
правьдьникъ — праведънꙑхъ.

Въ словахъ къгда 2 р. — когда 9, тъгда 28 — тогда 17 Яг. объясняетъ болѣе частую и менѣе частую замѣну ъ—*о* условіями выговора: трудность выговора къг обусловливало будто бы переходъ въ ког, чего ненужно было въ тъг. Но это, конечно, далеко не объясненіе. Скорѣе видя здѣсь варіанты (Ср. Ляпуновъ, Изслѣд., 50—51, Щепкинъ, Разсужд.), можно думать, что ф. когда, тогда были свойственны писцу Зогр. Ев. и отчасти его подлиннику, и если ф. когда употребляется чаще чѣмъ тъгда, то это объяснялось какими-либо случайными аналогіями, какъ который, тъ.

Произносились ли ъ и ь въ концѣ словъ у писца З. Е.? На этотъ вопросъ у Яг. мы находимъ нѣсколько осторожный и даже неопредѣленный отвѣтъ. Признавая, что первоначально ъ и ь на концѣ произносились, какъ въ серединѣ словъ, Яг. замѣчаетъ, что точное разграниченіе ъ и ь въ

концѣ словъ въ З. Е. заставляетъ думать, что разница въ произношеніи была (и это если не относительно послѣдняго писца, то относит. его предшественниковъ). Только въ предлогахъ слившихся съ другими словами (из-очесе и пр.) было уже выпаденіе ѣ и ъ. Разница на концѣ сводилась къ болѣе широкому или узкому произношенію согласнаго, при чемъ широкость склонялась къ *о*, узкость къ *е*, какъ показываютъ, по Ягичу, примѣры переходовъ: родось, дьнесь. Изъ дальнѣйшаго, впрочемъ, видно, что Ягичъ (Arch. II, 220—1) склоняется къ признанію произношенія ѣ и ъ на концѣ, какъ твердости и мягкости. По моему мнѣнію, нужно здѣсь непремѣнно видѣть уже лишь знаки твердости и мягкости. Само дѣйствительно наиболѣе точное разграниченіе ѣ и ъ на концѣ словъ, именно, говоритъ въ пользу даннаго мнѣнія, такъ какъ здѣсь было точное мѣрило въ твердости и мягкости. Характерно, что послѣ *ч*, *ц*, *ж*, *ш* мы видимъ смѣшеніе — слѣды мягкости и отвердѣнія. Примѣры родось, дьнесь вовсе не подтверждаютъ произношенія ѣ и ъ, какъ гласныхъ въ другихъ случаяхъ, а наоборотъ — говорятъ о противномъ.

Отмѣчу еще интересные примѣры: льгъко МѳXI$_{29}$
дъвъльно ЛXXII$_{38}$
приобрѣтъхъ МѳXXV$_{20}$
(послѣдній примѣръ могъ составиться, впрочемъ, такъ къ аор. I прибавл. хъ).

Итакъ съ ѣ и ъ въ З. Ев. мы встрѣчаемся уже не на первоначальной почвѣ, для которой были изобрѣтены эти знаки. Можемъ ли поэтому говорить мы, какъ то принято, что ѣ склонно было къ *о*, ъ—*е*? вѣдь эта склонность или, лучше, эта замѣна характеризуетъ уже иную почву, на которую были перенесены ѣ и ъ. Наряду съ этой замѣной намъ удалось констатировать не меньшую древность выраженія ъ лишь мягкости. Какъ произносились первоначально ѣ и ъ — мы не знаемъ. Но съ одной стороны подмѣченныя стороны въ употребленіи ъ, съ другой графика начертаній заставляетъ насъ задаться вопросомъ: не были ли ѣ и ъ первоначально болѣе схожими звуками отличающимся гл. образомъ мягкостью или твердостью, такимъ образомъ откроется черта аналогичная, напр. *е* и *іе* запад. партіямъ.

Что на концѣ ѣ и ъ не произносились къ гласные — звуки могутъ подтверждать и такія наблюденія (сдѣланы

Лескинымъ): форма дьнехъ вм. дьньхъ очень рано появляется въ памятникахъ, а темьница вм. тьмьница позднѣе. На концѣ въ силу потери гласности ъ слогъ сталъ закрытымъ ранѣе и потому ранѣе проявленіе въ болѣе полный гласный звукъ.

Переходъ неударяемаго *и* въ ъ мы замѣчаемъ въ Зогр. Ев. довольно часто (гораздо болѣе чѣмъ въ Мар. Ев.) и затѣмъ въ случаѣ *ьи* — стяженіе въ *и*. Такъ:

сѫди Л. 12$_{59}$ (Мар.-ни) 18$_{2}$ (М.-и), (М.-ни)
остри Л. 21$_{24}$ (М.-ни), знамени I. 3$_{2}$ (М.-ни)
трети Л. 24$_{21, 46}$ I. 2$_{1}$ (М.-ни), послѣдьни I. 7$_{37}$ (и М.)
велыхъ, —ьемь Л. 2$_{9, 10}$ сыа Л. 2$_{19}$ (М. немь, нихъ, ниа)
тиверьѣ Л. 3$_{1}$, иштадьѣ Л. 3$_{2}$, каменью Л. 4$_{8}$ (М. и)
оубыства Мр. 15$_{7}$, змыа Л. 10$_{19}$ и т. д.

Так. обр. для объясненія слова:

вашты Л. 9$_{48}$, больи я не прибѣгъ бы къ вліянію аналогіи причастныхъ формъ: оударь, омочь и пр., какъ то дѣлаетъ Щепкинъ (Разсужд., 243). При объясненіи Щ. будутъ непонятны также и такіе случаи, какъ крѣплеі Мр. 1$_{7}$, негашѫштеі Мр. 9$_{43, 45}$ (прибѣгать къ „говору послѣдняго писца“ — не будетъ объясненіемъ), а это могли быть остатки скорѣе оригинала, гдѣ ъ въ этихъ случаяхъ могло еще обладать извѣстнаго рода гласность и переходило въ *е*. Переходъ этотъ мы наблюдаемъ также въ Мар. Ев. въ такихъ случахъ, какъ болеи и пр.

Если въ Кіевскихъ Л. и Зографскомъ Ев. не сохраняется вполнѣ правильность употребленія ъ и ь, нѣтъ так. обр. какъ бы полнаго образа того, что мы можемъ ожидать отъ памятниковъ первоначальной ц.-слав. письменности, то въ другихъ древнѣйш. ц.-сл. памятникахъ этой правильности еще меньше. Мы замѣчаемъ въ нихъ то колебаніе между ъ и ь (напр. Ассем.), то преобладаніе ъ (Маріинск., также Савв. кн., Син. Пс., хотя въ этихъ памятникахъ въ отдѣльныхъ случаяхъ появляется ь вмѣсто ъ), ь (Супрасл. рук.). Въ нѣкоторыхъ изъ древн. памятниковъ замѣчаются болѣе правильные случаи замѣны ь—ъ послѣ *ш*, *ж*, *ч*, *шт*, *жд* (Клоц. Сб., Савв. кн.). Затѣмъ въ тѣхъ же памятникахъ случаи замѣны, какъ мы уже говорили, ъ—*о*, ь—*е*.

При разсмотрѣніи глухихъ гласныхъ ъ и ь приходится нѣсколько выдѣлить сочетанія этихъ глухихъ съ плавными *р* и *л* между двумя согласными.

Сочетанія *ръ*, *рь*, *лъ*, *ль* между двумя согласными получаются, какъ предполагаютъ, въ др.-ц.-сл. языкѣ путемъ двоякаго образованія.

Для того, чтобы лучше выяснить сказанное, я буду исходить изъ данныхъ русскаго языка. Такимъ рус. написаніямъ, какъ кровь, плоть, крестъ, скрежетъ — съ одной стороны, и долгъ, гордъ, сердце, смерть — съ другой, въ древн.-ц.-сл. соотвѣтствуютъ написанія кръвь (кры), плъть, крьстъ . . . длъгъ, гръдъ . . . и пр., т. е. глухой гласный стоитъ послѣ плавныхъ. Въ послѣднихъ случаяхъ, т. е. въ написаніяхъ гръдъ, длъгъ и пр., большинство ученыхъ видятъ въ настоящее время попытку изобразить слогообразующіе *р* и *л* (изображаются r̥ и l̥), т. е. какъ бы grd и и dlg. Доказательствомъ, что была разница въ произношеніи кръвь и гръдъ, является то, что когда конечные ъ и ь начали исчезать въ произношеніи, то получилось въ разныхъ мѣстахъ усиленіе серединныхъ ъ и ь. Опираются также и на то, что въ Зограф. Ев. наиболѣе смѣшеній ъ и ь именно въ случаяхъ предполагаемыхъ слогообразующихъ, когда писецъ не могъ такъ ясно различать качество гласности *р* и *л*. Так. обр., въ сущности предполагается существованіе слогообразующихъ *р* и *л* двухъ оттѣнковъ — въ сторону мягкости и твердости.

Не отрицая возможности существованія въ др.-ц.-сл. языкѣ слогообразующихъ, я тѣмъ не менѣе долженъ сказать, что приведенная теорія не можетъ претендовать на полную убѣдительность. На сомнѣніе въ полной убѣдительности данной теоріи, мнѣ кажется, могутъ наводить какъ многочисленныя правильныя написанія Зограф. Еванг., примѣры изъ К. Л. — вполнѣ послѣдовательно проведенные въ написаніи (скврьности, кръви, оутврьди, срьдьцѣ и пр.), наконецъ данныя современныхъ болгарскихъ нарѣчій. Въ болгарскихъ говорахъ глухой слышится передъ или послѣ плавнаго, при чемъ точно въ настоящее время еще не разграничено, въ какихъ послѣ, а въ какихъ передъ и въ графикѣ мы находимъ полную непослѣдовательность. Спрашивается, почему же и въ основу древне-церковно-славянскаго языка не могъ лечь какой-ли болгарскій говоръ, въ которомъ было чрьвь, а не чр̥вь?

Не отрицая возможности, повторяю, слогообразующихъ *р* и *л* въ др.-ц.-сл. языкѣ, можно говорить и о существованіи слогообразующихъ въ общеславянскомъ языкѣ.

Вопросъ о ъ и ь затрогивался и даже изучался спеціально уже многими изслѣдователями, но звуки эти остаются и останутся въ полномъ смыслѣ „ирраціональными“, т. е. неподдающимися опредѣленію. На основаніи тщательнаго изученія данныхъ древнѣйшихъ памятниковъ и памятниковъ дальнѣйшаго времени, изученія поставленнаго на широкую сравнительную почву, создавались и создаются различныя гипотезы, стремятся иногда опредѣлить даже тончайшіе оттѣнки произношенія этихъ ъ и ь въ разныхъ положеніяхъ, но, въ то же время, часто чувствуется вся шаткость почвы.

VIII.

Носовые гласные звуки ѧ и ѧ.

Вмѣсто нашихъ написаній: рука, веду и многихъ другихъ, гдѣ выступаетъ *у*, въ др.-ц.-сл. языкѣ находимъ: рѧка, ведѧ и пр., т. е. особый знакъ ѧ; въ то время, какъ въ древн.-ц.-сл. графикѣ есть начертаніе *оу*, соотвѣтствующее русскому *у*: оумыти, доухъ и пр.

Равнымъ образомъ вмѣсто русск. написаній: пять, племя и др., мы видимъ пѧть, племѧ, хотя опять-таки въ др.-ц.-сл. языкѣ есть начертаніе и для нашего *я* (іа).

Долгое время звуковое значеніе ѧ и ѧ опредѣлялось совершенно невѣрно: эти буквы считались равнозначащими съ указанными соотвѣтствіями въ русскомъ языкѣ, т. е. съ *у* и *я*. Только русскому ученому Востокову удалось пролить свѣтъ на эти загадочныя начертанія. Онъ первый обратилъ вниманіе на то, что ѧ и ѧ въ польскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ такъ называемые носовые гласные звуки (произносимые какъ о и е съ призвуками н и м — о^{н}, о^{м}, е^{н}, е^{м}; изображаются на письмѣ ą, ę, ią, ię), такъ рѧка — rękа (ре^{н}ка), пѧть — pięc и пр.

Но доказательства приведенныя Востоковымъ не всѣхъ удовлетворили. Въ числѣ противниковъ его гипотезы выступилъ въ свое время Копитаръ. Въ изданіи Клоцова Сборника онъ указывалъ на то, что двойной ринезмъ польскаго языка — недавняго времени, что въ другихъ славянск. языкахъ этого ринезма нѣтъ, а если есть въ отдѣльныхъ словахъ, какъ, напр., въ чешскомъ (Wenzel и др.), то это испорченныя

отъ нѣм. вліянія слова. Доказательства Копитара вполнѣ опровергнуты научной критикой и въ настоящее время можно считать несомнѣнно доказаннымъ существованіе въ др.-ц.-слав. языкѣ носовыхъ звуковъ. Доказывается это на основаніи сличенія словъ др.-ц.-слав. языка и другихъ родственныхъ языковъ и данныхъ современныхъ славянскихъ нарѣчій. Если мы обратимся къ родственнымъ языкамъ, то увидимъ, что ѧ соотвѣтствуютъ въ санскр. яз. an, напр., слав. вѧзати = bandh; десѧть = daçan; имѧ = naman. Въ литовскомъ яз. ѧ соотвѣтствуетъ: en, in, такъ зѧть = žentis; памѧть = atmintis. Въ латинск. яз. ѧ = en, em, напр. десѧть = decem, памѧть = mens, сѣмѧ = semen; въ готскомъ вмѣсто ѧ мы находимъ: an, in, un. Юсу большому въ др. языкахъ соотвѣтствуютъ: санскритск. an, am, литовск. an, am, греч., лат. on, an, ον, готск. an. Напр. сѧ = санск. sam, лат. cum; гѧсь = санск. hansa, лат. anser, готск. gans; ѧглъ = греч. ἄγκυλος, лат. angulus; рѫка, лит. rankà (ср. лит. renkù = собираю). Къ этому нужно еще присоединить: нѣкоторыя славянскія слова переданныя въ др. языкахъ, напр., въ греческомъ. При сравненіи этихъ словъ мы замѣчаемъ, что юсы въ другихъ языкахъ передаются чрезъ носовые звуки, такъ свѧтополкъ = σφεντοπληκος; свѧтославъ = σφεντισλαβος и т. д. Тоже самое видимъ и въ славянской передачѣ словъ другихъ языковъ, напр., греч. „σεπτεμβριος, δεκεμβριος“, въ слав. языкѣ передаются такъ: сентѧбрь, декѧбрь и т. д. Но главное доказательство существованія носовыхъ въ др.-ц.-слав. языкѣ — это данныя современныхъ славянскихъ языковъ.

Въ современномъ литературномъ польскомъ языкѣ мы имѣемъ, повидимому, тѣ же носовые „е“, „о“ (на письмѣ ę, ą), что и въ др.-ц.-слав., но въ употребленіи юсовъ въ др.-ц.-слав. и польскомъ нѣтъ соотвѣтствія: на мѣстѣ др.-ц.-слав. ѫ находимъ въ польскомъ u, ę и ą (lęk = лѫкъ, męka = мѫка, obręcz = обрѫчъ, kląb = клѫбъ, krąg = крѫгъ и т. д.) или даже въ одномъ и томъ же словѣ колебаніе между ą и ę, напр., sąd и sędzia и т. д. На мѣстѣ др.-ц.-слав. ѧ находимъ въ польск. тѣ же ę, ą, только іотированныя (cięciwa = тѧтива, mięso = мѧсо, ciąć = тѧти и т. д.). Так. обр. изъ сравненія современнаго литературнаго польскаго языка и др.-ц.-слав. нельзя установить послѣдовательной связи между носовыми гласными. А потому естественно, конечно, было обратится къ

древне-польскимъ памятникамъ и посмотрѣть, существуютъ-ли тамъ носовые гласные? если да, то въ какомъ видѣ? Существованіе носовыхъ гласныхъ въ др.-польскомъ языкѣ — несомнѣнно, такъ какъ опирается на историческія показанія, но затрудненіе заключается лишь въ томъ, сколько было носовыхъ гласныхъ, какъ они произносились? Затрудненіе это обусловливается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ древне-польскихъ памятникахъ не вездѣ одинаковые графическіе знаки для выраженія носовыхъ гласныхъ звуковъ. Общимъ положеніемъ изъ противорѣчивыхъ иногда заключеній, къ которымъ приходили изслѣдователи даннаго вопроса (Миклошичъ, Потебня, Калина, Лецѣевскій, Ягичъ, Лоренцъ и др.) можно въ настоящее время признать, что въ древне-польскомъ не было качественной разницы между носовыми гласными, а только разница количественная, т. е. въ отношеніи долготы и краткости.

Носовые гласные звуки сохраняются и теперь въ нѣкоторыхъ болгарскихъ мѣстностяхъ, главн. обр. въ южно-македонскихъ говорахъ, въ частности особенно въ Костурскомъ и Солунскомъ округахъ (говоръ б а н д о в ц е в ъ, отъ слова: б ѫ д ѫ). · Въ другихъ мѣстностяхъ носовые встрѣчаются болѣе спорадически, и въ отдѣльныхъ словахъ ихъ можно встрѣчать на протяженіи всей территоріи болгарскаго языка.

Примѣры (изъ Кост. и Сол. окр.): бъ̀нда (= бѫ̀дѫ), гъ̀мба (гѫба), дъ̀мбъ (дѫбъ), тръ̀мба, гълъ̀мбъ . . . свентъ (свѫ̀тъ), чендо, месенцъ . . .

Носовые гласные сохраняются и въ отдѣльныхъ говорахъ словенскаго языка. Въ этомъ отношеніи замѣчательно особенно такъ называемое хорутанское нарѣчіе.

Всѣ приведенныя данныя указываютъ, что въ праславянскомъ языкѣ были носовые гласные звуки, исчезнувшіе затѣмъ въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ.

Мнѣ кажется, что въ начертаніяхъ юсовъ глаголицы можетъ раскрыться предъ нами характеръ произношенія этихъ буквенныхъ знаковъ.

Между догадками Тейлора и Ягича о происхожденіи этихъ загадочныхъ начертаній, догадки послѣдняго заслуживаютъ большаго довѣрія. Глаголич. ⰱ вполнѣ можетъ быть

объяснено какъ лигатура о + н, при чемъ послѣднее начертаніе въ виду своего уменьшенія какъ 2-й части одного знака, измѣнилось, конечно, въ формѣ; то же ıа = е + н и первоначально этотъ знакъ обозначалъ а и ıа. Затѣмъ уже, когда была внесена извѣстная разница между знаками іотированными и неіотированными — эпоха, какъ извѣстно, позднѣйшая — стали употреблять первоначальный знакъ для іотированнаго, а вторую часть его писавшуюся иногда уже равномѣрно съ первой, для неіотированнаго. Подобнаго не случилось съ ѧ и ѩ потому что разница между ними была рельефнѣе и для этихъ звуковъ съ самаго начала были установлены различныя начертанія.

Важнымъ доказательствомъ у Ягича является и приводимый примѣръ слова анѣлъ (Син. Пс.), гдѣ вмѣсто *н* является 2-я часть начертанія ıа или позднѣйшее а. Характерныя наблюденія, отчасти подтверждающія данное мнѣніе, приводятся у Вондрака — Клоц. Сб. Во 2-й части а даннаго памятника наблюдается начертаніе особенно похожее на глаг. *н* (1 сним., 7 строка, 15 стр. и пр., Вондракъ, 29). Противъ этихъ данныхъ, какъ и противъ отраженія во второй части данныхъ начертаній глагол. *н* возражалъ Облакъ. Такъ относительно закругленій наверху въ указыв. Вондракомъ примѣрахъ Облакъ выражается какъ о происшедшихъ случайно, т. к. закругленія не были свойственны 2-й части начертанія (Arch. 15, рец. на изд. Клоц. Сб.). Конечно, воззреніе Облака существенно, но не надо забывать, что *н* здѣсь являлось какъ добавочная часть, что она т. обр. могла измѣнить нѣсколько свой характеръ, какъ измѣнялась 2-я часть въ *оу*. Кромѣ того, можетъ быть, здѣсь отразилось болѣе первичное начертаніе, взятое изъ греч. графики, гдѣ въ ν также не было вверху округленія. Для подтвержденія мнѣнія ак. Ягича мы могли бы привести съ своей стороны еще слѣдующее. Въ Клоц. Сб. мы наблюдаемъ, что *н* пишется съ предыдущей буквой нѣсколько сливаясь. Это мы замѣчаемъ даже тогда, когда *н* начинаетъ другое слово,

напр.: свѣшта ношахѧ (1 сн. 9 стрк.)
и того не можахѧ (1 сн. 5 стрк.)
и тако его не обрѣтахѧ (ibid., 9 стрк.)

Во 2-хъ послѣднихъ случаяхъ *о + н* является какъ бы первой стадіей въ образованіи ѧ. На это соединеніе очень

похоже ѧ въ Маріинскомъ Ев. — бѫдетъ (2 стр., 8 стрк. литогр. изд.), гдѣ *о* и *н* соединены двумя продольными чертами, какъ и въ указанныхъ сочет. Клоц. Сб. Правда, начертанія эти сравнительно уже позднія, они носятъ характеръ извѣстной случайности, но существованіе ихъ можетъ наталкивать на мысль о подобномъ же въ графич. отношеніи происхожденіи начертаній носовыхъ гласныхъ.

Такимъ образомъ есть нѣкоторыя данныя, на основаніи которыхъ можно придерживаться мнѣнія ак. Ягича о составѣ этихъ начертаній *о* + ν или, можетъ, глагол. *о* + начертаніе глаголич. *н*[1]).

Іотирован. ѩ возбуждалъ и возбуждаетъ своимъ начертаніемъ недоумѣнія ученыхъ. Шафарикъ обращалъ вниманіе на сходство 1-ой части начертанія этой буквы съ глаголич. *с*, но, конечно, подобная аналогія ничего не объясняла. Гейтлеръ въ 1-й части начертанія ѩ видѣлъ албанское *н*, противъ чего совершенно справедливо возражалъ ак. Ягичъ. Самъ Ягичъ въ прилож. къ изд. Маріинск. Ев. замѣчалъ, что эта 1-я часть для него неясна, въ цитированной уже нами статьѣ выразился, что „желательно бы видѣть въ немъ выраженіе звука *іо* или *јо*“. „Хотя я, замѣчаетъ дальше Яг., не умѣю

---

1) Отмѣтимъ здѣсь любопытные взгляды, высказанные относительно возникновенія начертаній кирилловскихъ носовыхъ гласныхъ изъ глаголическихъ. Такъ, напр., совершенно независимо другъ отъ друга Гаферкорнъ (Arch. V), Ходьзко (въ своей грам. ц.-сл. яз.) и Миллеръ Фр. (Arch. 96, 19 стр.) говорятъ, что кирилл. носов. представляютъ перевернутыя начертанія глаголическія. Дѣйствительно, если мы возьмемъ кирилловское начертаніе такое, напр., какое попадается въ надписи Самуила ѧ и измѣнимъ его направленіе, то получится начертаніе, похожее на глаголич. начертаніе носового гласнаго, но только ⍺. Для того же, чтобы изъ глаголич. ѧ получить кирилловское, нужно 1-ю фигуру перевернуть и затѣмъ все же довольно сильно измѣнить. Для насъ важно отмѣтить при сравненіи глагол. и кирилл. носов. гласныхъ, что параллельно одному глаголическому начертанію малаго юса (а позже двумъ начертаніямъ, вышедшимъ изъ одного), въ кирилловскихъ памятникахъ мы видимъ употребленіе разныхъ начертаній и при томъ употребленіе неодинаковое. Здѣсь чувствуетъ какая то на первыхъ порахъ неустановленность. Стоитъ сравнить въ этомъ случаѣ Хилендарскіе Листки и Супрасльскую рукопись, затѣмъ оба памятника эти съ Македонскимъ Листкомъ. Здѣсь, намъ кажется, отчасти происходитъ то же, что и съ іотированнымъ *е*, при употребленіи котораго въ кирилловскихъ памятникахъ иногда въ одномъ и томъ же памятникѣ, мы замѣчаемъ несходство.

удовлетворительно объяснить происхожденіе буквы ѩ, все же не стѣснюсь назвать неосновательнымъ увлеченіемъ относительно первой половины ея рисунка отзывъ автора (т. е. Гейтлера)“ . . . . Намъ кажется, что можно вывести начертаніе глаголич. ѩ изъ лигатуры і + ѧ. Если мы представимъ себѣ і, слитымъ верхушкой съ о, то и получимъ начертаніе очень близкое къ начертанію ѩ.

Переходя къ даннымъ древнѣйшихъ ц.-слав. памятниковъ, я подробнѣе остановлюсь на двухъ глаголическихъ — Кіевск. Листкахъ и Зографскомъ Ев. и двухъ кирилловскихъ — Саввиной книгѣ и Листкахъ Ундольскаго, какъ наиболѣе послѣдовательно употребляющихъ начертанія носовыхъ гласныхъ.

Въ Кіевскихъ Глаг. Листкахъ носовые гласные звуки употребляются вполнѣ правильно — замѣны ихъ другими гласными или смѣшенія мы не отмѣчаемъ. Только два случая возбуждаютъ нѣкоторое недоумѣніе:

1) славоѩ твоеѩ небесьскоуѩ б об. 7–8,
2) рованиіа гі прінесенъиіа і об. 10.

Уже Срезневскій, отмѣчая первый случай, говорилъ, что въ словѣ небесьскоуѩ вмѣсто ѧ стоитъ оу, т. обр. отмѣчена была замѣна носового гласнаго такая же, какая наблюдается и въ другихъ древне-ц.-сл. памятникахъ. Подобное же объясненіе окончанія этого слова приводили и другіе ученые. Въ позднѣйшее время мы находимъ его, напр. у Б. М. Ляпунова, объяснявшаго замѣну здѣсь слабостью носового призвука въ суффиксальныхъ слогахъ (Др. В. Облакъ, СПБ. 96, стр. 14), или у Вондрака (Altk. Gram., стр. 19). Здѣсь скорѣе можно говорить не о замѣнѣ ѧ—оу, а о смѣшеніи о—оу, т. е. небесьскоуѩ стоитъ вмѣсто небесьскоѩ. А это смѣшеніе вполнѣ естественно могло произойти, если мы будемъ помнить близость начертаній этихъ звуковъ. Въ Клоц. Сб., Синайск. Тр. встрѣчаемъ же мы соугобіті, соугобь наряду съ соугоубіші, соугоубь. И въ послѣднихъ случаяхъ скорѣе всего смѣшеніе начертаній, а не вліяніе болгарское, какъ то думаетъ Вондракъ (относит. Клоц. Сб.). Такимъ обр. форма небесьскоуѩ является замѣной здѣсь случайной формы небесьскоѩ, какъ встрѣчающаяся на 5 17–18 форма того же твор. п. — вѣчьноѩ.

Во 2-мъ случаѣ — рованіиа принесенъиа также нельзя говорить о постановкѣ иа вм. ѣ, вм. слѣд. рованіѣ при-

несенаѣ, производя рованиѣ отъ слова дарованиѣ соотвѣтственно латинскому munera. Нельзя — потому что слово это было исковеркано, и пріурочено къ женскому роду, на что ясно указываетъ окончаніе прилагательнаго ъиıа. Въ множест. числѣ отъ им. существ. на ие въ К. Л. вин. п. имѣетъ *ѧ*, напр. обѣщѣниѣ, издрѣшениѣ 2$_{10}$; прилагат. того же падежа имѣютъ аѣ: милостіваѣ 2$_{8}$, рѣснотівьнаѣ 2$_{9}$ и проч. Что носовой призвукъ въ суффиксальныхъ слогахъ въ К. Л. не ослабѣвалъ, могутъ указать многочисленные примѣры памятника съ конечными вполнѣ правильными окончаніями ıа, ѧ и ѩ, напр.: въкоупьнѧѩ 2$_{15}$, прѣдрагъиıа 2$_{6}$, вьсıа 2 об. $_{8}$ 7$_{15}$, твоıеıа 2$_{14}$, 6$_{4-5}$ и пр.

Т. обр. по правильности употребленія носовыхъ гласныхъ К. Л. могутъ считаться первымъ памятникомъ въ сравненіи съ другими др.-ц.-сл. п.

Носовые гласные въ Зогр. Ев. въ нѣсколькихъ случаяхъ замѣняются ѫ — оу, ѧ — е, ѣ, есть нѣсколько примѣровъ смѣшенія носовыхъ.

У Ягича приведены случаи замѣнъ и смѣшенія, но не всѣ. Затѣмъ, такіе случаи, какъ чисти вм. чѧсти, вада — вида, ми — мѧ и нѣск. др. я затруднился бы объяснять, какъ замѣна *и* изъ *е*, а вижу здѣсь описки, объясняемыя часто вліяніемъ послѣдующаго слога (какъ и въ случаяхъ замѣны и—е въ словахъ: хвалите вм. —ти, оусѣце — ци и пр.: вліяніе предыдущаго слога).

Къ замѣченнымъ Яг. примѣрамъ замѣны: оужасише вм. — шѧ Л. 24$_{22}$, етъ вм. ѧтъ I. 8$_{20}$; (или замѣны *е*—ѧ) отѧмлі҃штааго Л. 6$_{30}$, бѧштьдьнъ Л. 20$_{29}$, врѣмѧ своѧ Л. 1$_{20}$, глашѧ I. 10$_{6}$, крьстѧштѧ, оучѧштѧ Мѳ. 28$_{19, 20}$, бъівъшѧ I. 6$_{19}$; (ѫ — оу) градоуштю Л. 9$_{42}$, їноудоу I. 10$_{1}$, отътоудоу Мр. 7$_{24}$, ан'дрѣоу Л. 6$_{14}$,

прибавлю еще слѣдующіе: приıаше I. 4$_{45}$ (вм. шѧ)
їобь. мъ *е*... възлагаıѧ рѫцѣ на не Мр. 10$_{16}$ (къ дѣти)
въ лъже кльнеши Мѳ. 5$_{33}$
моудитъ Мѳ. 24$_{48}$, 25$_{5}$, Л. 12$_{45}$, 1$_{12}$ — мѫдънаа Л. 24$_{25}$
сѣди Мр. 12$_{36}$, Л. 20$_{42}$ — сади Л. 14$_{8, 10}$, Мѳ. 22$_{44}$ (позднѣйш. ч)

(здѣсь очевидно не путемъ фонетическихъ, а подъ вліяніемъ формъ неопредѣл. накл.).

Можно бы привести помѣнѫти (Мѳ. 5_{23}, 26_{75}, 27_{63}, Мр. 11_{21}, Л. $1_{54,72}$, 16_{25}, 22_{61}, І. 2_{17}, 12_{16}), помѧнѫти (Л. 23_{42}, 24_{8}, І. 2_{27}, 14_{26}), можетъ быть, впрочемъ, что это были дублеты; характерно, что въ Ев. отъ Л. и І. уже почти поровну то и другое слово.

Такіе примѣры, какъ невѣстѫ Л. 12_{53} (вм. — а), литостратѫ І. 19_{19} (вм. — а) мнѣ кажутся описками; первый примѣръ подъ вліяніемъ предыдущей такой же формы.

Интересны такіе случаи употребленія носовыхъ:

пѫн'тьскоумоу Мѳ. 27_{2}, Мр. 3_{1}, Л. 3_{1} (въ Мар. Ев.: понтьскоумоу).

Думать, что данный примѣръ свидѣтельствуетъ о потерѣ носового оттѣнка ѫ съ увѣренностью нельзя. Можетъ быть форма Мар. Ев. древнѣйшая и въ Зогр. ѫ получилось впослѣдствіи подъ вліяніемъ пѫть. Хотя съ другой стороны, написаніе З. Ев. пѫнт' съ кавычкой замѣнившей первоначальное ъ какъ бы говоритъ, что данная форма имѣетъ также черты древности. Интересно, что въ Мар. Ев. мы имѣемъ ф. алексѧдровоу Мр. 15_{21}, въ Зогр. — ӑлек'сан'дровоу — послѣдняя, конечно, болѣе древняя.

Формы слова сѫмьнѣние (—емь Л. 17_{20}), оусѫмьнѣ Мѳ. 28_{18} и пр. въ Зогр. Ев. всегда съ ѫ, въ Мар. Ев. чередованіе ѫ и оу.

Къ случаямъ смѣшенія іѧ — іѫ, отмѣченнымъ у Яг.:

водъı вьслѣплѫштѫіѫ І. 4_{14}, вьземлі̂ѫ Л. 19_{22} (прич.), їюдеіѫ І. 11_{33} (род. п.).

прибавлю: лежѫштѫ Мѳ. 8_{14}, иди въ їюдеіѧ І. 7_{3}, гліѫ Л. 18_{2} (прич.), галилеіѧ Л. 23_{5},

[у Щепкина, Разсужд. 82, невѣрно указано: юношѫ: ѫ вм. ѧ Мр. 14_{51}, форма эта правильная, т. к. здѣсь вин. п. единств.; въ Мар. Ев. — ѧ, такимъ обр. ѧ вм. ѫ; слѣдов., можно бы привести изъ послѣдняго памятника, только съ мѣной ѧ—ѫ].

Прежде чѣмъ дѣлать общее заключеніе относительно носовыхъ въ Зогр. Ев., я долженъ остановиться подробно еще на одномъ знакѣ, графически начертаніи ѧ съ добавочной черточкой. Знакъ этотъ принято изображать ѧ. Знакъ этотъ я вывожу не изъ іѧ или ѧ, а считаю измѣненіемъ ѫ, въ чемъ подтверждаетъ примѣръ вараввѫ, гдѣ ѫ также съ до-

бавочной черточкой, являющейся характерной въ начертаніи передаваемомъ кирил. ѧ.

Начертаніе это употребляется только въ окончаніяхъ причастій настоящаго времени отъ нѣкоторыхъ глаголовъ, при чемъ наряду съ этимъ въ тѣхъ же формахъ употребляется и окончаніе ъıи:

градѧи — градъıи	сѧи — съıи
живѧи — живъıи	ѣдѧи — ѣдъıи

ı разъ несѧ — несъı.

Замѣна лишь въ извѣстныхъ случаяхъ показываетъ, мнѣ кажется, что новое начертаніе входило только въ употребленіе, что ф. градъıи и пр. являлись уже традиціонными и не удовлетворяли слухового ощущенія.

Ягичъ, отличая данный знакъ отъ ѧ, говоритъ, что ѧ обозначалъ звукъ, который обозначался въ болгарскихъ памятникахъ позднѣйшихъ черезъ ѫ, т. е. глухой. Но если это такъ, если можно сблизить съ позднѣйшимъ употребленіемъ ѫ, тогда почему неправъ былъ бъı и тотъ, который началъ въ древнѣйшихъ ц.-слав. памятникахъ искать иногда подъ ѫ— глухой? Да и какимъ образомъ мы могли бы объяснить, что писецъ, употреблявшій ѫ въ значеніи носового, могъ воспользоваться этимъ знакомъ для обозначенія глухого, для выраженія котораго онъ имѣлъ болѣе близкія начертанія. Мнѣ кажется, въ этомъ случаѣ Ягича ввело въ заблужденіе внѣшнее сходство.

Рѣшеніе занимающаго насъ вопроса удобнѣе поставить на почву лишь древнѣйшихъ ц.-сл. памятниковъ и разсмотрѣніе этихъ послѣднихъ въ отношеніи даннаго вопроса приводитъ къ слѣдующему.

Въ Мар. Ев. также встрѣчается ѧ, при чемъ отмѣчаются случаи совпаденія съ Зогр. Ев. Случаевъ употребленія, впрочемъ, меньше.

Въ двухъ мѣстахъ, гдѣ въ Зогр. ѧ, въ Мар. ѫ, ı разъ ѧ:

живѫи Іоан. 6_{57}, сѫи İ. 6_{46}, градѧи İ. 12_{13}.

Съ другой стороны въ Мар. есть примѣръ: горѧ İ. 5_{35}, въ Зогр. — ѧ.

Для болѣе точнаго сравненія употребленія ѧ въ Зогр. и Мар. Ев. приведу данныя:

Зогр. Ев.		Мар. Ев.
градѧи 10 разъ	(Мѳ. 11 3, Мр. 11 9, Л. 6 47, 7 19, 20, 19 38, І. 6 14, 35, 11 27, 12 13)	вездѣ градъı и только 1 — градѧи
градъı 4 раза	(І. 1 15, 27, Л. 10 33, Мр. 2 14) [добав. ч. Мѳ. 21 9, 23 38]	І. 12 13
живѧи	І. 6 57	— хи
живъıи	І. 11 26, —ъı Л. 15 13	
сѧı, сѧи	Зр.-Мр. 13 16, І. 1 18, 6 46	
	при чемъ Мр. 13 16	съıи
	І. 1 18	сѧи
	І. 6 46	схи
съıи около 17 р.		то же
ѣдѧи	І. 6 54, 58	І. 6 58 — ѧи
ѣдъı	Мѳ. 11 19 bis Мр. 14 18, Л. 7 33, 34, І. 13 18	— ъı
несѧ	Мр. 14 13, Л. 22 10	носѧ
несъı	І. 19 17, 39	— ъı.

Въ Ассем. Ев., какъ извѣстно (ср. Uvod къ изд. Рачк. XXII) находятся случаи схи, градѫхи, а также —ıѧи; ѧи наход. и въ Син. Требн., Сборн. Кл. Въ Охрид. Ев. сѫхи, градѫхи.

Сравненіе всѣхъ этихъ данныхъ указываетъ на слѣдующее. Въ ближайшихъ оригиналахъ или лучше — въ первоначальномъ общемъ оригиналѣ Зогр. и Мар. Ев. (близость этихъ памятниковъ даетъ полную возможность предположить объ общности ихъ первоначальнаго оригинала, копіи съ котораго можетъ быть служили непосредственными уже оригиналами для Зогр. и Мар. Ев.) былъ значекъ, передаваем. ѧ. Онъ былъ вызванъ необходимостью: въ нѣкоторыхъ причастіяхъ, въ окончаніяхъ, вмѣсто прежняго ъı, ъıи началъ слышаться, подъ вліяніемъ окончаній другихъ причастій, носовой звукъ, изображенный первоначально подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей этихъ причастій черезъ ѫ, и иногда лишь черезъ ѧ (т. е. изъ формъ вліявшихъ причастій). Сознательной реформой этого окончанія и было установленіе разсматриваемаго начертанія, приблизившагося по своей формѣ къ ѧ, къ изображ. звуку котораго онъ былъ также близокъ.

Так. обр. я несогласенъ и съ высказаннымъ мнѣніемъ Ягича въ примѣч. къ тексту Мар. Ев. (стр. 222), что „ѧ пе-

редаетъ глагол. букву ѻЄ, передѣланную въ кирилл. ѯ, такъ что первоначально было градꙗ, потомъ же исправлено въ градѯи". Если бы было первоначально градꙗ, то оно бы такъ и осталось, какъ показываютъ другіе памятники, какъ показываетъ и Мар. Ев., очевидно былъ другой знакъ, который нужно было приблизить къ этому ѧ. Ненужно упускать изъ виду, что данный знакъ употреблялся только въ 2-хъ памятникахъ и то далеко не приведенъ послѣдовательно, так. обр. явствуетъ, что нужды особенной въ немъ не было.

Проф. Ульяновъ (Основы наст., 21—24) высказывалъ ту мысль, что градꙗ, сѧи, живѯи болѣе древни чѣмъ градъıи, живъıи, что это остатки причастій, передававшихъ даже древнѣйшія чередованія ont: ant. Съ этимъ, конечно, невозможно согласиться: въ данномъ мы видимъ явленіе начинающееся, какъ показываетъ исторія изученія памятниковъ, а не остатки. Да и почвы для подтвержденія мысли Ульян. не даетъ ни слав. языки, ни литовскій. Возраженіе Уль., что градꙗ не возникло подъ вліяніемъ пишѧ, т. к. тогда было и въ косвенныхъ падежахъ было бы градіѯшти и пр., говоритъ именно въ нашу пользу: въ косв. падежахъ былъ носовой, слѣдовательно вліяніе не могло уже такъ коснуться, какъ въ именительномъ.

Начертаніемъ ѧ мы передаемъ своеобразное, недописанное начертаніе глаголическое носового. Нужно при этомъ помнить, что въ кирилловскихъ памятникахъ — Супрасльской рукописи и Саввиной книгѣ употребляется данное начертаніе въ качествѣ неіотированнаго юса малаго.

Къ чему же приводитъ разсмотрѣніе употребленія носовыхъ гласныхъ въ Зогр. Ев.? На этотъ вопросъ можно отвѣтить такъ: больше данныхъ зато, что ѯ и ѧ имѣли носовое произношеніе. Слишкомъ мало замѣнъ ѯ—оу, ѧ—е для того, чтобы говорить о дѣйствительной замѣнѣ чистыми гласными; нужно имѣть при томъ въ виду графическую близость глагол. ѯ и оу, фонетическую близость ѧ и *е*, чтобы иной разъ смѣшеніе не оправдать этимъ. Слишкомъ мало также данныхъ для того, чтобы говорить о смѣшеніи іѯ и іѧ (малочисленность примѣровъ въ данномъ случаѣ не позволяетъ говорить о сходствѣ, напр., съ средне-болгар. памятникомъ Болонской Псалтирью, въ которой послѣ *ж*, *ш*, *жд* и нѣк. др. ѧ замѣняется ѯ, при чемъ въ этомъ послѣднемъ памятникѣ послѣ *л* и нѣк. др., ѯ замѣняется ѧ).

Говорю: „больше данныхъ“, такъ какъ, съ другой стороны возможно было бы и предположеніе о строгомъ соблюденіи писцомъ Зогр. Ев. прежней графической системы, тогда отступленія отъ этой послѣдней пріобрѣли бы значеніе отраженія его говора.

Собственно послѣ анализа данныхъ Кіевск. глаг. листковъ мнѣ должно было бы перейти къ даннымъ Саввиной книги, такъ какъ этотъ памятникъ считается по правильности употребленія носовыхъ гласныхъ превосходящимъ остальные евангельскіе тексты. Не сдѣлалъ этого я потому, что не считаю употребленіе носовыхъ здѣсь „чрезвычайно правильнымъ“ (См. спеціальное о Сав. кн. изслѣдованіе Щепкина, 72 и др.): по моему, и здѣсь есть случаи замѣнъ носовыхъ — неносовыми гласными. Спрашивается, напр., почему непремѣнно нѫждѫ — ноудитъ, противѫ — противоу — независимые фонетическіе варіанты, а не замѣна? плюноувъше — плюнѫвъ — разница основъ? вельбѫдѫ (см. оу, дат. п.) — описка? и пр. Этимъ самымъ я не хочу, конечно, сказать, что подобные и нѣкоторые другіе случаи могли бы дать несомнѣнное указаніе на утрату носового характера юсовъ въ этомъ памятникѣ Необходимо здѣсь лишь большая осторожность въ выводахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, досадная неопредѣленность.

Г. Щепкинъ отмѣчаетъ два случая смѣшенія носовыхъ съ фонетическимъ значеніемъ: стоѧщѧ вм. стоѧщѫ и іѫ вм. ѧ.

Но слѣдуя методу объясненія г. Щепкина (замѣна вельбѫдѫ, ѫ вм. оу — подъ вліяніемъ предыдущаго ѫ) можно было бы и въ этихъ случаяхъ видѣть описки (и передъ іѫ находится слово: въврьгѫтъ).

Само разнообразіе буквенныхъ начертаній въ Савв. кн. для обозначенія юса малаго указываетъ на сравнительно болѣе поздній періодъ, чѣмъ, напр., даютъ въ этомъ отношеніи Листки Ундольскаго. Для обозначенія неіотирован. малаго юса въ Савв. кн. употребляются начертанія ѧ, ѧ (разъ ѧ) и іотированнаго — ѧ. Листки Ундольскаго знаютъ только послѣднее начертаніе, т. е. ѧ, въ качествѣ іотированнаго и неіотированнаго. Видѣть въ употребленіи двухъ первыхъ начертаній для неіотир. малаго юса желаніе писавшаго выразить оттѣнки произношенія, какъ дѣлаетъ то Щепкинъ, совсѣмъ не приходится: второе начертаніе — упрощеніе перваго, недаромъ

это упрощенное начертаніе получаетъ распространеніе и въ дальнѣйшемъ (такъ въ Супрасльской рукописи послѣдовательно пишется послѣ согласныхъ).

Въ Листкахъ Ундольскаго мы видимъ правильное употребленіе носовыхъ. Правда, поражаетъ здѣсь отсутствіе ѭ (напр. сиѭ, моѭ и пр.). Затѣмъ — памятникъ этотъ небольшой, онъ меньше Кіевскихъ Листковъ. Но, съ другой стороны, правильность употребленія носовыхъ какъ бы подчеркивается (принимая именно во вниманіе небольшой размѣръ памятника) почти отсутствіемъ ъ (вмѣсто него ѫ).

Въ Мар. Ев. часты замѣны ѫ—оу, и наоборотъ, рѣже ѫ—*о*. Послѣднее часто въ Син. Псалтыри (поть — пѫть и др.), рѣже въ Синайск. Требникѣ. Изрѣдка ѫ—оу въ Супрасльской рукописи (единичны замѣны черезъ *о*), Клоцовомъ Сборникѣ. Случаи замѣны ѧ—е мы находимъ почти во всѣхъ перечисленныхъ памятникахъ въ небольшомъ числѣ. Попадается также смѣшеніе юсовъ. Послѣдняя черта характеризуетъ особенно Ассеманово Ев.

При объясненіи этихъ замѣнъ нужно быть, повторяю, очень осторожнымъ. Укажу для примѣра: случаи замѣнъ ѫ—о въ Мар. Ев. Ягичъ объяснялъ просто описками, Милетичъ видѣлъ въ нихъ отраженіе живыхъ говоровъ.

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, зачѣмъ гласный + носовой звукъ выражался особыми начертаніями, а не прямо: он, ом, ен... На это можно сказать, что въ ѫ и ѧ носовой звукъ былъ болѣе слабый; это былъ лишь призвукъ, благодаря чему получалась возможность его полнаго исчезновенія, при чемъ гласный оставался или подвергался нѣкоторымъ измѣненіямъ. Такъ какъ и здѣсь мы съ полной увѣренностью не можемъ сказать, что — за гласный звукъ былъ въ ѫ и ѧ (могъ звучать, напр., ѫ не только какъ он, ом, но и какъ ъм, ън, ѧ — какъ ьм, ьн и пр.).

Отъ глаголовъ жѧ-тн (жать), дѫ-тн (дуть) 1 л. ед. ч. наст. врем. жьи-ѫ, дъм-ѫ; такимъ образомъ здѣсь видимъ чередованіе двухъ формъ корней жѧ-жьн, дѫ-дъм, при чемъ послѣднія передъ гласными. Если видѣть въ послѣднихъ формахъ первоначальныя, то формы жѧ, дѫ явятся ослабленіемъ благодаря послѣдующей согласной. Такимъ же образомъ ѧ въ племѧ явится ослабленіемъ племен (намъ

понятно станетъ теперь появленіе *и* и въ нашемъ склоненіи подобныхъ словъ).

Итакъ, носовые гласные образовались изъ гласной + *н* въ извѣстномъ положеніи. Нужно, однако, имѣть въ виду, что во многихъ случаяхъ тамъ, гдѣ мы ожидали бы тотъ или иной носовой гласный, нѣтъ этого носового. Случилось это въ силу различныхъ измѣненій. Прежде всего это нужно сказать о концѣ словъ: вин. п. ед. ч. отъ сынъ мы ожидали бы сынън, ноштьн и пр. (ср. литов. sūnų = sunun, naktį = in), аор. везън и пр. Въ древне-церк.-слав. нарѣчіи мы наблюдаемъ тотъ законъ, что слово могло оканчиваться только на гласные звуки. Слѣдовательно, на концѣ словъ особенно могла бы быть возможность перехода въ носовые гласные и если этого не случилось, то, вѣроятно, въ силу ослабленія и затѣмъ исчезновенія носового элемента.

IX.

О звукѣ *ѣ*.

Древне-ц.-слав. *ѣ* является звукомъ нѣсколько загадочнымъ по своей физіологической основѣ. Для раскрытія его прежде всего, конечно, приходится обращаться къ даннымъ другихъ языковъ. Сравнивая слова съ *ѣ* въ словахъ съ сохранившимися родственными корнями другихъ языковъ, неславянскихъ, мы видимъ, что *ѣ* соотвѣтствуетъ съ одной стороны монофтонгамъ, съ другой — дифтонгамъ. Затѣмъ, въ данныхъ современныхъ славянскихъ нарѣчій мы находимъ опять таки монофтонги и дифтонги.

Такимъ образомъ:

ѣ изъ долгаго e: дѣти — лит. dėti — гр. τιθημι — гот. gadēts; сѣмя — лит. sėju — гр. ἵημι (изъ σισημι) — лат. sēmen;

изъ дифтонг. oi, ei, ai, āi: бѣсъ — лит. baisus; цѣна — лит. kaina — гр. ποινή — лат. poena; лѣвъ гр. λαίος — лат. laevus.

Мы унаслѣдовали *ѣ*, но произношеніе нашего литературнаго языка *ѣ* не отличается отъ *е*; въ народныхъ же русскихъ говорахъ, вмѣсто ѣ, мы видимъ звуки *е*, *и*, *я*, *йе*, *ие* (напр., белъ, симяной, гняздо, хлйебъ, хлиебъ и пр.).

Въ говорахъ болгарскаго языка мы видимъ вмѣсто *ѣ*—*е*, *я* и звукъ какъ бы ᵉа; въ сербо-хорват.: *ије*, *је*, *е*, *и*; въ словенск.: е, ej, је, ı; чешск.: ıе, é, í, ě, е; польск. ⁱа, ⁱе.

Оказывается, так. обр., что разнообразіе рефлексовъ *ѣ* въ славянскихъ нарѣчіяхъ и данныя другихъ родственныхъ языковъ не могутъ вполнѣ раскрыть намъ физіологическую основу древн.-ц.-слав. *ѣ*. Даже въ вопросѣ о томъ, что за звукъ былъ *ѣ* въ праславянскую эпоху, это разнообразіе приводитъ къ двумъ противорѣчивымъ взглядамъ: о монофтонгичности или дифтонгичности этого звука (подробнѣе ср. въ статьѣ проф. Ляпунова: Лингвистическія замѣтки. Варш. 1906 г. 6—12).

Если обратимся къ др.-ц.-слав. памятникамъ, то увидимъ, что въ глаголическихъ и кирилловскихъ памятникахъ этотъ звукъ, очевидно, не всегда могъ быть признанъ тожественнымъ. Во всѣхъ глаголическихъ и нѣкоторыхъ кирилловскихъ мы не имѣемъ особаго начертанія для ⱑ (іотиров. *а*), а для обозначенія этого звука, какъ и для обозначенія звука, передаваемаго *ѣ*, употреблялось одно лишь начертаніе ⱑ. Это можетъ говорить о томъ, что *ѣ* — глаголическое произносилось, какъ ıа или очень близко къ послѣднему звуку.

Въ нѣкоторыхъ болгарскихъ памятникахъ позднѣйшихъ мы видимъ безразличное употребленіе *ѣ* и ⱑ (Паремейникъ Григоровича XII—XIII в.). Въ древнѣйшихъ кирил. памятникахъ мы видимъ различіе *ѣ* и ⱑ, особенно это въ Супрасльской рукописи, хотя и въ послѣдней, какъ и въ Саввиной книгѣ находятся случаи употребленія *ѣ*, гдѣ мы ожидали бы ⱑ (волѣ, кораблѣ, огнѣ и пр.).

Довольно убѣдительныя данныя за произношеніе буквы *ѣ*, какъ *ä* (ᵉä), приводитъ, напр., Милетичъ въ своей рецензіи на изслѣдованіе Маріинск. Ев. Ягича (Пер. Сп. XIX—XX, 248). Облакъ въ своихъ Macedon. Studien приводитъ образцы подобнаго произношенія этого звука въ Сухо и сѣверо-вост. отъ Солоникъ деревняхъ. По наблюденіямъ Облака въ сочетаніяхъ *ча*, *жа*, *ша*, *ла* вмѣсто *а* слышится звукъ ä, т. е. произн. *ѣ*. Такимъ образомъ можно провести аналогію между современными болгарскими говорами и данными древн.-ц.-слав. памятниковъ. Предполагаютъ, что эта черта была прежде свойственна болѣе широкому раіону болгарскихъ говоровъ (Милетичъ, Arch. XVII, 581—2, П. Сп. XIX—XX, 248). На дифтонгическое произношеніе даннаго начертанія указываетъ

извѣстный грамматикъ Константинъ Констенцкій. Онъ сравнивалъ произношеніе этого звука въ такихъ словахъ, какъ κρεας, передавая его черезъ к р ѣ с ъ и пр. (ак. Ягичъ Разсужд. ц.-сл. стар., 403, прим. 2, 3, 4; 493—4). По Ягичу (Die Umlauterscheinungen . . . . Arch. VI, 75) данное начертаніе, первоначально обозначая одинъ звукъ (а не два — е, я), произносилось, какъ é. Ягичъ не согласенъ съ Миклошичемъ, стоявшимъ за произношеніе *ѣ* какъ *я*. Ак. Ягичъ замѣчаетъ, что послѣдній звукъ скорѣе всего выразили бы черезъ *а*, какъ *је*, *ји* передавали черезъ *е*, *и*. Нельзя не согласиться съ Миклошичемъ и Ягичемъ въ томъ, что данное начертаніе должно было обозначать одинъ звукъ, а не два. Вопросъ только, каковъ былъ этотъ звукъ. Нельзя согласиться съ доказательствами Ягича, что если бы это былъ звукъ *я*, то его передавали ли бы черезъ *а*: вѣдь и такіе близкіе звуки, какъ *у* и *ю*, имѣли, вѣдь, различныя начертанія. Это, можетъ быть, былъ звукъ и не *я*, но все же близкій къ *а*.

Если обратимся къ палеографическому анализу начертаній глаголическаго и кирилловскаго *ѣ*, то этотъ анализъ пока въ сущности ничего не можетъ дать. Относительно начертанія глаголическаго *ѣ* ак. Ягичъ замѣчаетъ: „мнѣ хотѣлось бы скорѣе и въ этомъ загадочномъ треугольникѣ найти монографическое начертаніе какого-ниб. сочетанія двухъ знаковъ, напр. еа, но — non liquet“ (164). Какъ бы отвѣчая на это пожеланіе, проф. Бѣляевъ выводитъ это начертаніе именно изъ соединенія *еа*, но пріемы его въ этомъ случаѣ не убѣдительны. Вондракъ выводитъ изъ aleph самаритянскаго, но и форма послѣдняго не подходитъ къ глаголическому.

X.

О различныхъ начертаніяхъ для И и Ъ.

Для *и* употреблялось двоякое (и, і) и троякое (особенно въ глаголицѣ) начертаніе. Трудно вывести орѳографическія правила употребленія различныхъ начертаній *и*, можно лишь сказать, что употребленіе это было не таково, какъ теперь у насъ (у насъ искусственно установлены правила извѣстнымъ грамматикомъ XVII ст. Мелетіемъ Смотрицкимъ). Въ др.-ц.-сл. рукописяхъ сплошь и рядомъ такія соединенія: — и е, и ѣ,

иѧ, иі и пр., только избѣгали ставить два одинаковыхъ начертанія, какъ ии, іі.

Нѣкоторый свѣтъ на первоначальныя причины созданія различныхъ начертаній для звука *и*, мнѣ кажется, могутъ отчасти пролить древнѣйшіе глаголическіе памятники.

Такъ въ Кіевскихъ листкахъ мы находимъ:

1) Союзъ постоянно пишется і (одно исключеніе 5 об.$_4$ — *і*).

2) То же начертаніе господствуетъ въ іже (8 р.; і р. — *і*) и въ косвенныхъ падежахъ этого мѣстоименія и мѣст. *и* (7 разъ; і р. і).

Подъ вліяніемъ этихъ косвенныхъ падежей можетъ быть объясняются и написанія: нашіхъ, твоіхъ и пр.

3) Въ началѣ другихъ словъ господство *и* (8 разъ *и*; і разъ — *і*; 2 раза і).

4) Сочетаніе двухъ *и* выражается черезъ иі, иі, іі.

5) Послѣ гласныхъ не пишется *и*.

6) Преобладаетъ употребленіе *і*.

7) Очень рѣдкое употребл. на концѣ слова начертанія — *и*.

Что указанныя наблюденія имѣютъ значеніе, на это намъ указываютъ другіе древн. глаголическіе памятники.

Въ Зографскомъ Ев. союзъ, какъ и въ К. Л., изображается і; съ і начинаются въ этомъ памятникѣ слова (начин. этой буквой) и затѣмъ это начертаніе употребляется послѣ гласныхъ въ срединѣ слова. Любопытно, что если послѣ союза і слѣдуетъ слово начинающееся съ зв. *и*, то послѣднее уже не пишется і, а *и*: і исцѣлиѧ (Матѳ. 13$_{15}$) і избѧдетъ ibid.$_{12}$. Это отражается и на мѣстоименіи іже, которое писалось т. обр. не всегда послѣдовательно. Сочетаніе двухъ *и* выражается черезъ *ии*: людіі (Матѳ. 1$_4$, 13$_{15}$ камениіхъ, ibid. 13$_5$, Ср. ibid. 12$_{12}$, 8$_{30}$, 7$_{15}$ и др.).

Въ Маріинскомъ Ев. союзъ въ большинствѣ также выражается і, но очень часто замѣняется *и*. То же можно сказать о *и* начинающеемъ слово. Какъ замѣтилъ уже ак. Ягичъ, *і* „пишется главнымъ образомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ (т. е. союзъ) соединяетъ цѣлыя предложенія или части ихъ“ (Мар. Ев. 420). Дѣйствительно, при чтеніи памятника можно вынести такое заключеніе. При томъ, мнѣ кажется, что постановка этого начертанія и замѣна его другимъ вовсе не зависѣла отъ желанія писца провести какую либо разницу въ смыслѣ, способствовать синтаксическимъ цѣлямъ. Происходило это совершенно въ силу неразличенія

этихъ знаковъ. Подлинникъ, находившійся передъ писцомъ могъ имѣть въ употребленіи і еще большее сходство съ Зогр. Ев., чѣмъ то теперь находимъ въ Маріин. Ев. Переписывавшій его писецъ, естественно, послѣ точки скорѣе могъ удерживать правописаніе подлинника, чѣмъ идя вглубь.

Всѣ эти данныя приводятъ прежде всего къ заключенію, что въ первоначальной графикѣ для союза *и* и мѣстоименія *и*, въ мѣстоименіи иже — употреблялось начертаніе і. Подтверждаетъ это та послѣдовательность въ употребленіи означеннаго начертанія въ этихъ случаяхъ во всѣхъ почти упомянутыхъ памятникахъ. Нельзя того же сказать объ употребленіи даннаго начертанія въ словахъ, начинающихся съ *и*. Здѣсь памятники уже болѣе расходятся. Можно предположить, что въ первоначальной графикѣ данное начертаніе и было только установлено для союза и мѣстоименія *и*. Затѣмъ, было естественно, что начертаніе это примѣнялось такъ же послѣдовательно при мѣстоименіи иже. При sriptio continua разграниченіе подобнаго *и*-союза и мѣстоименія отъ другихъ словъ являлось особенной необходимостью, и т. обр. начертаніе иное вызывалось чисто практическими нуждами (напр., чтобы отличить въ подобн. написаніяхъ: рабъі, будетъ ли рабъ *и* т. е. имен. пад. и союзъ или одна форма рабъі съ ъі). И потому мы видимъ такое послѣдовательное употребленіе этого знака въ Кіевск. Листк. Если въ другихъ памятникахъ мы видимъ поступательное движеніе этого начертанія — обозначенія имъ начальнаго *и* въ словахъ, то это также обусловливалось отчасти практическими удобствами, вызванными измѣненіями въ орѳографіи: когда исчезали знаки придыханія, трудно было отличить иногда слово начинавшееся съ гласной. Трудно его было отличить и тогда, когда обозначалась знаками придыханія гласная послѣ гласной, а затѣмъ въ написаніи этого начертанія могла сыграть особенную роль, конечно, и аналогія. При выставленномъ нами предположеніи легко объяснить и графическое происхожденіе этого начертанія, какъ измѣненіе болѣе первоначальнаго *і*. Твердо заложенное въ основѣ правило и было причиной того, что впослѣдствіи иногда смѣшивались не эти столь близкіе по происхожденію начертанія, а напр. *і* и *и*.

Въ древнѣйшихъ кирилл. памятникахъ наблюдается употребленіе также троякаго начертанія *и*, но такого отзвука сознательнаго отношенія къ употребленію различныхъ начерта

ній *и*, какъ въ нѣк. глагол., мы открыть не можемъ: здѣсь особенно чувствуется совершенное излишество этихъ начертаній.

Говоря о различныхъ начертаніяхъ *и* и высказывая догадку о причинахъ ихъ употребленія, мы приблизились и къ вопросу о ъі (ср. ранѣе приведенный примѣръ рабъі).

Для выраженія нашего монофтонга въ Кіевск. Листк. мы видимъ начертаніе ъи, напр. нъи, тъи, слоужбъи, бъити, и пр. Для выраженія нашего дифтонгическаго ый употреблено ъі, напр. вьсемогъі, вѣчьнъі, принесенъі. Оба написанія проведены съ замѣчательной послѣдовательностью, такъ что изъ многочисленныхъ примѣровъ употребленія того и другого знака можно привести лишь одну ошибку на л. 7 — принесенъи и на 2-мъ л. вьсемогъіі, отмѣтимъ, однако, что это слово въ другихъ мѣстахъ пишется съ ъі.

Какъ произносилось окончаніе въ вѣчьнъі и пр. можетъ указывать, по нашему мнѣнію, такой характерный примѣръ уклоняющагося написанія отъ приведенныхъ — вьсемогъіі. Здѣсь писецъ по ошибкѣ поставилъ начертаніе ъи и замѣтивъ свою ошибку поправилъ ее прибавкой лишняго *і*.

Такой послѣдовательности въ употребленіи данныхъ соединенныхъ знаковъ въ другихъ древнѣйшихъ глаголическихъ памятникахъ мы не находимъ. Нѣтъ также полнаго сходства въ соединеніи *ъ* съ разными начертаніями звука *и*.

Въ Зографскомъ Ев. въ знач. ъи К. Л. употребляется ъі, а въ значеніи ъі — К. Л. — ъі, замѣняемое, впрочемъ и ъи. Начертаніе ъи отмѣчается и въ косвенныхъ падежахъ прил., напр., малыхъ, мрътвыхъ и пр. Съ Зографск. не совсѣмъ сходится Маріинское Ев.: въ немъ не употребляется ъі, а ъі (изрѣдка вм. послѣд. ъіи). Въ Ассеманов. Ев. ъі и ъи употребляются смѣшанно. Въ Син. Тр. и Син. Пс. для обозначенія монофтонга ъі иногда, если не ошибки у Гейтлера, ъи, ъі. Въ Псалтыри для выраженія дифтонгическаго звука отмѣчаемъ иногда ъи. Въ Клоц. Сб. за немногими исключеніями для монофт. звука — ъі (і съ точкой и безъ точки я употребляю, въ соотвѣтствіи съ приведеннымъ ранѣе, на стр. 11, обозначеніемъ) [1]).

1) Безъ точки і соотвѣтствуетъ тому особому начертанію *и*, которое установлено ак. Ягичемъ. Этого ненужно забывать, когда мы переходимъ къ сравненію съ кирилл. текстами: тамъ і соотвѣтствуетъ обыкновенному і, писавшемуся безъ точки начертаніе же это писавшееся съ точками — ї — явленіе позднѣйшее.

Въ Хиландарск. Л. для нашего монофтонга — ъı, дифтонга — ъи. Въ Листк. Ундольскаго отмѣчается лишь ъı, при чемъ разъ даже ы. Въ Савв. кн. почти всегда ъı.

Вопросъ въ томъ, какъ произносились разныя эти начертанія? Одни изъ нихъ соотвѣтствующія нашему дифтонгическому звуку несомнѣнно обозначали двойной звукъ. Повидимому и начертанія, соотвѣтствующія нашему монофтонгу, должны были бы быть не монофтонгами (если, именно, судить по начертаніямъ, такъ какъ ъı — двойная буква). Если и въ произношеніи нашего ъı открываютъ въ настоящее время дифтонгическій характеръ (Проф. Томсонъ, Рус. Ф. В. 1904 г., № 2), то весьма вѣроятно этотъ характеръ былъ болѣе силенъ въ произношеніи древн.-ц.-слав. ъı. Во всякомъ случаѣ, конечно, трудно думать о тожествѣ нашего и др.-ц.-слав. звука въ данномъ случаѣ. Нужно помнить также, что звукъ ъı не существуетъ теперь въ южно-славянскихъ нарѣчіяхъ, а имѣется лишь въ русскомъ и польскомъ.

XI.

Начертанія **о**; йотація; о соотвѣтствіи гласныхъ и согласныхъ звуковъ др.-ц.-сл. языка гласн. и согл. другихъ индо-евр. языковъ.

Для *о* имѣлись два начертанія: *о* и ѡ, при чемъ второе, совершенно ненужное и употреблявшееся лишь изъ подражанія греческому алфавиту.

Употребленіе этого начертанія развивалось особенно въ позднѣйшее время, въ древнѣйшихъ рукописяхъ омега встрѣчается сравнительно рѣдко. Такъ, напр., въ Маріинск. Ев. омега ставится особенно при восклицаніяхъ (Ср. Ягичъ, 422), при чемъ употребленіе этого начертанія рѣдко въ первонач. текстѣ памятника (Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ о (омикронъ) исправленъ на о м е г у въ позднѣйшее время, ср. Ягичъ, (Приложеніе, ibid.).

По образцу греческаго ου составлено въ глаголицѣ и кириллицѣ оу. Въ нѣкоторыхъ глаг. памятникахъ мы видимъ, что начертаніе оу состоитъ какъ бы изъ двухъ *о*, но данныя большинства древнѣйшихъ глаголическихъ памятниковъ указываютъ, что двѣ составныя части начертанія гла-

голическаго оу были неодинаковы, что они были довольно близки по начертанію и потому возможна была ихъ ассимиляція. Считать двойное *о* первоначальнымъ изображеніемъ для оу и опираться въ этомъ случаѣ особенно лишь на нѣкоторыхъ данныхъ нельзя.

Вторая часть начертанія оу так. обр. и въ глаголицѣ и въ кириллицѣ составляла передѣлку ꙋ. Но наряду съ этимъ особенно въ кириллицѣ послѣдняя буква дала основу и для буквы въ сущности совершенно ненужной, так. назыв. ижицѣ, замѣнявшей иногда *и*, иногда оу и *в*.

Хотя мы теперь и пишемъ: его, ему, моего, есть и пр., но произносимъ: йего, йему . . . ., т. е. съ призвукомъ йота. Собственно, для йота (или іота) мы не имѣемъ особаго начертанія (какъ въ латинск. азбукѣ j), й — употреблено нами только условно, такъ какъ й и звукъ j различны: й возникаетъ изъ и, сдѣлавшагося краткимъ по произношенію (изъ краи — край), а j звукъ согласный.

Въ кириллицѣ для обозначенія такъ называемыхъ йотированныхъ гласныхъ употреблялись: ѩ, іе, ѭ, іѧ, такимъ образомъ: іесмь, іѧзыкъ, ѩсти (= рус. ѣсть). Въ глаголицѣ не было подобныхъ сочетаній.

Йотація дѣло несомнѣнно не первоначальнаго періода др.-ц.-слав. письменности. На это указываетъ не только отсутствіе ея въ глаголицѣ, но и непослѣдовательность въ проведеніи йотаціи въ древнѣйшихъ кирилловскихъ памятникахъ, при чемъ и въ нѣкоторыхъ изъ кирилл. памятниковъ йотаціи нѣтъ. Такъ, напр., Листки Ундольскаго не знаютъ йотиров. гласныхъ, йотир. *е* сравнительно рѣдко въ кирилл. памятникахъ (довольно послѣдовательно она употребляется въ Супрасльск. рук., Остром. Ев., хотя и здѣсь употребл. нейотир. *е*). Эта йотація проводится не всегда послѣдовательно и въ серединѣ словъ при стеченіи гласныхъ.

Трудно сказать здѣсь съ опредѣленностью, соотвѣтствовало ли вполнѣ отсутствіе йотаціи первоначально даннымъ языка или это было, какъ и у насъ, несовершенство графики, исправленное позже. Во всякомъ случаѣ я не рѣшился бы, вслѣдъ за проф. Лескинымъ и др., повторить (см. § 18 его грамматики), что *е* въ др.-ц.-сл. не могло стоять въ началѣ безъ йота. Можно только замѣтить, что вообще въ др.-ц.-слав. памятникахъ мы замѣчаемъ какое-то колебаніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ по отношенію къ йотаціи, даже въ такихъ

случаяхъ, какъ напр. оутро — ютро, оуже — юже, авити — ꙗвити — ѣвити, агньць — ѣгньць — ꙗгньць (ср. лат. agnus).

Мнѣ приходилось уже отчасти касаться соотвѣтствій нѣкоторыхъ гласныхъ звуковъ др.-ц.-сл. языка гласнымъ индоевропейскихъ языковъ. Я уже говорилъ также, что на основаніи сличенія сохранившихся родственныхъ корней строятъ общеарійскія формы, звуки. Здѣсь въ сущности дѣйствуетъ отвлеченіе и чѣмъ болѣе фактовъ, наблюденій, тѣмъ это отвлеченіе можетъ болѣе претендовать на нѣкоторую хотя убѣдительность.

Ранѣе исходя главн. обр. изъ данныхъ санскрита, ученые говорили о первоначальности лишь гласныхъ *a*, *и*, *у*, изъ этихъ гласныхъ выводили остальные; теперь же не только *о* и *е* считаютъ также первоначальными, но выдвигаютъ существованіе и иныхъ еще гласныхъ: слогообразующихъ $\underset{\circ}{r}$ и $\underset{\circ}{l}$, звука нѣсколько неяснаго (ирраціональный), обозначаемаго перевернутымъ е: ɘ, особаго рода å, å, кромѣ того устанавливаются извѣстнаго рода комбинаціи дифтонгическихъ сочетаній съ ī, ĭ, ū, ŭ.

Вотъ краткая схема соотвѣтствій гласныхъ др.-ц.-сл. языка съ гласными другихъ индо-европ. языковъ и предполагаемыми первоначальными гласными обще-индо-европейскаго языка.

Др.-ц.-слав. *а* изъ первонач. *ā, ō, å: матер — лат. māter, гр. μήτηρ (= μᾰ́τηρ), санскр. mātā, лит. mótė; дати, лит. dúti, лат. donum, гр. δῶρον.

Др.-ц.-слав. *о* изъ *o, a, å: домъ — лат. domus, гр. δόμος; осмь — лат. octo, гр. ὄκτω; овьца — лит. avis, лат. ovis, гр. οἶς, санскр. avis.

Др.-ц.-сл. *е* изъ *e: берѫ — φέρω — fero; небес — νεφεσος.

„ и, і „ *ī: живъ — лат. vivus, лит. gývas, санскр. jīvas.

„ ъі „ *ŭ: бъіти — лит. buti; дъімъ — скр. dhūmas, гр. θυμός, лат. fumus.

„ оу „ *au, eu, ou: соухъ — лит. sausas, оухо лит. ausis, латинск. auris; плоути — πλέϝω; лоучь ср. λευκός; строуи — ср. ῥεῦμα.

О соотвѣтствіяхъ другихъ гласныхъ я уже упоминалъ ранѣе. Какъ и въ другихъ индо-европ. языкахъ въ родственныхъ словахъ мы видимъ чередованіе гласныхъ (напр., λέγω — λόγος; tego — toga и пр.), то же наблюдаемъ и въ древн.-ц.-сл. (а также и другихъ слав. язык.). Вотъ также краткая схема измѣненій гласныхъ въ корняхъ: *е*—*о*: нести — носити, ведѫ — водити; *ъ*—*е*: пърати — перѫ; ѧ—ѫ: трѧсѫ — трѫсъ; *ѣ*—*ы*: дъмѫ — надъымати; *ѣ*—*у*: бъдѣти — боудити; *ъ*—*и*—*ой*: пыѭ — пити — напои. Трудно опредѣлить причины чередованія гласныхъ или, какъ раньше выражались, усиленія или удлиненія гласныхъ. Можетъ быть здѣсь играли роль ударяемость или неударяемость даннаго или послѣдующаго слога, количество слоговъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ измѣненіемъ корня придается новый оттѣнокъ значенію: бърати — бирати, зъвати — зъывати.

Согласные звуки др.-ц.-сл., какъ и вообще слав. языковъ, находятъ себѣ болѣе соотвѣтствій въ подобныхъ же согласныхъ другихъ индо европ. языковъ. Такъ:

*п*лоути — лит. plouti — гр. πλέω
*д*аръ — лат. donum — гр. δῶρον
*т*ы — лат. tu — санскр. tvam — лит. tavas
матер — лат. mater — гр. μητηρ и пр.

Правда и здѣсь это соотвѣтствіе далеко не во всѣхъ случаяхъ, не говоря уже о такихъ случаяхъ, какъ: берѫ — санскр. bharami, гр. φέρω, лат. fero и пр., слав. *с* соотвѣтствуетъ не только *с* другихъ языковъ (напр., седмь — санскр. sapta, лат. septem и пр.), но и *к*: десѧть — δέκα, санскр. ç — daçam, слав. *з* соотвѣтствуетъ звукамъ *g* или *h*, напр.: знать: γιγνωσκω, gnosko, зима — χειμών, hiems и пр.

Я не касаюсь подробнѣе данныхъ вопросовъ, такъ какъ считаю, что подробный анализъ подобныхъ переходовъ и установленіе обще-славянскихъ и обще-индо-европейскихъ звуковъ не дѣло даннаго курса.

XII.

Звуки **з**, **дз**, **ѣ**, **ѳ**, **щ**; о произношеніи вообще звуковъ др.-ц.-сл. азбукъ.

Кромѣ *з*, было еще особое начертаніе для звука близкаго къ *з*, но звучавшаго, какъ дз (такъ наз. зѣло). Этотъ

звукъ являлся тамъ, гдѣ первоначально было *г* (напр., мъnosи изъ мъног —, кънѧsь изъ кънѧг — и пр.). И теперь въ нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ слышно произношеніе дзвѣзда = рус. звѣзда и пр.

Въ древнѣйшихъ ц.-сл. памятникахъ мы не находимъ уже послѣдовательнаго употребленія зѣла, онъ или смѣшивается съ *з* или исчезаетъ даже въ значеніи выраженія звука, оставаясь лишь какъ выраженіе числа (для обозначенія въ глаголицѣ: 8, въ кирил.: 6).

Остановлюсь на двухъ памятникахъ, гдѣ особенно проявляется употребленіе зѣла, на Зогр. и Мар. Евангеліяхъ.

Зѣло употребляется въ Зогр. гораздо рѣже, чѣмъ въ Мар. Замѣчательной послѣдовательностью въ употребленіи зѣла отличается позднѣйшая часть Зогр. Ев. Здѣсь сохраняется древнѣйшая черта оригиналовъ, находившая, вѣроятно, соотвѣтствіе въ говорѣ писца. Что до говора писца Зогр. Ев. и также Мар., то можно думать, что зѣло являлось уже традиціей. Правда, Мар. Ев. очень часто употребляетъ зѣло, но замѣна его въ нѣкоторыхъ случаяхъ *з* можетъ говорить, что въ употребленіи зѣла удержалась традиція, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ. Т. обр. я расхожусь здѣсь съ мнѣніемъ Ягича (Мар., 420) видящимъ здѣсь отраженіе говора писца, а позднѣйшая часть Зогр. Ев. заставляетъ меня придерживаться мнѣнія противоположнаго высказаннаго Облакомъ объ исключительно графическомъ употребленіи зѣла (Arch. XVIII).

Для иллюстраціи выведенныхъ наблюденій возьмемъ примѣры:

	Зогр. Ев.	Мар. Ев.
м(ъ)нози	Мѳ. 7_{13}, 8_{1}, 9_{10}, $13_{2, 17}$, Мр. 2_{2}, 5_{9}, 6_{31}, 9_{26}, 10_{48}, 11_{8}, Л. 1_{1}, 8_{30} и т. д.	— sи
— sи	Мѳ. 8_{11}, Мр. 10_{31}, 12_{37}, Л. 1_{14}, 6_{60}	sи
sи — позднѣйш. ч.	Мѳ. $19_{2, 30}$, 20_{16}, 22_{14}, $24_{5, 11}$, 24_{10}	24_{10} зи
— sи	Мѳ. 15_{30}, Л. 5_{15}, І. 11_{19}	— зи
— зи	Мр. 9_{26}, 6_{2}, 13_{6}, Л. 7_{47}, І. 10_{20}	— зи

то же въ другихъ формахъ, напр. *з* въ мнозѣхъ Мѳ. 25_{19}, 10_{31} въ Зогр. и Мар. Ев., —ѣ Мѳ. 26_{9}, хотя наряду съ этимъ въ Мар. часто Зогр.: Л. 12_{7}, 2_{36}, 10_{41}, 16_{10} и пр.

Очень характерно мѣсто въ Л. 16_{10}, гдѣ въ Зогр. и Мар. мы видимъ слѣд.:

Зогр. Ев.	Мар. Ев.
вѣрнъı въ малѣ. ї въ мнозѣ	мнозѣ
вѣрьнъ ѣсмъ. ї невѣрьнъı въ малѣ. ї въ мнозѣ	мнозѣ.

Затѣмъ:

польза — а	Мр. 8_{36}, І. 12_{19}, Л. 9_{25}, І. 6_{63}	— s
польза	Мр. 5_{25}	— з
— sa	Мѳ. 16_{26} (поздн.)	— s
пользевалъ	Мр. 7_{11}, Мѳ. 15_{5}	— s
къназь	Л. 18_{8}, 8_{41}, 24_{20}, І. 3, 12_{13}, 16_{11}, 7_{26}, Мѳ. 9_{34}, 12_{24}, Мр. 6_{21}	— s
къnasь	І. 14_{30}	— s
„	Мѳ. 20_{25} (поздн. ч.)	— з
къназь	Л. 8_{41}, 15_{28}, 11_{15}, 23_{13}, І. 12_{42}, Мр. 3_{22}	— з.

3 раза употребл. слово sвѣзда имѣетъ въ Зогр. Ев. s Л. 21_{25}, Мр. 13_{25}, Мѳ. 24_{29}, между тѣмъ какъ въ Мар. въ двухъ послѣднихъ случаяхъ з. Зато само слово зѣло въ Зогр. 4 раза съ з Мѳ. 27_{14}, 26_{32}, 23_{8}, Л. 18_{38} (въ остальныхъ случаяхъ s Мѳ. 7_{27}, 4_{8}, 8_{28}, Мр. 1_{35}, 6_{51}, 9_{3}, $16_{2,4}$, Л. 23_{8} и въ поздн. часто Мѳ. 19_{25}, 18_{31}, 17_{23}), въ Мар. вездѣ s. Съта sати только въ поздн. ч. Мѳ. 18_{23} имѣетъ s, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ (12 р.) *з* (въ Маріинск. 5 разъ з — Мр. 8_{11}, 9_{10}, 9_{14}, Мѳ. 25_{19}, Л. 4_{36}; остальн. s).

Зогр. Ев.		Мар. Ев.
растръза	Мѳ. 26_{65}, Л. 8_{29}	— s
„	Мр. 14_{63}	— з
пѣназь	Мр. 6_{37}, 14_{5}, І. 6_{7}, 12_{5}	— s
	Л. 10_{35}, 20_{24}, 12_{6}, І. 2_{15}	— s
пѣnasъ	Мѳ. 22_{19} (добав.)	— з
пѣназъ	Мр. 12_{15}	— з

Въ глаголическихъ памятникахъ мы имѣемъ особую букву, соотвѣтствія которой нѣтъ въ кирилловскихъ, это такъ назыв. дервь (см. на таблицѣ начертаніе перед. *dj*: начертаніе это должно быть нѣсколько не такъ закруглено, особенно въ нижней половинѣ; съ теченіемъ времени начер-

таніе дервя сильно измѣняется и дѣлается похожимъ на букву *и* только съ закругленнымъ верхомъ въ заканчивающей части).

Начертаніе это ак. Ягичъ выводитъ изъ сочетанія греч. нач. γ + ι.

Вондракъ стремится вывести изъ самаритянскаго jud'a. Самаритянское начертаніе jud'a представляетъ нѣсколько измѣненное финикійское начертаніе jod'a, а на сходство съ послѣднимъ глаголическаго дервя указывалъ еще Шафарикъ. Вондракъ стремится доказать, что знакъ этотъ первоначально звучалъ тоже, какъ jod. Но имѣя въ виду тѣ данныя, которыя мы извлекаемъ изъ древнѣйш. глагол. памятниковъ, мы, конечно, никогда не скажемъ, что начертаніе дервя обозначало звуки j. На это обращаетъ вниманіе самъ Вондракъ, пользуясь примѣрами изъ Зогр. Ев.

Если и въ греческомъ γ передъ ε, ι, какъ стремится доказать Вондракъ, звучало, какъ j, тогда для объясненія возникновенія этого глаголическаго начертанія можно воспользоваться и мнѣніемъ ак. Ягича. Доказательства, что начертаніе это звучало, какъ j, основываетъ Вондракъ главнымъ образомъ на попавшемся въ Дечанскомъ Ев. словѣ игета (передав. греч. слово іота) и на мѣстѣ данной буквы въ азбукѣ. Но слово игета врядъ ли можетъ повести къ такимъ заключеніямъ: зачѣмъ было славянину, если онъ вѣрно передавалъ слово это писать вмѣсто иета. Да если въ этомъ случаѣ и согласиться, что г = j, то трудно основываться на одномъ примѣрѣ. Порядокъ буквъ ничего не говоритъ: могъ ли сознавать составитель близкую, родственную связь между *и* и јот'омъ, а если уже сознавалъ, то почему онъ *ш* не поставилъ послѣ *с*, которыя также близки. Сравнивая же данныя, которыя мы находимъ въ памятникахъ относительно употребленія начертанія, мы видимъ, что оно употребляется главн. образомъ въ извѣстныхъ словахъ и при томъ греческаго происхожденія. Къ послѣднимъ, напр., прежде всего нужно отнести такія какъ: анѣлъ, еванѣлие. Первый примѣръ мы находимъ и въ К. Л. Сличая эти написанія съ греческими, мы видимъ, что нѣ = γγ, т. е. двумъ греческимъ γ. На основаніи близости начертаній 2-хъ γ съ глагол. начертаніемъ, мы можемъ сказать, что и начертаніе такъ наз. дервя возникло изъ греческаго начертанія двухъ γ. Что могли подражать въ этомъ случаѣ греч. графикѣ указываютъ такіе примѣры, какъ Савв.

Кн. — агглъ, аггла; Ассем. Ев. — еваггелие и т. п. Можно возразить противъ высказаннаго мнѣнія, что лишнимъ явится тогда начертаніе *н* (если видѣть графич. подражаніе греческ. образцамъ), которое мы находимъ передъ ѣ въ упомянутыхъ словахъ. Но относительно этого можно бы даже замѣтить, что первоначально этого *н* иногда, и не бывало. Доказательствомъ въ этомъ случаѣ можетъ служить Зографское Ев. Въ заголовкѣ Евангелія отъ Луки (см. снимокъ I въ изд. Ягича) б о л ь ш и м и буквами написано (безъ титла): еваѣелие. Правда, приведенные примѣры не могутъ быть вполнѣ убѣдительны: ихъ такъ мало. Противорѣчать этому также написанія такихъ словъ, какъ л е в ь ѣ и, параскевьѣи, въ виду того, что въ греческихъ написаніяхъ этихъ словъ не только не можетъ быть рѣчи объ *н*, но нѣтъ и *г* (λευίς, παρασκευή). Но съ другой стороны и постановка ѣ въ этихъ словахъ или *г* въ попадающихся подобныхъ примѣрахъ въ нѣкоторыхъ кирилловскихъ памятникахъ (параскевги, левги, особенно характерно параскевги̑ въ Терн. Ев.) показываетъ, что здѣсь это случилось благодаря произношенію этихъ словъ. Слѣдовательно, сюда написаніе ѣ было внесено какъ графическое уже изъ другого источника. Такимъ источникомъ и могли послужить начертанія γγ въ словахъ ἄγγελλος, εὐαγγέλιον, гдѣ второе γ произносилось очень мягко. По всей вѣроятности и звукомъ глаголическаго дервя было это очень мягкое *г*, граничащее съ очень мягкимъ *д*.

Въ кириллицѣ изъ подражанія греческому алфавиту были внесены буквы ξ (кси) и ψ (пси).

Различіе въ греческомъ между звуками — φ и ϑ заставило ввести два начертанія *ф* и *ѳ*.

Начертаніе *щ*, какъ думаютъ, образовалось нѣсколько позже другихъ начертаній (Ср. Миклошичъ въ Ersch. und Grub. All. Enc., 404, Hattala Cäs. č. M. 58 г. I, 122—3). Числовое значеніе этой буквы первоначально, какъ предполагаютъ нѣкоторые, несла буква *ѣ* (Berčić Bronja vriednost slava *ѣ*, Rad 2, 185—191). Буквы *щ* нѣтъ, напр., въ Сборникѣ Клоца. Загадочно происхожденіе этого послѣдняго начертанія и трудно сказать, что это начертаніе составилось изъ соединенія начертаній *ш* + *т*. Здѣсь возникаетъ вопросъ, не было ли составлено это начертаніе по подобію коптскаго s c e i — sc, имѣющаго форму близкую къ глаголическому *щ*. Правда, въ Охрид. Ев. начертаніе *щ* имѣетъ форму какъ бы лигатуры *ш* + *т*.

Трудно сказать, вообще, съ увѣренностью, какъ произносились многіе звуки др.-ц.-слав. языка. Мы можемъ судить только по даннымъ болгарскихъ нарѣчій и другихъ славянскихъ языковъ, но вполнѣ реальнаго представленія все же быть не можетъ.

Можно сказать только, что произношеніе звуковъ въ др.-ц.-сл. яз. и передача ихъ на письмѣ были гораздо болѣе тѣсно связаны между собою, чѣмъ, напр., у насъ. Алфавитъ создавался для извѣстнаго нарѣчія и немудрено, что составители стремились передать на письмѣ всѣ звуки, а иной разъ и оттѣнки звуковъ. Мы, въ большинствѣ случаевъ, смѣшиваемъ буквы со звуками, не отдаемъ себѣ отчета подъ вліяніемъ письменной рѣчи о звукахъ рѣчи произносимой. Интересно въ этомъ случаѣ сдѣлать нѣкоторыя сопоставленія данныхъ др.-ц.-сл. и русской графики: звукъ е въ формахъ краемъ и село у насъ произносится разно, но обозначеніе одно, въ др.-ц.-сл.: село, но краіемь. Наше *я* изображалось въ кириллицѣ: ѧ. Относительно ю думаютъ, что оно составлено изъ юу (съ отпаденіемъ у), но здѣсь трудно вполнѣ согласиться; можетъ быть, звукъ казался одинарнымъ.

Какъ въ греческомъ алфавитѣ каждая буква имѣла свое названіе, такъ и буквы др.-ц.-сл. азбуки: азъ, буки... Каждое изъ этихъ названій имѣло (отчасти и теперь сохраняетъ (какой-либо смыслъ, обозначаетъ извѣстнаго рода понятіе. Можно думать, что первоначально, напр., въ еврейской азбукѣ, послужившей въ этомъ случаѣ образцомъ для греческой, названія были придуманы съ цѣлью скорѣйшаго изученія азбуки: каждой буквѣ давалась названіе, начинавшееся съ этой буквы, при чемъ названія соединялись по смыслу въ одну картину, въ одинъ разсказъ.

Названія буквъ др.-ц.-сл. азбуки, нужно думать, съ теченіемъ времени видоизмѣнились, исказились нѣсколько, и теперь трудно возстановить ихъ.

По первымъ буквамъ получили и названія алфавитъ (алфа-вита), азбука (азъ-буки).

Буквы служили также для выраженія чиселъ, ставились только поверху буквъ черточки.

А азъ, Б боукы, В вѣдѣ, Г глаголи, Д добро, Е ѣсть, Ж живѣте, S sѣло, З земля, И иже, І і, Ї ї, К како, Л людіе, М мыслите, Н нашь, О онъ, П покой, Р рьци, С слово, Т тврьдо, Оу, Ѹ оукъ,

Ф фрьтъ, Х хѣръ, Ѡ ѡтъ, Ц цы, Ч чрьвь, Ш ша, Щ шта, Ъ іеръ, Ы іеръı, Ь іерь, Ѣ ꙗть, ѦѦ, ѦѪ, ІѦ юсы, Ѯ кси, Ѱ пси, Ѳ ѳита, Ѵ ижица.

XIII.

Объ измѣненіяхъ губныхъ и гортанныхъ согласныхъ.

Какъ въ русскомъ яз. отъ люб-ить — любл-ю, такъ и въ др.-ц.-сл.: л ю б л ѧ, затѣмъ: к о у п л ѧ, л о в л ѧ, л о м л ѧ, т. е. если *б*, *п*, *в*, *м* (такъ наз. губные согласные) встрѣчаются съ йотомъ или йотированной гласной, то образуется новый звукъ *л* между этими согласными и йотомъ или йотированной гласной.

Впрочемъ, въ древнѣйшихъ ц.-сл. памятникахъ мы видимъ какое-то здѣсь колебаніе: наряду съ к о р а б л ь встрѣчается к о р а б ь, з е м л ꙗ — з е м ꙗ и пр.; также въ русскомъ: рубль — рупь, на-земь и пр.; очевидно, здѣсь было уже отвердѣніе и хотя писался ь, но въ произношеніи было ъ, такъ, напр., отъ к л е й м и т ь у насъ благодаря отвердѣнію — к л е й м ю, а не к л е й м л ю.

Этотъ *л* такъ называемый l-epentheticum.

Въ Кіевск. Листк. употребляются формы исключительно съ l-epentheticum:

> избавлениѣ, въжлюблени, —нъиꙗ, пріемлемъ, пріемль, пріемлѧце, земльскаѣ, —ъихъ, прѣставлениѣ.

Въ другихъ древне-ц.-слав. памятникахъ мы встрѣчаемъ случаи пропуска l-epentheticum, особенно часто въ Супрасльской рукописи и Савв. книгѣ, т. е. памятникахъ кирилловскихъ. Вопросъ объ l-epent. въ др.-ц.-сл. памятникахъ (ш е с т и — Зографск., Glag. Cloz., Маріинск., Ассем., Супрасльск., Савв.) довольно подробно разобранъ Вондракомъ въ статьѣ „Zur Kritik der altslov. Denkmäler“ (Sitzungsberichte d. Wien. Ak., т. 112).

Наиболѣе правильнымъ изъ 6 разобран. памятниковъ является Клоцовъ Сб. Зографское же и Ассем. Ев. являются какъ бы переходными ступенями. Сравнивая данныя Клоцова Сборн. съ выбранными примѣрами изъ К. Л., мы нахо-

димъ въ первомъ: земьскаѣ. Въ Маріинскомъ Ев. мы находимъ земльскъ наряду съ земьскъ, въ другихъ памятникахъ чередуются земьскъ и земьнъ. Ассеман. наряду приемлѧ — емите, въ Савв., Зогр. емлете, въ Зографск. избавение и пр.

Вондракъ неудачно связалъ употребленіе l-ер. въ памятникахъ съ теоріей о паннонизмѣ др.-ц.-сл. яз. Въ чистомъ „паннонскомъ языкѣ" эта черта, по Вондраку, послѣдовательно сохранялась, а затѣмъ въ позднѣйшихъ спискахъ, сдѣланныхъ уже не въ Панноніи, упрочивалась мало- по малу. Неудачность этой теоріи доказана Ягичемъ, Облакомъ и Щепкинымъ и самъ Вондракъ, какъ показываетъ его позднѣйшій трудъ — др.-ц.-слав. грамматика, повидимому, отказался отъ своихъ выводовъ.

Въ др.-ц.-сл. языкѣ не находимъ сочетаній: ки, ги, хи, напр., русскія формы: кинуть, гибнуть, хищникъ, должны были передавать: кꙑнѧти, гꙑбнѧти, хꙑщьникъ. Отсюда ясно, что произношеніе въ др.-ц.-сл. языкѣ *к*, *г*, *х* было иное, чѣмъ въ русскомъ. Произношеніе было тверже и образованіе этихъ звуковъ происходило въ заднемъ нёбѣ, помощью задней части языка (отсюда названіе этихъ звуковъ: задне-нёбные или задне-язычные).

Звукъ ꙑ образуется также въ задней части нёба, а звукъ *и* въ средней или передней. Поэтому звуки *г*, *к* и *х* не могли соединяться съ *и*, а должны были или измѣнить мѣсто своего произношенія (какъ произошло это отчасти въ русскомъ) или перейти въ другіе звуки, родственные себѣ, и болѣе близкіе по мѣсту образованія съ *и*.

Вотъ мы и видимъ, въ зависимости оттого, какое *и* — средне-нёбное или передне-нёбное, двоякій переходъ прежде бывшихъ задне-язычными:

1. г—ж: богъ — божіи
   к—ч: пророкъ — пророчіи
   х—ш: оухо — оуши.

То же самое бываетъ и передъ е, ѧ (напр., боже, пророче, доуше) и йотированными гласными.

2. г—s: богъ — bosи (множ. ч. имен. п.)
   к—ц: пророкъ — пророци „
   х—с: доухъ — доуси „

S, ц, с — уже передне-нёбные (передне-язычные) и нужно предполагать, что *и* въ этомъ случаѣ отличалось по произношенію отъ предыдущ. *и*.

Передъ *ѣ* двоякое измѣненіе, смотря по тому, какого происхожденія *ѣ*, если изъ ē, то шипящіе (напр. изъ messa — мышѣ — мьша), изъ oi — свистящіе (напр., тащѣми и пр.).

Эти измѣненія происходятъ и въ началѣ словъ, напр.: жена, кор. gen (ср. прус. genna), живъ (лит. gīvas), чистъ (лит. kīstas), чадо (нѣм. Kind), чесати (ср. коса), цѣна (лит. kaina, гр. ποινή).

То же измѣненіе мы находимъ и въ такихъ случаяхъ, какъ звѣзда, цвѣтъ, цвѣлити. Здѣсь не всѣ слав. нарѣчія сходятся и въ западн. мы находимъ остатки болѣе первоначальныхъ звуковъ: польск. gwiazda, kwiat, чешск. hwězda, květ, kvíliti. Подобное измѣненіе происходитъ и въ окончаніяхъ: влъсви (им. п. мн. ч. отъ влъхвъ), влъшве (зват. п. ед. ч.).

Изъ попытокъ объяснить переходы задне-небныхъ упомяну о двухъ — Миклошича и Потебни. По первому главную роль въ измѣненіи игралъ j, т. е. изъ ки — образовывалось кji, затѣмъ тси, ци, ги — гji, дji — дзи, зи. По Потебнѣ, въ то время какъ первоначальное ai (или скажемъ теперь oi) приближалось къ выговору *е* и i, должна была постепенно измѣнять свой характеръ и стоявшая передъ этимъ звукомъ задне-небная, дѣлаясь переднебной. Мнѣніе Миклошича опровергалось Потебней, но въ сущности, если всмотрѣться въ тѣ данныя, которыя находимъ у Миклошича, то и у него можно замѣтить ту же попытку объяснить разсматриваемый переходъ измѣненіемъ мѣста произношенія.

Звуки *к* и *г* въ сочетаніяхъ *ск* и *зг* даютъ переходы нѣсколько иные, чѣмъ мы ожидали бы. Такъ *ск* вм. ожидаем. *сч* даетъ *тт*: искати — иштѧ, дъска — дъштица; *зг—жд* вм. *зж*: розга — рождье (собирательн.). Наряду съ передомъ *ск—сц*: дъска — дъсцѣ имѣемъ *ст*: дъстѣ; вм. *зг—зз* имѣемъ *зд*: дразга — дразднѣ.

Подобные же случаи переходовъ мы отмѣчаемъ при сложеніи словъ съ предлогами *из*, *воз*, *раз*, *без*, если слово начинается съ *ж*, *ч*, *ц*, напр. вм. изженѧ мы находимъ ижденѧ (т. е. вм. *зж—жд*), наряду съ исцѣлити употребляется истѣлити (дъсцѣ — дъстѣ), вм. безчисльнъ — бештисльнъ (иштѧ); наряду съ этимъ мы видимъ и исчез-

новеніе одной изъ согласныхъ: ичрѣва, ичезнѫти, ицѣлити.

Объяснить подобныя явленія можно разложеніемъ звуковъ *ц*, *ж*, *ч*, какъ звуковъ по основѣ своей сложныхъ: *ц—тс*, *ж—дж*, *ч—тш*. Получались такія сочетанія: *сц—стс*, *зж—здж*, *зч—стш*, въ послѣднихъ случаяхъ происходило уподобленіе однородныхъ согласныхъ, т. е. *з* перешло въ *ж*, *с—ш*, а затѣмъ выпаденіе послѣднихъ согласныхъ.

XIV.

Объ измѣненіи зубныхъ; особенное положеніе Кіевскихъ глаголическихъ листковъ.

Отъ корня вид (вид-ѣ-ти) — рус. вижу, въ др.-ц.-сл. языкѣ вижд ѫ (собств. окончаніе здѣсь ѫ), отъ кор. — свѣт — въ рус. свѣча въ др.-ц.-сл. свѣшта (собств. оконч. ѧ).

Слѣдовательно, здѣсь мы видимъ также переходы согласныхъ, вызванные передвиженіемъ произношенія въ силу извѣстнаго соединенія звуковъ. Только здѣсь переходъ вызванъ йотированностью гласной.

Мы и теперь говоримъ свѣчя и въ написаніи свѣшта мягкость произношенія *шт* не нуждалась уже въ лишнемъ обозначеніи ѧ (йотированности).

Зубные не переходили въ другіе звуки, какъ задне-нёбные, передъ *е*, *ь*, *и*, ѫ: текѫ, дѣти, дивьнъ, тѫгота.

На приведенныхъ примѣрахъ мы могли уже видѣть разницу въ переходахъ д и т передъ йотированными гласными въ др.-ц.-сл. и русскомъ языкахъ: въ др.-ц.-сл. д + j = *жд*, въ рус. *ж*; т + j = *шт*, въ рус. *ч*. Но есть въ русскомъ языкѣ случаи заимствованія изъ др.-ц.-сл. яз.: рожденъ, рожденіе, рождество, хожденіе, вождь, освобожденіе, возбуждать. Иногда др.-ц.-слав. форма не вполнѣ вытѣснила русскую, тогда эти двѣ формы начинаютъ употребляться съ различными оттѣнками значенія: прич. наст. врем. на — щій (щ изъ шт): ходящій, лежащій, текущій, могущій — формы др.-ц.-слав., рус. ф.: ходячій, лежачій, текучій, могучій уже имѣютъ значеніе прилагательныхъ.

Зубные въ К. Л. смягчаясь переходятъ д—з, т—ц: дазь,

отъдазь, подазь, тъзе, тоіѧзе, томьзе, такозе, тоузімъ 4 об. 10—11, огріадѫцѣ 1 об. 1, обидѫцѣ, ходатаіѧцю, чьстіѧце, просіѧце, пріемлѫце, противіѧціхъ, помощь, —ѫ, пиціѧ, обѣцѣниѣ, —ие, обѣцѣлъ, насъищені.

Эта черта языка сближаетъ этотъ памятникъ, какъ указывалось уже много разъ изслѣдователями, съ памятникомъ несомнѣнно чешской редакціи — такъ называемыми Пражскими Отрывками. Въ послѣднихъ мы находимъ: розъсо, розъство, оутврѣзение, п(р)ис(н)от(ек)оуц(ъ), просв(ѣ)ць, хваліѧцімъ, обидіѧц, таіѧцаго, насъищшаго.

Считая эти данныя „моравизмами“, указываютъ также на слабые слѣды послѣднихъ въ другихъ древне-ц.-сл. памятникахъ. Такъ, въ Маріинскомъ Ев. — розьство (Мат. 14, 6 наряду съ обыкнов. рожьдство, рождъство), визжь (Іоан. 20, 27, наряду съ обыкнов. виждь, виждъ), въ Псалт. Синайск. оспаце вм. освіѧце; невѣзества (стр. 57 11—12); Сборникѣ Клоца розьство 877, —оу 879; порозьствоу 878 (наряду съ 4 раза рождьство, 1 р. — рожъство и 3 раза порождение); Супрасльской рукописи — заштицаіѧ (308,9). Хотя въ послѣднее время, напр., ак. Ягичъ уже не упоминаетъ объ этихъ случаяхъ, какъ о моравизмахъ.

Желаніе объяснять послѣдніе случаи, какъ „моравизмы“, заставляетъ прибѣгать изслѣдователей къ разнообразнымъ теоріямъ о родинѣ памятниковъ. Такъ, напр., упомянутая форма Супрасльск. рукоп. — заштицаіѧ заставляетъ Вондрака (Gl. Cloz., 13. Ср. Облакъ. Нѣколко . . . Сборникъ отъ нар. умотв., 17, и Arch. XIII, 246) признать, что перепись была сдѣлана на востокѣ, тамъ, гдѣ словацкіе элементы сближались съ русскими. Не возражая, въ частности, противъ этого мнѣнія, я долженъ замѣтить, что называть вообще приведенные примѣры „моравизмами“ нельзя потому, что ихъ слишкомъ мало — слѣдовательно, допустимы ошибки писцовъ, они односторонни — такъ какъ не встрѣчаемъ другихъ фонетическихъ данныхъ въ памятникахъ, объясняемыхъ также какъ „моравизмы“. Что описки или уподобленія въ иныхъ случаяхъ могли быть, это объясняетъ намъ послѣдующіе слоги: розьство, з передъ дальнѣйшимъ с и т. д. Въ этомъ случаѣ характеренъ 12 л. Клоц. Сб. (стр. 92 изд. Вондрака), гдѣ нѣсколько разъ розьство (наряду съ рожъство, рождъство, и ни разу не измѣняется *жд* въ рождаетъ.

Такимъ образомъ, нельзя установить въ этомъ случаѣ несомнѣнную связь между данными К. Л., Пр. Отр. и др. древне-ц.-слав. памятниками.

При разборѣ данныхъ случаевъ все же должны быть также приняты во вниманіе случаи, правда, единичные переходовъ *д* въ *з* въ болгарскихъ говорахъ. Въ Сухо, напр., наблюдается чуз вм. чужд, въ Софійскомъ округѣ виз вм. вижд (Ср. Облакъ. Нѣколко . . . , 7).

Разница въ смягченіи зубныхъ, которая такъ рельефно выдѣляетъ одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ изъ ряда другихъ, заставляетъ насъ здѣсь подробнѣе остановиться на вопросѣ вообще объ отношеніи этого памятника къ другимъ.

Ни одинъ древнѣйшій церковно-славянскій памятникъ не вызывалъ и не вызываетъ столько разногласій, столько совершенно противорѣчивыхъ мнѣній о своемъ происхожденіи, какъ Кіевскіе глаголическіе листки. И ни одинъ изъ этихъ памятниковъ, въ то же время, не представляетъ такъ много любопытнаго, какъ тѣ же небольшіе Кіевскіе листки. Ученые, выдвигавшіе разнообразныя гипотезы о родинѣ этого памятника, иногда судили главнымъ образомъ по одной указанной фонетической чертѣ, не принимая во вниманіе совокупности остальныхъ.

Этотъ небольшой отрывокъ латинскаго миссала въ славянскомъ переводѣ, представляющій въ общемъ нѣчто цѣльное, законченное, носитъ несомнѣнные слѣды глубокой древности своего происхожденія. Прежде всего, данныя палеографическія, о которыхъ намъ приходилось говорить, убѣждаютъ въ томъ, что этотъ памятникъ не только не позже Зографскаго, Маріинскаго Ев. и др., но древнѣе ихъ. Система надстрочныхъ значковъ — придыханій и значка, копирующаго греческое облеченное удареніе, по формѣ является типической для греческихъ рукописей 8—9 вѣковъ, въ то время какъ кое-гдѣ попадающіеся въ другихъ древн.-ц.-слав. памятникахъ значки придыханія являются по формѣ сродными типическимъ придыханіямъ греческихъ рукописей уже 10—11 вѣковъ и дальнѣйшаго времени. Это говоритъ о самостоятельномъ примѣненіи законовъ греческой графики на славянскую почву, свидѣтельствуетъ о глубокой вдумчивости, оригинальности того, кто задался подобными цѣлями своеобразнаго измѣненія уже существовавшей графической системы. Въ К. Л. нѣтъ той механичности пріемовъ, которая господствуетъ

въ постановкѣ немногочисленныхъ значковъ въ Зограф. Ев., Маріинск. Ев. и др. памятникахъ древнѣйшей церковно-славянской письменности, свидѣтельствующей, въ большинствѣ, о слѣпомъ подражаніи, копировкѣ греческихъ образцовъ. Мнѣ приходилось уже отчасти обращать вниманіе на постановку удареній въ К. Л. И здѣсь господствуетъ замѣчательная своеобразность, желаніе воспользоваться пріемами греческой графики для нуждъ славянской письменности. Здѣсь выразилось также желаніе обозначить извѣстнымъ греческимъ значкомъ славянское долгое удареніе, при чемъ отмѣчалась часто больше долгота.

Первый обратившій вниманіе на К. Л., издавшій ихъ и изслѣдовавшій главн. обр. со стороны языка и содержанія ак. Срезневскій (Свѣдѣнія и замѣтки . . . СПБ. 71 г., LXXIII, 490—3, затѣмъ въ Трудахъ 3-го археологич. съѣзда. К. 78 г. 269—76 и приложеніе 185—197) опредѣлялъ уже слѣды чешскаго языка въ извѣстной фонетической чертѣ *ц* и *з* вмѣсто *шт* и *жд* другихъ ц.-слав. памятниковъ. Срезневскій не входилъ также въ разборъ вопроса о времени происхожденія памятника, хотя по даннымъ его „указателя“ къ „свѣдѣніямъ“ относилъ его къ 10—12 вѣкамъ. Срезневскій первый т. обр. намѣтилъ ту теорію о моравской редакціи памятника, которая является господствующей и въ настоящее время.

Разсматривая труды Срезневскаго, Макушевъ бѣгло высказалъ свой взглядъ относительно времени происхожденія К. Л. Онъ считалъ ихъ почему-то памятникомъ позднимъ, 14 столѣтія; Мак. ставилъ ихъ параллельно съ Пражскими Листками, которые онъ также, вопреки Шафарику и Срезневскому, относилъ къ 14 столѣтію (Рус. Фил. В. 79 № 3, 90).

Во 2-мъ изданіи своей Vergl. Grammatik (Lautlehre, 219), Миклошичъ выступилъ съ иной теоріей относительно К. Л. Онъ относилъ памятникъ этотъ къ „паннонскимъ“, считалъ его выраженіемъ одного нарѣчія, т. обр. цѣльнымъ по языку. Микл. думалъ, что въ языкѣ „паннонскихъ“ славянъ могла быть двойная форма для выраженія смягченныхъ *д* и *т* — жд, шт и з и ц. Т. обр. языкъ К. Л., по Миклошичу, также altslovenisch. Взглядъ Миклошича положилъ начало другой теоріи о К. Л., теоріи цѣльности языка К. Л., при чемъ ученые расходились лишь въ вопросѣ о родинѣ памятника, о томъ нарѣчіи, которое легло въ основаніи его.

Однимъ изъ первыхъ послѣдователей этой теоріи можно

считать Гейтлера. Въ его изслѣдованіи Die albanesischen und slavischen Schriften (1883 г.) о К. Л. мы находимъ нѣсколько небольшихъ брошенныхъ замѣчаній, также общихъ, немотивированныхъ, какъ и много есть у Гейтлера относительно другихъ вопросовъ. Листки, по Гейтлеру, могли попасть въ Іерусалимъ только изъ Македоніи (dahin kamen glagolitische Handschriften nur aus Macedonien, 153). Повидимому, т. обр. родиной К. Л., по Гейтлеру, была Македонія. Затѣмъ относительно времени возникновенія памятника Гейтлеръ высказывался за древность Ассем., Зограф., Мар. Ев. и др. передъ К. Л., которые онъ относилъ къ XI вѣку [1]).

На необоснованность заключенія Гейтлера о македонскомъ происхожденіи К. Л. указалъ въ своемъ предисловіи къ новому изданію К. Л. (вмѣстѣ съ Вѣнскими, памятникъ древнѣйшей хорватской глаголицы), уже въ фототипіяхъ, ак. Ягичъ (Wien, 1890. Glagolitica. Würdigung neuentdeckter Fragmente). Послѣ Срезневскаго ни одинъ ученый не удѣлялъ столько вниманія К. Л., какъ Ягичъ. Его предисловіе къ изданнымъ Вѣнскимъ Л. и Кіевск. — небольшое изслѣдованіе, затрогивающее основные вопросы. Временемъ возникновенія К. Л. Ягичъ считаетъ XI вѣкъ [2]). Памятникъ этотъ онъ считаетъ древнѣе Синайскихъ Требника и Псалтири, а также Охридскаго Ев. Изъ этого слѣдуетъ, что такіе памятники, какъ Зографское, Маріинское Ев. древнѣе, по Ягичу, Кіевск. Л. Какъ и Срезневскій, Ягичъ считаетъ К. Л. чешско-моравской (или, точнѣе, „моравской“ въ смыслѣ чехо-словацко-моравской) редакціи. „Моравизмы“ — *з* и *и* (дазь, огрѣдѧцѣ), шч (зашчити, очишчение), мягкость ц, ч, ш, ж (мьшѣ . .). Въ остальномъ памятникъ altslovenisch, конечно, не въ томъ смыслѣ, какъ понималъ Миклошичъ.

Предположенія Ягича не удовлетворили многихъ. Вскорѣ проф. Будиловичемъ была выставлена догадка о происхожденіи К. Л. на югѣ, въ одной изъ областей приадріатическихъ,

1) Гейтл. относилъ Ассем., Зогр. Ев. (древнюю часть), Син. Тр., Мар. Ев. ко времени до XI ст. (vor das Jahr 1000), считая древнѣйшимъ Асс. Ев., а затѣмъ уже другіе эти памятники въ порядкѣ перечисленія. Кіевск. Л. Гейтлеръ ставилъ передъ добавочной частью Зогр. Ев., которую находилъ возможнымъ отнести не выше переходн. времени отъ XI къ XII ст.

2) Раньше въ „Образцахъ яз. церковно-сл.“ СПБ. 1882 г., стр. 33, Ягичъ высказывался за X в.

Kooleteaduslike Seminar

при чемъ писавшій былъ чехъ или словакъ. Какимъ образомъ чехъ или словакъ, жившій среди юго-славянъ, могъ, въ такомъ совершенствѣ изучивъ ихъ нарѣчіе, оставить нетронутой въ своей работѣ только одну черту своего языка (ц и з)? При томъ, вѣдь, и языкъ этихъ юго-славянъ не могъ же претендовать на многія другія формы, которыми отличаются К. Л.

Опровергнутое ак. Ягичемъ соображеніе Гейтлера о македонскомъ происхожденіи К. Л. нашло себѣ отчасти защитника въ лицѣ проф. Калины. Говорю „отчасти“ потому, что проф. Калина не являлся собственно всецѣло проводникомъ мнѣнія о македонскомъ происхожденіи памятника, какъ то принято выставлять, а, вѣрнѣе, проводилъ теорію о македонскомъ діалектѣ, легшемъ въ основу памятника, происхожденіе же самого памятника, какъ то ни странно, онъ отнесъ къ Паннониі XI ст. Въ К. Л., онъ не видѣлъ также списка съ написаннаго ранѣе въ Македоніи оригинала. Возникновеніе послѣдняго въ Македоніи въ раннія времена, по Калинѣ, было бы возможно, въ виду попытокъ папъ ввести римское богослуженіе, чѣмъ и объясняется западный ритуалъ памятника, но проведенію подобнаго мнѣнія, которое требуетъ еще дальнѣйшихъ историческ. доказательствъ, мѣшаютъ, по Калинѣ, Вѣнскіе Листки, проливающіе новый свѣтъ на отношенія хорватской глаголицы къ паннонскимъ памятникамъ. На македонскій обликъ памятника указываютъ и характеръ глаголицы и цѣльность языка съ нѣкоторыми типическими особенностями. Этихъ особенностей приводитъ Калина слишкомъ мало, напр. (непонятно почему) подась, гдѣ с вмѣсто з, цiркънаѣ вм. цiркъвнаѣ, *въжслюб.* вм. въз. Не удается ему объяснить и существованіе ц и з въ македон. нарѣчіи.

Мнѣнія проф. Калины были подвергнуты разбору Облакомъ (Zur Würdigung des Altslovenischen, въ Arch. f. sl. Ph. XV и въ ст. „Нѣколко бѣлѣжки върху старословѣнскитѣ паметници“ въ болг. Сборн. за нар. умотв. и кн. 93 г. т. IX), который опровергалъ въ своихъ статьяхъ мнѣнія также Миклошича и Гейтлера. Признаки чехо-словацкаго нарѣчія Обл., кромѣ *ц, з, шч* (мягкость ш, ч, ц, ж не выставляется уже „моравизмомъ“, какъ то дѣлалъ Ягичъ, потому что эта черта свойственна и южнымъ говорамъ), затѣмъ замѣна одинъ разъ ѧ—оу (небесьскоуѫ), цiркънаѣ, цiркъве. Въ общемъ возраженія противъ Калины сводятся къ слѣдующему. *Ц* и *з*,

указан. Калиной, какъ прежде существовавшія черты македонскихъ нарѣчій, не могутъ быть признаны таковыми, т. к. въ извѣстныхъ намъ болгар. нарѣчіяхъ появленія *ц* и *з* изъ т+j и д+j — нѣтъ. И если можно было бы изъ различныхъ говоровъ подобрать единичные примѣры, то эти примѣры ничего не говорили бы для К. Л., гдѣ эта черта проводится послѣдовательно. Такимъ же образомъ нѣтъ опредѣленнаго указанія на появленіе *з*. Указываемые Калиной примѣры замѣны *ч—ц*, *ш—с*, *ж—з* не могутъ ничего доказывать, т. к. нельзя предполагать въ болгарскихъ говорахъ переходъ д+j, т+j сначала въ *ж* и *ч*, а затѣмъ уже въ з и ц. Мѣна *ж—з*, *ч—ц* въ этихъ именно случаяхъ наблюдается въ очень рѣдкихъ примѣрахъ. Тѣ же болгарскіе говоры, въ которыхъ изъ т+j развилось ч, такъ и остаются при послѣднемъ звуковомъ рефлексѣ, не замѣняя его ц. Мѣна ч—ц явленіе не столь распространенное въ македонскихъ и болгарскихъ говорахъ, какъ то стремится выставить Калина. Замѣна ч—ц въ сочетаніяхъ чр, цр непримѣнима для доказательства мнѣнія К. т. к. здѣсь уже группа согласныхъ, а затѣмъ это явленіе позднѣйшаго времени. *Шч* сильно распространено въ говорахъ зап. Македоніи, но не ограничивается здѣсь въ качествѣ *ст+j*, но является также рефлексомъ т+j (свѣшча и пр.), т. обр. и въ К. Л. мы ожидали бы этотъ комплексъ звуковъ вм. ц. Т. обр., заключаетъ Облакъ, и изъ различныхъ македонскихъ діалектовъ мы не можемъ указать чертъ языка К. Л., если бы даже пожелали сгруппировать ихъ изъ различныхъ діалектовъ. Изъ этихъ опроверженій Облака особенно слабымъ является — относительно *шч* и желаніе его въ этомъ случаѣ видѣть наряду съ этимъ рефлексомъ *шч* и изъ т+j — вѣдь то, что даютъ современные говоры нельзя всецѣло примѣнять къ тому, что было чуть ли не 10 вѣковъ тому назадъ. Затѣмъ нельзя согласиться и съ нѣкоторыми собственными положеніями Облака. Противъ мнѣнія Калины, что въ Македоніи могла существовать литургія и по римскому обряду Облакъ говоритъ, что попытки сближенія съ Римомъ относились ко времени царей Петра и Самуила и имѣли совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ думалъ Калина — литургія оставалась совершенно нетронутой, дѣло шло лишь о церковномъ первенствѣ Рима и что нѣтъ памятниковъ, показывающихъ существованіе римскаго обряда въ болгарской церкви. Данное опроверженіе также, конечно,

не имѣетъ подъ собой почвы, т. к. вопросъ этотъ является до сихъ поръ не разслѣдованнымъ. Онъ требуетъ разысканій историческихъ, т. к. все же имѣются указанія на раннія попытки папъ подчинить Болгарію своей власти, а слѣдовательно и ритуалу.

То же обстоятельство, что мы не имѣемъ памятниковъ западнаго ритуала, пока еще ничего не доказываетъ — вѣдь, долгое время мы не имѣли никакихъ также древн.-ц.-слав. памятниковъ, указывающихъ на существованіе обрядности по зап. ритуалу. И открытіе одного только памятника главн. обр., какъ К. Л. заставило нѣкоторыхъ ученыхъ уже прійти къ заключенію и о дѣятельности Меѳодія въ духѣ западн. церкви.

А затѣмъ, непризнаніе существованія въ Болгаріи западнаго ритуала не является, въ сущности, прямымъ возраженіемъ противъ мнѣнія Калины — вѣдь и онъ самъ говоритъ, что основныя предположенія Гейтлера нуждаются въ историческихъ доказательствахъ.

Противъ мнѣнія Миклошича о цѣльности языка Облакъ выставлялъ указанныя положенія какъ отличія чешско-словацкія — так. обр., по его мнѣнію, языкъ К. Л. не можетъ считаться цѣльнымъ, отражающимъ одно какое-ли нарѣчіе.

Въ Časop. Česk. M. за 94 г., LXVIII, была помѣщена небольшая статья проф. Пастернка Starobylé dz ve slovenských nářečech a hlaholské zlomky Kijevské a Pražské. Пр. Пастернекъ, беря за основу отсутствіе з ѣ л а въ К. Л., приходитъ къ тому заключенію, что родиной отрывковъ могла быть Чехія и часть Моравіи (въ большей части послѣдней и Словачинѣ d + j даетъ дз). Въ чисто чешскомъ происхожденіи листковъ его еще убѣждаетъ мягкость *ш*, *ч*, *щ*, о чемъ говорилъ и Ягичъ. Пастернекъ рѣшается даже еще болѣе опредѣленнѣе указать на мѣсто, откуда ведутъ свое начало К. Л. — на Сазавскій монастырь.

Статья Пастернка вызвала опроверженія со стороны Облака (Zur Provenienz der Kijewer und Prager Fragmente. Arch. für sl. Phil. XVIII). Облакъ замѣчаетъ, что еще вопросъ, относится ли употребленіе з ѣ л а въ извѣстныхъ намъ древнѣйшихъ церковно-славянскихъ памятникахъ вполнѣ къ языку или можно видѣть здѣсь и вліяніе графическихъ пріемовъ, традиціи. Самъ Облакъ приходитъ къ послѣднему заключе-

нію [1]). Относительно мягкости *и*, *ш*, *ч* Облакъ, какъ и раньше, считалъ это явленіе свойственнымъ и другимъ славянскимъ нарѣчіямъ, а также словацкому нарѣчію и указывалъ примѣры въ древн.-ц.-сл. памятникахъ. Фактъ противъ словачины, по Облаку, можно бы видѣть въ словѣ подась и то лишь въ томъ случаѣ, если не считать окончаніе этого слова опиской или вліяніемъ 2-го лица ед. ч.

Въ Вѣстникѣ Археологіи и Исторіи 1898 г. была помѣщена небольшая статья ак. Соболевскаго „Гдѣ написаны Кіевскіе отрывки"? Одна изъ особенностей памятника — наряду съ сохраненіемъ и правильнымъ употребленіемъ носовыхъ гласныхъ одинъ случай смѣшенія, по Соболевскому, въ словѣ ходатаіѧцю вм. ходатаѭщю заставляетъ говорить о писцѣ полякѣ, „въ языкѣ котораго уже въ древнюю пору его исторіи въ извѣстныхъ случаяхъ (между прочимъ, въ причастіяхъ) могло быть сліяніе въ одномъ носовомъ звукѣ древнихъ ѧ и а. Но, на самомъ дѣлѣ, форма ходатаіѧцю не представляетъ никакого смѣшенія: это вполнѣ правильная форма отъ ходатаити. На это раньше указывалъ и Ягичъ въ своемъ изданіи (примѣч. 2-е къ тексту, на стр. 55), такъ что строить на этомъ предположенія о писцѣ-полякѣ невозможно. Затѣмъ, по мнѣнію ак. Соболевскаго, какъ подтвержденіе его мысли служитъ форма подась, легко будто бы объясняемая изъ польскаго языка (?), а также различеніе глухихъ, правильное ихъ употребленіе, т. к. поляку легче было передавать правильность въ употребленіи твердыхъ и мягкихъ глухихъ. Къ чешскимъ особенностямъ, кромѣ з и ц, присоединяетъ Соболевскій слогообраз. плавн. рь, ль. Относительно отсутствія зѣла, которое должно было быть у поляка, С. говоритъ, что учитель-чехъ не употреблялъ этой буквы или употреблялъ въ значеніи з. Что у поляковъ было

1) Мнѣ кажется, что нельзя дѣлать сравненій употребленія зѣла въ др.-ц.-сл. памятн. съ тѣмъ, о чемъ, говоритъ Паст. — о необходимости появленія въ извѣстномъ случаѣ этого звука, но уже какъ выразителя смягченнаго *д*. Раньше Ягичъ (Мар. Ев., 420) указывалъ на то, что К. Л. „не соблюдаютъ разницы" между *з* и зѣломъ. Затѣмъ Вондракъ (Glag. Cloz.) на основаніи этого неразличенія соглашался вполнѣ съ мнѣніемъ Яг. о македонскомъ происхожденіи буквы зѣла. Но, вѣдь, въ К. Л. нѣтъ ни одного слова, въ кот., собственно, должна была быть употреблена эта буква. Слѣдовательно, нельзя и дѣлать никакихъ заключеній.

богослуженіе на ихъ языкѣ доказательствомъ, по С., могутъ служить данныя изъ паннонскихъ житій (о крещеніи Меѳодіемъ князя на Вислѣхъ), затѣмъ письма принцессы Матильды къ Мешку II (in proprïa et latina Deum digne venerari posses), сказанія о Войтехѣ, что онъ уничтожилъ въ Маравіи, Чехіи и Ляхахъ правую вѣру и отвергнулъ русскую грамоту. Но на этихъ данныхъ, особенно на послѣднемъ трудно строить какія либо предположенія.

Ак. Соболевскій снова возвращается къ К. Л. въ своей статьѣ „Церковно-славянск. тексты моравскаго происхожденія (Рус. Фил. Вѣстникъ 1900 г. № 1—2, а въ послѣднее время въ Изв. Ак. Н. по отд. р. яз. 1906 г.). Въ этой статьѣ подвергается анализу цѣлый рядъ памятниковъ. Соболевскій находитъ сходство по языку между К. Л. и „Бесѣдами“ Григорія Вел. и въ виду этого, въ виду также неудовлетворительности перевода обоихъ памятниковъ заключаетъ объ единствѣ ихъ переводчика. Соображенія ак. Соболевскаго кажутся намъ далеко не убѣдительными. Признавъ „Бесѣды“ на основаніи только лексическаго матеріала памятниковъ моравскаго происхожденія, Соболев. пошелъ по ошибочному пути, сравнивая по лексическимъ даннымъ съ „Бесѣдами“ другіе памятники, въ томъ числѣ и К. Л. Выдвигая исключительно лексическій составъ памятника, С. впадаетъ въ крайность. Затѣмъ, въ частности, между „Бесѣдами“ и К. Л. нѣтъ вовсе такого сходства, о которомъ говоритъ Соб., дѣлая заключеніе объ общности переводчика.

Вопроса объ языкѣ К. Л. коснулся мимоходомъ проф. Ляпуновъ въ своей статьѣ, посвященной обзору жизни и трудовъ Облака (Извѣстія отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н. 96 г., а также Труды Харьк. Историко-ф. общ. 96 г.), гдѣ явился защитникомъ теоріи цѣльности языка. Проф. Ляпуновъ отрицалъ только возможность признанія мысли Гейтлера о македонскомъ происхожденіи памятника. По его мнѣнію, родиной могла быть область граничащая съ одной стороны съ чешско-моравскими говорами, съ другой — съ южными. Мнѣніе это, какъ увидимъ дальше, нашло себѣ опроверженіе въ лицѣ Ягича.

Защитникомъ мнѣнія Гейтлера выступилъ В. Щепкинъ. Въ своемъ „Разсужденіи о языкѣ Саввиной книги“ онъ коснулся (особенно примѣч. 1-ое на стр. XVII—XX) вопроса о К. Л. Послѣдовательное сохраненіе ѣ и ъ Щепкинъ считаетъ не остаткомъ древнѣйшаго періода, а лишь діалектической

чертой архаическаго нарѣчія. Родины г. Щепкинъ не опредѣляетъ, говоритъ о возможности мнѣнія Ляпунова и равно (особенно даже) Гейтлера и Калины. Какъ на подтвержденіе послѣдняго онъ указываетъ на примѣры виз (Софіиск.), безнадезен (тырновскій архаизмъ). О возможности возникновенія подобнаго памятника въ Македоніи можетъ, по Щепкину, свидѣтельствовать и первая страница К. Л., которая по языку и графикѣ относится къ XI ст. и представляетъ собой отрывокъ католической богослужебной книги и мѣсто изъ апостола, переведенное съ греческаго. Так. обр., заключаетъ Щ., если „въ какой-то части обще-болгарской территоріи на склонѣ XI в. еще было возможно употребленіе богослужебныхъ книгъ подобнаго латино-греческаго состава, то тѣмъ возможнѣе было оно въ той же области ранѣе: въ IX в.“

Мнѣнія Ляпунова и Щепкина вызвали опроверженія со стороны Ягича. Предположеніе Ляпунова, по Ягичу (Archiv XX т. Einige Streitfragen), противорѣчитъ тѣмъ даннымъ, которыя мы знаемъ о разселеніи славянъ. При томъ трудно вообразить возможность существованія такого промежуточнаго говора, который бы только упомянутыми чертами сходился съ чехо-моравскими говорами, а въ остальномъ съ болгарскими, если бы даже допустить возможность соприкосновенія ихъ. Теорія Ляпунова могла бы, какъ замѣчаетъ Ягичъ, имѣть силу еще при Копитаровской и Миклош. теоріи о паннонизмѣ: тогда легче представить себѣ существованіе такого говора. Особенно рѣзко выражается Ягичъ относительно предположеній Щепкина. Его замѣчаніе (Zur Entstehungsgeschichte der kirch. Sprache, I, 58) напоминаетъ болѣе раннія слова относительно теоріи Калины (Starine 35). Разъясняя свою теорію о морав. происх. К. Л., Ягичъ нѣсколько видоизмѣняетъ ее сравнительно съ прежнимъ и нельзя сказать, чтобы вполнѣ удачно. По его мнѣнію теперь оказывается, что *щ* и *з* внесены составителемъ или переписчикомъ сознательно (willkürlich., d. h. bewusst. Arch. 20-й т., 4) вмѣсто шт и жд. Замѣна эта сдѣлана, по Ягичу, чтобы подобной уступкой чехо-моравскому языку пріобрѣсть бо́льшую симпатію къ памятникамъ, писаннымъ все же на чуждомъ языкѣ. Относительно времени возникновенія К. Л. ак. Ягичъ считаетъ возможнымъ уже высказаться за бо́льшую древность, чѣмъ думалъ раньше, относя ихъ ко времени дѣятельности Меѳодія

или вскорѣ послѣ его смерти (Zur Entst. II, 34), но данныхъ для доказательства нового своего мнѣнія не приводитъ. Поэтому правъ совершенно проф. Флоринскій, упрекая ак. Ягича за произвольное передвиженіе памятниковъ изъ одного столѣтія въ другое (Кіевск. Унив. Изв. 91 г. № 4, 4). Мы не можемъ не признать искусственнымъ предположеніе ак. Ягича о сознательной замѣнѣ нѣкоторыхъ чертъ языка памятника и удержаніе многихъ другихъ, не бывшихъ въ языкѣ переводчика или переписчика. Если въ памятникахъ сербо-хорватскихъ мы встрѣчаемъ замѣну ъі черезъ *и*, наряду съ удержаніемъ *жд*, затѣмъ въ рус. Остром. Еванг. *ж* часто вмѣсто *жд* и отсутствіе *ч*, то вѣдь эти черты проводятся не такъ послѣдовательно, какъ указанныя въ К. Л., а кромѣ того нужно имѣть въ виду и графическую близость ъі и *и*, *ж* и *жд*, чего нѣтъ въ ц — шт, з — ж. При переписи, напр., рождество, переписчикъ подъ вліяніемъ своего произношенія легко могъ написать — рожество и пр. Противъ мнѣнія Ягича, кажется намъ, можетъ говорить и одно наше наблюденіе, сдѣланное надъ памятникомъ, это существованіе въ немъ двухъ различныхъ почерковъ. Если предположить, что К. Л. — копія съ болѣе древняго оригинала, то слѣдовательно измѣненная сознательно первоначально черта языка оставляется въ такомъ же видѣ и дальнѣйшими переписчиками, безъ измѣненія и безъ измѣненія другихъ данныхъ памятника, несмотря на то, что нѣкоторое различіе въ переписи допускалось писцами. Если же мы предположимъ, что К. Л. сами оригиналъ, а не копія, тогда это измѣненіе сознательное станетъ еще непонятнѣе.

Къ числу особенностей чехо-словацкихъ въ К. Л. Вондракъ въ своей грамматикѣ присоединяетъ окончаніе творительнаго падежа отъ основъ на — *о*, напр., образъмь и пр. Дѣйствительно, это окончаніе послѣдовательно проведено въ К. Л., но присутствіе его въ другихъ древнѣйшихъ церковно-слав. памятникахъ исключаетъ возможность догадки Вондрака (Die altkirchenslavische Grammatik, 154).

Въ статьѣ altslovenische Wenzelslegende und Legende v. heil. Prokop (Sitzungsber. d. Wien. Ak. W. ph.-h. cl., 1894) Вондракъ, рѣшительно называя К. Л. памятникомъ XI в., считаетъ мѣстомъ происхожденія К. Л. Карпаты, какой-л. карпатскій монастырь. Здѣсь, по его мнѣнію, должно предположить существованіе древней церковно-слав. письменности

въ чистомъ ея видѣ. Вондракъ не представилъ въ этой статьѣ никакихъ положительныхъ доказательствъ своимъ всколзь высказаннымъ мнѣніямъ.

Въ послѣднее время вышли спеціальныя изслѣдованія, посвященныя Кіевск. Л., мое и Вондрака. Послѣ детальнаго анализа памятника, я пришелъ къ слѣдующимъ о б щ и м ъ заключеніямъ:

I. Кіевскіе глаг. листки нужно считать самымъ древнимъ памятникомъ изъ извѣстныхъ намъ древн. церк.-слав. памятниковъ.

II. Разностороннее изслѣдованіе даннаго памятника говоритъ о невозможности опредѣленія его родины, но даетъ, въ то же время, указанія на бо́льшее значеніе теоріи цѣльности языка п—а.

III. Исторія научной разработки Кіевск. листк. даетъ не мало черезчуръ поспѣшныхъ и часто совершенно ошибочныхъ заключеній.

Моя осторожность въ данномъ случаѣ (II-й пунктъ) нашла себѣ полное одобреніе въ лицѣ проф. Ляпунова (ср. его отзывъ), она не была понята, къ сожалѣнію, другимъ критикомъ — проф. Кульбакинымъ. Слишкомъ ужъ у насъ много создается разнообразныхъ гипотезъ безъ достаточныхъ для того данныхъ и иногда достоинствомъ изслѣдованія можетъ явиться проведеніе черты, за которую нельзя переступать. Насколько бездоказательны гипотезы тамъ, гдѣ нѣтъ достаточныхъ данныхъ и указываетъ трудъ проф. Вондрака (O pûvodu kijevských listû . . . Pr. 1904 г.) съ его фантастическими теоріями о путешествіи памятника по разнымъ странамъ, чѣмъ и объясняются образовавшіяся наслоенія.

Видя въ К. Л. именно памятникъ, стоящій ближе другихъ къ Кир.-М. порѣ, мы отказываемся отъ опредѣленія его родины. Страннымъ можетъ показаться это послѣ предпринятаго детальнаго изслѣдованія. Между тѣмъ такъ требуетъ желаніе остаться на фактической почвѣ, не представляющей въ этомъ случаѣ возможности дать удовлетворительное опредѣленіе и не переходить въ область догадокъ, уже достаточно наводнившихъ собой исторію времени первоначальн. ц.-слав. письменности. Достаточно вспомнить тѣ разнообразныя теоріи, которыя высказаны относительно К. Л. и другихъ др.-ц.-сл. пам., чтобы убѣдиться въ томъ, насколько мало еще у насъ фактовъ для созданія болѣе достовѣрныхъ обобщеній. Въ

настоящее время господствующимъ убѣжденіемъ является то, что К. Л. носятъ на себѣ слѣды чехо-мор. редакціи. Представителямъ этого убѣжденія иныя теоріи о К. Л. кажутся какой-то научной ересью. Между тѣмъ, если внимательнѣй всмотрѣться во всѣ данныя открываемыя при изученіи К. Л. и при сравненіи этого памятника съ другими памятниками, ясна будетъ и шаткость этой теоріи, имѣющей повидимому такъ много за себя шансовъ. Склоняясь болѣе къ теоріи о цѣльности языка памятника, мы сознаемъ слабость этой теоріи только въ недостаткѣ возможности указать подобное нарѣчіе въ современномъ, хотя здѣсь можно сказать: чего нѣтъ теперь, то могло быть раньше. Мы сознаемъ также, что, склоняясь къ этой теоріи, мы создаемъ себѣ мучительную загадку, т. к. разрушаемъ тѣмъ самымъ ту стройную систему предположеній, которыя могутъ быть выведены благодаря первой теоріи. Что же дѣлать? — факты должны быть прежде всего, а затѣмъ наши догадки. Мы думаемъ также, что слабыя стороны теоріи о чехо-морав. редакціи К. Л. сказались уже въ ходѣ доказательствъ приверженцевъ этой теоріи, въ частности въ трудахъ ак. Ягича, перешедшаго въ концѣ концовъ къ мысли о сознательной замѣнѣ извѣстныхъ чертъ языка въ силу желанія „національзировать“. Мы бы могли еще говорить о сознательномъ измѣненіи но только не въ томъ смыслѣ, какъ ак. Ягичъ. Мы могли бы допустить то, принимая во вниманіе всѣ вышеуказанныя данныя, лишь при признаніи, что въ К. Л. имѣется своего рода искусственный литературный языкъ, созданный не для одного только памятника, но для такого предположенія нѣтъ, конечно, достаточныхъ данныхъ.

XV.

Объ измѣненіи другихъ согласныхъ; о сочетаніяхъ рѣ, лѣ, ра, ла между согласными.

Передвиженіемъ звуковъ объясняются переходы въ др.-ц.-сл. и русскомъ языкѣ:

вѧзати — вяжѫ, отьць — отьчь, пьсати — пишѫ
вязати — вяжу, отецъ — отеческій, писать — пишу.

Изрѣдка бываютъ такіе переходы: мыслити — мышлѧ (ср. рус. мышленіе).

Мы пишемъ: нашъ, ножъ, мечъ, т. е. послѣ *ш*, *ж*, *ч* ставимъ ъ, иногда дѣлаемъ искусственное разграниченіе, напр. мечъ, но ночь: идя вслѣдъ за произношеніемъ, мы должны были бы написать: мечь, такъ какъ *ч* произносится у насъ мягко.

Въ др.-ц.-сл. языкѣ мы находимъ обыкновенно написанія: — *шь*, *жь*, *чь*, *шꙗ*, *чꙗ* и пр., иногда мы видимъ и соединенія *ча*, *ша*, но здѣсь было, вѣроятно, мягкое произношеніе.

Мягкость выражается *ш* и *ц* и въ написаніяхъ Кіевск. Л.: мышѣ, обѣцѣлъ, огрꙑдѧщѣ, обідѧщѣ. Подобные случаи мягкости отмѣчаются, какъ единичные, впрочемъ, примѣры въ другихъ древнѣйшихъ ц.-слав. памятн., такъ: блисцѣнье, въсклицѣньемъ (Пс. Син.), скончѣнье (Листки Унд.), чѣша (Син. Тр.).

Мы говоримъ: сла*т*кій, но нишемъ: сла*д*кій; въ правописаніи стремимся здѣсь выдержать начало слова, въ произношеніи же характеръ одного изъ согласныхъ измѣняется благодаря сосѣдству другого согласнаго. *Д* и *к* отличаются въ произношеніи тѣмъ, что *д* произносится звучно, *к* — глухо; первый будетъ звучнымъ, второй незвучнымъ, глухимъ. И вотъ звучный передъ глухимъ переходитъ въ родственный себѣ глухой *т* (родственный *к* — звучный *г*).

Иногда, впрочемъ, и на письмѣ мы отмѣчаемъ подобные переходы, именно въ приставкахъ: *воз*, *из*, *низ*, *раз*. Подобнымъ образомъ объясняются и въ др.-ц.-сл. языкѣ написанія: расточити, въсхотѣти, въсходити, бесконьчьнъ, бестого (безъ того), исцѣлити.

Обратное явленіе, т. е. переходъ глухого передъ звучнымъ въ звучный, мы замѣчаемъ въ рус. языкѣ, напр., въ такихъ случаяхъ: гдѣ (др.-ц.-сл. къде), здравъ (др.-ц.-сл. съдравъ), здѣсь (сьде).

Въ такихъ случаяхъ, какъ палъ при корнѣ пад, плелъ при корнѣ плет, мы видимъ выпаденіе согласныхъ. Обратное явленіе — вставка согласныхъ, опять таки вызванная удобствомъ произношенія. Особенно часто между двумя гласными появлялись звуки: йотъ или *в*: по-да-ати; подаѧти, подавати; рѧкоѧть, рѧковать (рѧка+ѧти — брать). Болѣе рѣдки такіе примѣры, какъ раз-д-рѣшити (ср. рус. народ. страмъ).

Въ такихъ сочетаніяхъ, какъ рус. и др.-ц.-сл. къ нему,

до него (къ немоу, до него) находится вставочное *н*. Нѣкоторые ученые объясняютъ это *н* вліяніемъ такихъ случаевъ, какъ съ нимь, въ немь (при чемъ послѣднія сочетанія разлагаютъ такъ сън-имь, вън-емь, съни вьн соотвѣтствуютъ греч. συν, εν, лат. cum, in, т. е. здѣсь какъ бы возстановляется первоначальная форма), но при такомъ объясненіи многое остается неяснымъ; въ русскихъ же нарѣчіяхъ мы находимъ непосредственные переходы йота въ *н*, напр. въ малор. мнясо (а также мъясо) изъ мьясо, отсюда могло бы быть объяснено и *н* въ приведенныхъ случаяхъ.

Я упомяну здѣсь также о сочетаніяхъ *рь, ль, ра, ла* въ словахъ между двумя согласными: въ др.-ц.-сл. эти сочетанія иногда не одинаковы по своему происхожденію:

1. Русскимъ словамъ борода, солома, берегъ, пелена въ др.-ц.-сл. яз. соотвѣтствуютъ: брада, слама, брѣгъ, плѣна. И вообще тамъ, гдѣ въ русск. мы видимъ сочетаніе *оро, оло, ере, еле* между двумя согласными (б-оро-да), въ др.-ц.-сл. будетъ *ра, ла, рь, ль*. Въ другихъ слав. языкахъ мы находимъ бо́льшее сходство съ др.-ц.-слав.: передъ *р* и *л* въ нихъ также нѣтъ гласной (серб. брије̄г, блато, болг. брег, блато, чешск. břeh, blato, польск. brzeg, błoto). Русскія формы принято называть полногласными.

Рѣдко указанныхъ соотвѣтствій нѣтъ, напр.: рус. молоко, др.-ц.-сл. млѣко.

Въ русскомъ языкѣ попадаются слова несомнѣнно др.-ц.-сл. происхожденія: время (только правописаніе не выдержано: въ др.-ц.-сл. врѣмѧ), среда (др.-ц.-сл. срѣда), владыка, стражъ, здравіе, согласіе и пр.

Иногда наряду съ русскими формами подобныхъ словъ существуютъ и заимствованныя: страна — сторона, гражданинъ — горожанинъ, власть — волость, вредъ — вередъ, нравъ — норовъ. Значеніе же этихъ словъ нѣсколько разное, при чемъ первыя слова съ болѣе общимъ значеніемъ, вторыя съ болѣе частнымъ. Такимъ образомъ мы видимъ, какъ заимствованіе можетъ вести къ обогащенію русскаго языка.

Первоначальными предполагаемыми корнями приведенныхъ словъ являются bord, solm, berg и пр., изъ которыхъ и выводятъ позднѣйшія измѣненія.

2. Такія слова, какъ братъ, стрѣла, имѣющія подобныя же соотвѣтствія (съ измѣненіемъ только *ь*) въ другихъ

слав. языкахъ предполагаются возникшими изъ первоначальн. ср. *bratr, *strēla.

Изъ начальныхъ сочетаній *al* получались иногда двоякія: лакати и алъкати (ср. литовск. alkti), ладии — алдии (лодка).

XVI.

Склоненіе именъ существительныхъ съ основой на о и у.

Если сравнимъ склоненія въ др.-ц.-сл. и русскомъ языкахъ, то увидимъ, что у насъ склоненій меньше, меньше т. обр. и падежныхъ окончаній. У насъ, напр., слова сынъ, домъ склоняются, какъ рабъ: сын-а, раб-а, а въ др.-ц.-сл. было особое здѣсь склоненіе: род. п. сын-оу, дат. сынови и т. д. Нашимъ словамъ: кровь, церковь, свекровь имѣлись соотвѣтствія: кръı, црькъı, свекръı, род. п. былъ: кръве, црькъве, свекръве и пр.

Въ др.-ц.-сл. яз. насчитываютъ пять или шесть склоненій именъ существительныхъ, у насъ — три. Уменьшеніе склоненій зависѣло оттого, что такихъ словъ, какъ сынъ, домъ, крът и пр. было сравнительно гораздо меньше, чѣмъ словъ, имѣвшихъ другія склоненія, и подобныя слова переходили въ другія склоненія. Въ языкѣ происходила борьба: болѣе сильныя формы побѣждали, слабыя исчезали. Такъ называемыя „разносклоняемыя“ — ничто иное, какъ остатки прежде существовавшихъ формъ.

Можетъ показаться страннымъ, на первый взглядъ, что съ теченіемъ времени языкъ идетъ впередъ, развивается и вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ многія свои бывшія формы. Но нужно имѣть въ виду: чѣмъ древнѣе языкъ, тѣмъ болѣе у него грамматическихъ формъ. Было время даже, когда окончанія говорили болѣе, чѣмъ они говорятъ намъ теперь. Когда мы произносимъ слово: вода и затѣмъ соединяемъ съ прилагательнымъ хорошая, то соединеніе это мы дѣлаемъ безсознательно; мы не обдумываемъ при этомъ, что вода женскаго рода, потому и прилагательное нужно поставить въ женскомъ родѣ. Соединеніе происходитъ механически, въ силу привычки, усвояемой съ дѣтства. Но если мы будемъ изучать какой-либо иностранный языкъ, то намъ придется

постоянно задавать себѣ вопросы при согласованіи, какого рода имя существительное. И мысль наша на первыхъ порахъ будетъ затруднена. Это сравненіе приведено для того, чтобы пояснить нѣсколько, что и языкъ того человѣка, въ которомъ грамматическія формы требовали извѣстнаго напряженія мысли, гдѣ эти формы не имѣли только служебнаго значенія, былъ гораздо менѣе совершененъ, чѣмъ нашъ. При словѣ вода думали первоначально не только о томъ, что обозначаетъ это слово, но что обозначаемое принадлежитъ къ предметамъ женскаго рода.

Если мы сравнимъ данныя относительно склоненій въ др.-ц.-слав. и русскомъ языкѣ съ данными другихъ родственныхъ намъ языковъ, то увидимъ, что и въ исторіи склоненій романскихъ и германскихъ языковъ происходило то же самое. Въ латинскомъ, напр., языкѣ было пять склоненій, въ итальянскомъ теперь три, падежныхъ окончаній въ нѣмецкомъ пять — шесть, а въ др. готскомъ — нѣсколько десятковъ.

Въ склоненіи различались въ др.-ц.-слав. языкѣ, какъ и русскомъ, семь падежей, три рода (для такъ называемаго „средняго“ рода въ греческихъ грамматикахъ существовало болѣе удачное названіе: οὐδέτερον, т. е. никакой — ни мужескій, ни женскій) [1]) и три числа: кромѣ единственнаго и множественнаго, было еще двойственное. Двойственное число образовалось отъ названій парныхъ предметовъ: уши, очи и пр. и затѣмъ уже начало употребляться для обозначенія вообще двухъ предметовъ. Такъ, отъ рабъ им. пад. двойств. ч. раба — т. е. два раба, но отъ село — селѣ — два селѣ, двѣ рыбѣ, носѣ. Въ русскомъ языкѣ не только два раба, но три, четыре раба. Думаютъ, что здѣсь остатки прежняго двойственнаго числа (хотя онъ и совпалъ здѣсь и особенно въ села, рыбы, ноги съ род. пад. ед. ч.), на что указываютъ отчасти сочетанія съ прилагательными: двѣ гордыя (или — ыхъ) дѣвы.

Уже сказано, что такія слова, какъ рабъ и сынъ, въ

1) Раздѣленіе словъ по родамъ находится въ связи съ древнимъ міровоззрѣніемъ. Неодушевленные предметы представлялись такими же, какъ одушевленные, и имъ придавались свойства послѣднихъ. Въ настоящее время почти невозможно опредѣлить, почему въ одномъ языкѣ приписывался извѣстному предмету одинъ родъ, въ другомъ другой. Особенно странны такіе примѣры, какъ мужчина (по оконч. женск. рода), das Weib, Mädchen (средн. рода).

др.-ц.-слав. языкѣ склонялись разно. Хотя въ именит. пад. окончанія этихъ словъ одинаковы, но основы ихъ различны [1]), почему и получалась разница въ склоненіи:

Единств. число.

Им. п.	раб*ъ*	сын*ъ*
Род.	раб*а*	сын*оу*
Дат.	— *оу*	— *ови*
Вин.	— *ъ*	— *ъ*
Твор.	— *омь*	— *ъмь*
Мѣстный (рус. предложный)	— *ѣ*	— *оу*
Зват.	— *е*	— *оу*

Въ склоненіи образца рабъ мы замѣчаемъ мало отличій сравнительно съ русскимъ. Поражаетъ только винит. падежъ, по окончанію сходный съ именительнымъ, но то же и у насъ, если возьмемъ обозначеніе неодушевленнаго предмета, напр. столъ. Наше окончаніе въ вин. *а*, представляющее совпаденіе съ родит. пад. — явленіе болѣе позднее, но и теперь существуютъ такія выраженія: выйти замужъ (изъ за мужъ).

Уже въ Зогр. Ев. (то же Мар. Ев.) мы видимъ такой примѣръ: видѣ дъва братра симона нарица҃штааго сѧ петра і анъдрѣа҃ братра его. Здѣсь мы видимъ ф. род. братра вм. братръ, но анъдрѣа҃ поставлено въ вин. пад. (отъ аньдрѣа, по оконч. къ склоненію на — *а*).

Какъ объяснить эту постепенно образовавшуюся въ слав.

---

1) Основой, или темой, называется обыкновенно корень + особая связочная часть, къ которой приставляется (невсегда, впрочемъ) окончаніе. Такъ отъ рабъ дат. пад. мн. ч. рабомъ, при чемъ нужно раздѣлить слово такъ: рабо-мъ. Окончаніе *ъ* въ рабъ восходитъ къ первоначальному *о*, а *ъ* въ сынъ къ *оу*.

При опредѣленіи основъ и корня (корнемъ, какъ извѣстно, называется та часть, въ которой заключается словарное значеніе; эта часть образуетъ цѣлую семью другихъ словъ, подобныхъ по значенію) должно быть очень осторожнымъ; корни многихъ словъ сдѣлались уже неясными, первоначальная основа, так. обр., сама производная, съ теченіемъ времени дѣлается для насъ непроизводной, т. е. корнемъ (т. к. корень именно и есть непроизводная основа).

языкахъ замѣну? Здѣсь уже высказано нѣсколько догадокъ. Раньше (Добровскій, затѣмъ Миклошичъ, Лескинъ) думали, что здѣсь желаніе отличить отъ род. пад. множ. числа, имѣвш. то же окончаніе. Затѣмъ (Дельбрюкъ) объясняли это тѣмъ, что форма род. пад., обозначая меньшую пассивность, начала употребляться сначала въ именахъ собственныхъ, дабы так. обр. обозначить именно меньшую подчиненность глаголу, что распространилось и на другія имена одушевленныя (но тогда спрашивается, почему это не распространялось и на имена женскаго рода?). Наконецъ въ послѣднее время (Meillet. Recherches sur l'emploi du genitif-accus. en vieux-slav. P. 1897 г., Мюлленбахъ. Объ употр. род. п. Изв. отд. р. яз. 99, IV) начали усматривать здѣсь вліяніе формъ личныхъ мѣстоименій, именно: ф. мене, тебе, себе, которыя считаютъ ф. не только родительн., но и винит. пад. По Мелье, эти формы сначала повліяли на замѣну формой род. падежа формы винительнаго въ указат. мѣстоименіяхъ и сложномъ склоненіи, а затѣмъ на существительныя. По Мюлленбаху, это вліяніе сказалось непосредственно. Теорія эта не особенно убѣдительна и, кажется, нужно вернуться къ болѣе простымъ объясненіямъ, высказанными еще Добровскимъ, затѣмъ принятыми Миклошичемъ и Лескинымъ.

Въ нашемъ литературномъ языкѣ уже нѣтъ образцовъ, склоняемыхъ какъ сынъ, но зато находятся остатки этого склоненія. Мы говоримъ: много сахару, песку и болѣе сахара... Слѣдовательно, здѣсь языкъ воспользовался имѣвшимся окончаніемъ для показанія оттѣнковъ значенія (въ количественномъ отношеніи — у, качеств. — а). Примѣры употребленія въ род. п. *а* и *у* мы находимъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ.

Въ др.-ц.-сл. яз. дательн. п. отъ такихъ образцовъ, какъ рабъ, имѣлъ иногда вм. *оу—ови*. Въ древне-рус. памятникахъ мы видимъ такія формы: Богови, Давидови и пр. То же наблюдаемъ въ малорусскомъ, а также другихъ славянскихъ языкахъ.

Окончаніе *ѣмь* въ творит. п. ед. ч. отъ основъ — *о* встрѣчается въ древнѣйшихъ ц.-слав. памятникахъ лишь въ Кіевск. Л., въ другихъ же какъ исключеніе. Такъ въ Маріинскомъ Ев., Ассемановомъ Ев., Glagolita Cloz. и Сав. кн. мы видимъ *омь*, *омъ*; *ѣмь* попадается очень рѣдко (единичные случаи) въ Зограф. Ев., Псалтыри и Требникѣ Синайскихъ и особенно

Супрасльской рукописи (по Лескину 10 р. въ Супр. См. грамматику ц.-сл. яз. 70; по Шольвину 13 разъ въ 11 словахъ см. Beiträge). Миклошичъ въ своемъ Formenlehre относительно этихъ окончаній высказывался за древность *ѣмь* передъ *омь*, какъ и въ дательномъ множ. *ѣмъ* передъ *омъ*. Противъ этого возражалъ Шольвинъ въ упомянутыхъ Beiträge . . ., замѣчая, что *омь*, *омъ* — окончанія болѣе употребительныя, чѣмъ *ѣмь*, *ѣмъ* для сущ. основы *о*, что изъ послѣднихъ окончаній нельзя вывести окончанія существительныхъ мягкихъ оконч. — *емь*, *емъ*, выводимыхъ легко при признаніи первоначальности *омь*, *омъ*. Окончанія же *ѣмь*, *ѣмъ*, по Шольвину, возникали подъ вліяніемъ склоненія укового (Archiv für sl. Ph. II, 486—9). О вліяніи укового склоненія говоритъ и Лескинъ (Граммат. ц.-сл. яз. 70).

Въ силу сходства оконч. имен. пад. отьць — пать, мы видимъ въ склоненіи иногда отьцьмь (вм. емь), дат. мн. отьцьмъ (вм. емъ).

Въ русскомъ языкѣ предложный падежъ имѣетъ не только *ѣ* но и *у* (напр., въ лѣсу, но о лѣсѣ).

Множеств. число.

Им. п.	раб*и*	сын*ове*
Род.	раб*ъ*	— *овъ*
Дат.	— *омъ*	— *ѣмъ*
Вин.	— *ы*	— *ы*
Твор.	— *ы*	— *ѣми*
Мѣстн.	— *ѣхъ*	— *ѣхъ*
Зват.	— *и*	— *ове*

Здѣсь уже болѣе отличій и въ склоненіи перваго образца сравнительно съ нашимъ литературнымъ языкомъ. У насъ въ им. п. окончанія *ы* — рабы, которое является какъ бы заимствованнымъ изъ винит. падежа. Род. пад. заимствуетъ окончаніе *овъ*: рабовъ. Для насъ теперь было бы очень страннымъ выраженіе: мъного рабъ и совсѣмъ непонятнымъ такое: народъ (въ смыслѣ толпа) оученикъ. Въ то же время и у насъ имѣются род. пад.: человѣкъ, солдатъ. Въ твор. и предл. въ рус. языкѣ слова какъ рабъ измѣняются по склоненію образца жена.

Вм. сынове — сыновья и въ дальнѣйшемъ склоненіи иначе, чѣмъ въ др.-ц.-сл.; сохраняется, впрочемъ, показатель

прежней основы (*ов* передъ согласной, какъ коупоу-а-ти: коупов-а-ти).

Уже на приведенныхъ примѣрахъ можно представить себѣ исторію образованія различныхъ падежныхъ формъ и ихъ исчезновенія. Такъ какъ такихъ основъ, какъ въ образцѣ сынъ, было мало, то при склоненіи они перешли въ другой разрядъ (это было тѣмъ болѣе легко, что именительные падежи совпадали по окончаніямъ); но, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ нѣкоторыя формы ихъ склоненія были, очевидно, удобны для произношенія или необходимы для показанія извѣстной разницы, то мы видимъ, что эти формы сохранились, а иной разъ даже вытѣснили соотвѣтствующія формы склоненія примѣра рабъ.

Въ двойственномъ числѣ существовали только три формы для различныхъ падежей:

Имен., вин., зват.:	раб*а*	сын*ы*
род., мѣстн.:	—*оу*	—*овоу*
дат., твор.:	—*ома*	—*ъма*.

Если склоненіе образца рабъ будемъ считать первымъ, то къ нему мы отнесемъ также и нѣкоторыя другія существительныя, прежде всего имена средняго рода на *о*, напр., село, иго и пр. Разница въ склоненіи только въ имен., вин. и зват. пад. всѣхъ чиселъ: единств. село, множ. села, двойств. селѣ.

Примѣры рабъ, село, образуютъ такъ называемое твердое склоненіе, а такія слова, какъ краи, конь, поле такъ называемое мягкое. Въ сущности, окончанія послѣднихъ образцовъ въ различныхъ падежахъ будутъ тѣ же, что у предыдущихъ, только съ присоединеніемъ йота или измѣненіемъ подъ вліяніемъ послѣдняго конечной гласной[1]).

	Единств. ч.	Мн. ч.
Им. п.	крак*и*, конь	—*и*
Род.	—*ꙗ*	—*и*
Дат.	—*ю* (т. е. крају, кон'у)	—*ѥмъ*
Вин.	—*и*, —*ь*	—*ꙗ*
Твор.	—*ѥмь* (изъ ѭмь)	—*и*
Мѣстн.	—*и* (изъ ѣ)	—*ихъ*
Зват.	—*ю*	—*и*.

1) Подъ вліяніемъ йота *о* переходитъ въ *е* (село — поле, полјо), ъ—ь (рабъ — конь), ъ—и (рабъ — краи), ѣ—и (о рабѣ, о кони).

Особеннымъ отличіемъ отъ русскихъ формъ является форма вин. п. мн. ч. на — ꙗ.

Двойств. ч. Им., вин., зв. кра*и*
род., мѣстн. —ю
дат., твор. —іема.

Въ среднемъ родѣ имен., зв. единств. ч. — *е*, множ.: ꙗ, двойств.: *и* [1]).

Если возьмемъ такія слова, какъ наши: врачъ, отецъ, то въ др.-ц.-сл. будетъ врачь, отьць, так. обр. по мягкому, хотя въ род. пад. врача, отьца, дат. — оу, но твор. отьцемь, врачемь, род. мн. врачь, отьць, дат. врачемъ, отьцемъ, вин. врача, и пр. Подъ ф. врача, отьца, —оу нельзя еще видѣть отвердѣнія *ч* и *ц*.

Заимствованныя изъ греческаго языка слова на *еи*, *ьи* имѣли въ сущности смѣшанное склоненіе, большинство падежей принимало окончаніе твердаго склоненія. Эта разносклоняемость, напр. архиереи: —еꙗ, —еовъ, —еомъ, объясняется, какъ кажется мнѣ, съ одной стороны удержаніемъ болѣе правильнаго — греческаго произношенія слова, съ другой забвеніемъ этого произношенія и отвердѣнія конечнаго слога, какъ и кесарь и кесаръ, —овъ, —евъ, —ови, —еви и пр.

Имена существ. съ оконч.: *арь* и *тель*: мытарь, жатель измѣнялись по разнымъ склоненіямъ: въ единств. какъ конь, въ нѣкот. падеж. мн. какъ основы на согласные: им. мн. мытаре и мытари, но род. мытарь, дат. мытаремъ, вин. мытара, твор. — ы, *и*.

Въ словахъ средн. р. на иꙗе въ твор. ед. встрѣчается — иимь въ силу уподобленія изъ иꙗемь, рѣже тоже въ дат. мн. иимъ вм. иꙗемъ.

Всѣ перечисленные образцы отнесемъ къ первому склоненію, а образецъ сынъ ко второму. При этомъ замѣтимъ, что ко второму относятся имена существительныя только мужескаго рода, въ количествѣ менѣе десяти (волъ, врьхъ, долъ, домъ, кратъ, медъ, полъ, чинъ).

---

1) Въ рус. яз. очи, плечи, колѣни — суть остатки двойств. числа. Интересно въ этомъ случаѣ различеніе: колѣни и колѣна (послѣднее множ. число). Далѣе: во-очію, двѣсти (изъ дъвѣ—сътѣ) — также формы двойств. числа.

Многія окончанія др.-ц.-сл. склоненій съ точки зрѣнія сравнительнаго языкознанія остаются неясными по своему происхожденію. Такъ въ им. пад. вмѣсто рабъ мы ожидали бы рабо, такъ какъ въ другихъ индо-евр. языкахъ находимъ такія соотвѣтствія: δοῦλος, servus (us изъ os). Потому и выводили и обыкновенно и теперь выводятъ изъ формы винительнаго, въ которой *ŏm, переходя въ um, un (такіе переходы констатируются), дало въ слав. ъ. Впрочемъ, теперь снова выдвигаютъ прежде высказанную гипотезу о возможности выводить изъ ф. именит. падежа: если въ латинскомъ яз. первоначальное *o* переходило въ закрытыхъ словахъ въ ŭ, слѣдовательно подобные же звуки могли послужить прототипомъ для ъ. (См. Б. М. Ляпуновъ. Формы склоненія въ старослав. языкѣ. Одесса 1905).

Съ другой стороны въ ср. р., какъ село и пр. мы ожидали бы окончаніе ъ изъ *ŏm, *o* — же объясняется вліяніемъ мѣстоименнаго склоненія, или объясняли вліяніемъ такихъ словъ, какъ небо, чудо и пр. (только словъ даннаго склоненія какъ мы видѣли слишкомъ мало, чтобы придавать имъ такое значеніе).

Форма род. п. ед. ч. раба, села представляетъ еще больше затрудненій. Выводятъ окончаніе этого падежа и изъ родительнаго пад. другихъ и изъ особаго падежа — аблятива (удалительнаго). Так. обр. въ качествѣ болѣе первоначальныхъ формъ здѣсь фигурируютъ или латин. equo или предполагаемыя измѣненія формъ род. п.: санскр. vr̥kasya — греч. λυκου — изъ λυκοιο — λυκοσιο. Предполагается первоначальное окончаніе так. обр. oio — при выпаденіи средняго звука oo—ō, слав. а.

Какая то неувѣренность проскальзываетъ во всѣхъ этихъ предположеніяхъ или, во всякомъ случаѣ, чрезмѣрная гипотетичность, что значительно ослабѣваетъ общее значеніе этихъ сравненій и заключеній. Много затрудненій здѣсь приходится испытывать въ недостаткѣ связующихъ фонетическихъ переходовъ.

Я приведу Вамъ выдержку изъ статьи проф. Ляпунова, къ каковой и рекомендую обратиться заинтересовавшихся данными вопросами (Формы склоненія . . .), выдержку, которая рельефно можетъ, по моему, обрисовать и характеръ разработки данныхъ вопросовъ.

„Много труда доставило изслѣдователямъ объясненіе формъ

дат. ед. основъ на ă. Лескинъ (Declin. 57—58) написалъ нѣсколько страницъ, стараясь выяснить происхожденіе нашего — *оу* (*у*) въ ст. слов. ф. влько*оу*, село*оу* = рус. волку, селу, но всетаки объясненіе имъ этихъ формъ, какъ формъ мѣстнаго ед. основъ на ŭ, насъ не удовлетворяетъ и страдаетъ большими натяжками. Также нельзя одобрить и позднѣйшихъ мнѣній Бартоломе, Гирта и Штрейтберга, что здѣсь мы имѣемъ какое-то особое образованіе мѣстн. п. съ суффиксомъ — u, которое они видятъ въ греч. нарѣчіяхъ οὖ, ποῦ, ὁμοῦ и т. п. и ст. слов. врѣхоу, долоу и т. п., такъ какъ и это представляетъ натяжку, если не въ фонетическомъ, то въ семасіологическомъ отношеніи; то же слѣдуетъ сказать и о попыткѣ сблизить нашу форму съ др. в. нѣм. творит. wolfu, выводя ее изъ — ōu. Съ другой стороны можно пожалѣть, что изслѣдователи такъ рано отказались отъ естественнаго сближенія съ соотвѣтствующими формами дат. ед. основъ на — ă въ греческомъ, др. индійскомъ и латинскомъ яз. Такое сближеніе и привело Фортунатова къ единственно вѣрному на мой взглядъ объясненію, теперь принимаемому и нѣкоторыми изъ западныхъ лингвистовъ. А именно въ ст. слав. — *оу*, рус. — *у*, праслав. — ŭ формы дат. ед. разбираемыхъ основъ нужно видѣть правильное фонетическое развитіе индо-европ. дифтонга — ăi, въ которомъ является сліяніе конечнаго гласнаго основы — ă съ суффиксомъ дат. ед. — ai или əi, который, какъ увидимъ, ясно обнаруживается въ склоненіи основъ на согласные звуки, при чемъ сліяніе должно быть отнесено ко времени индо-европ. праязыка, какъ это видно изъ формъ др. инд. — āi (только въ мѣстоименіяхъ — tas*māi* = том*оу*, а въ именахъ новообразованіе — āya), греч. — φ, лат. ō, литовск. — ui (λύκῳ, lupō, vilkui). Древностью сліянія объясняется прерывистое качество долготы („schleifender Ton", по выраженію западныхъ лингвистовъ). Между тѣмъ какъ въ латинскомъ, а позднѣе и въ греческомъ яз. въ данномъ дифтонгѣ — ōi (изъ индо-евр. — ăi) совершилось полное преобладаніе первой слоговой части и исчезновеніе второй неслоговой, въ балтійско-словянской вѣтви произошло частію измѣненіе первой части при сохраненіи второй, частію измѣненіе дифтонга путемъ ассимиляціи второго элемента первому. Изъ балтійско-словянскаго — ōi съ прерыв. долготой въ литовскомъ получилось — ûi и далѣе по сокращеніи въ конечномъ слогѣ û — дифтонгъ — ui съ восходящимъ тономъ,

что̀ ясно изъ ударяемаго — ui въ нарѣчіи paskuĩ „послѣ“ (I. F. I, 262). Но тѣ же лингвисты, которые соглашаются видѣть въ литовской формѣ наслѣдіе индо-европейской на $\mathring{a}_{\underset{\frown}{i}}$, все еще затрудняются (Гиртъ, Штрейтбергъ) признать таковое въ формѣ словянской, что̀ однако напрашивается само собою. Ходъ измѣненія — $\bar{o}_{\underset{\frown}{i}}$ на словянской почвѣ могъ быть таковъ: — $\bar{o}_{\underset{\frown}{i}}$ — > $\bar{o}_{\underset{\frown}{u}}$ — > $\bar{o}_{\underset{\frown}{u}}$ — > $\breve{o}_{\underset{\frown}{u}}$, откуда ū, старослов. *оу*, какъ изъ всякаго дифтонга $\breve{o}_{\underset{\frown}{u}}$ (Фортунатовъ, Сравн. фонетика, изд. 1901/2 г., с. 171—172), или, какъ предполагаетъ Петерсенъ (K. Z. XXXVIII, 325), — > $\bar{u}_{\underset{\frown}{i}}$ — > $\bar{u}_{\underset{\frown}{u}}$, откуда $\breve{o}u$ черезъ посредство или $\bar{o}_{\underset{\frown}{u}}$ (дессимиляція до сокращенія), или $\breve{u}_{\underset{\frown}{u}}$ (сокращеніе до диссимиляціи), а изъ $\breve{o}_{\underset{\frown}{u}}$, какъ сказано, праслов. ū, u, ст. сл. *оу*.“

Изъ этого Вы вполнѣ ясно можете убѣдиться, насколько трудно провести связующія линіи между различными морфологическими формами.

Возьмемъ еще для примѣра: изъ предполаг. первоначальн. *oi въ слав. возникаютъ формы рабѣ, (мѣстн. пад.; ср. греч. οἴκοι, лат. domī) и ф. повел. накл. бери (но берѣте, у насъ — берите подъ вліяніемъ бери; ср. греческ. желат., напр. φέροι и пр.). И вотъ прибѣгаютъ къ предположенію о разницѣ долготъ этихъ дифтонговъ или даже разницѣ тоновъ. Ак. Фортунатовъ предполагаетъ въ первомъ случаѣ длительную долготу, во второмъ — прерывистую, но какъ указываетъ проф. Ляпуновъ и въ послѣднемъ случаѣ должна была бы быть длительная долгота.

Въ имен. пад. мн. ч. отъ рабъ — раби, *и* изъ *ъ* (ср. гр. δοῦλοι). Ак. Ягичъ остроумно сравниваетъ эту форму и форму мѣстн. падежа на *ъ* съ данными греч. языка: им. п. мн. ч. θεοί, οἶκοι, δῆμοι и мѣстн. п. οἴκοι, ἰσθμοῖ (Arch. 28-й, 121). Так. обр. дѣйствительно въ подобныхъ случаяхъ могло оказывать вліяніе качество ударенія.

XVII.

Склоненія именъ существительныхъ съ основой на а, и и согласные звуки.

Къ третьему склоненію отнесемъ такія слова, какъ жена.

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им. п.	жена	— ы	— *ѣ*, — *оу*, — *ама*
Род.	— ы	— *ъ*	
Дат.	— *ѣ*	— *амъ*	
Вин.	— ѧ	— ы	
Твор.	— оѭ	— *ами*	
Мѣстн.	— *ѣ*	— *ахъ*	
Зв.	— *о*	— ы	

Изрѣдка въ твор. п. ед. ч. вм. оѭ — ѧ, аѭ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, правда, могла быть описка, особенно въ глаг. памятникахъ.

Здѣсь мы видимъ большое сходство съ нашимъ склоненіемъ, особенно если замѣнимъ ѧ — у.

Если передъ окончаніемъ будетъ йотъ, то образуется опять такъ называемое мягкое склоненіе: здѣсь замѣчаемъ болѣе разницы съ русскимъ языкомъ.

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.	
И.	змиꙗ	змиꙗ	Им., В., З.	змии
Р.	— іа	— и	Р., М.	— ю
Д.	— и	— ꙗмъ	Д., Т.	— ꙗми
В.	— ѭ	— іа		
Тв.	— еѭ	— ꙗми		
М.	— и	— ꙗхъ		
З.	— іе	— іа		

Въ рус. яз. род. един. зми*и*, дат. — *ѣ* (изъ твердаго скл.), звательный пад. кое-гдѣ сохранился въ народномъ языкѣ, напр., въ малорус.: сестрице (или тверд.: жонко, матко). Въ имен., вин. мн. у насъ — *и*.

Интересно сравнить ф. винит. пад. мн. числа: женъı, рабъı — доушѧ, конѧ. Первыя формы, какъ думаютъ, образовались такъ: первоначальное окончаніе ons съ отпаденіемъ *s* и въ силу этого протяженіемъ гласной переходило въ ūn, откуда послѣ потери *n* (такъ какъ въ др.-ц.-сл. всякое слово оканчивалось на гласную) въ ы. Въ мягкихъ же различіяхъ было окончаніе jons, при чемъ подъ воздѣйствіемъ j переходитъ *о* — *е* получается форма на jens, изъ которой по отпаденіи *s* — en — ѧ.

Къ этому склоненію относятся и имена мужескаго рода съ окончаніемъ *а*: владыка, слоуга, собират.: господа, братиѣ (такимъ образомъ отъ господа род. п. господы и пр.).

И такія слова, какъ молнія и пр., должны принадлежать къ этому склоненію. Мужно замѣтить, что въ подобныхъ словахъ др.-ц.-сл. яз. имѣлъ окончаніе *и*: млъніи, рабыни, благостыни. Такихъ словъ, впрочемъ, было немного и они подвергались вліянію им. п. на ѣ (сюда относился даже муж. р., напр. балии — врачъ). Съ этими словами сходятся по оконч. ж. р. причаст. и прилаг. въ сравн. и прев. ст.; а также мѣст. *си*.

Къ четвертому склоненію отнесемъ такіе образцы какъ пѧть и кость, т. е. оканчивающіеся на ъ муж. и женск. рода (на ъ оканчиваются и существительныя перваго склоненія, но разница въ основахъ, пѧть основа на *и*; напр. слову огънь соотвѣтствуетъ лат. ignis, санскр. agnis и пр.).

Склоненіе это особенно въ единств. числѣ мало чѣмъ отличается отъ склоненія подобныхъ же словъ въ русскомъ языкѣ:

	Единств. ч.		Множ. ч.	
И.	пѧть,	кость	пѧтые, ие,	кости
Р.	— и	— и	— ии, ьи	— ии, ьи
Д.	— и	— и	— ьмъ	— ьмъ
В.	— ь	— ь	— и	— и
Т.	— ьмь	— ьѭ, иѭ	— ьми	— ьми
М.	— и	— и	— ьхъ	— ьхъ
З.	— и	— и	— и	— и

Дв. ч. И., в., зв. пѧти кости
— ью, ию — ьѭ, иѭ
— ьма — ьма.

Въ др.-ц.-сл. яз. къ этому же склоненію принадлежали имена муж. р., какъ: гость, господь, голѧбь и нѣк. др., переходившія постепенно въ первое склоненіе; такъ въ др.-ц.-сл. памятникахъ мы уже отмѣчаемъ род. п.: г҃и и г҃а, дат. г҃и и г҃ѣ (т. е. господи, господа, господѣ) и пр. Въ русскомъ языкѣ изъ этихъ словъ теперь только одно слово путь сохраняетъ древнія окончанія.

О колебаніи между *и* и ъ въ формахъ твор. п. мило-

стиѫ — милостьѫ и другими форм. на иѫ и ьѫ мы говорили въ отдѣлѣ фонетики. То же род. п. множ. скврьности и заповѣды. Форма злиı отъ сущ. зъль, или имен. множ. отъ пѧть. Подъ вліяніемъ отчасти такихъ примѣровъ, какъ отьць и др., отчасти въ силу замѣны ь—е получаются формы: пѧтемь, —еи, —емъ, —ехъ.

Къ пятому склоненію отнесемъ такія существительныя, какъ тѣло, род. п. тѣлесе, мати — матере, камъı (рус. камень) — камене, црькъı (р. церковь) — црькъве, жрѣбѧ (р. жеребенокъ) — жрѣбѧте. Тѣлесе, камен, црькъв будутъ основами и такъ какъ основы здѣсь оканчиваются на согласныя, то и называется это склоненіе — склоненіемъ на согласныя (иногда, впрочемъ, выдѣляютъ изъ этого склоненія црькъı, кръı и пр., считая, что ъв есть разложеніе ъı передъ гласными: црькъı + *е* — црькъве, какъ забы-ти — забъвенъ).

Въ склоненіи приведенныхъ образцовъ и въ др.-ц.-сл. яз. не выдержаны формы, и являются онѣ въ смѣшеніи съ окончаніями, заимствованными изъ другихъ склоненій:

	Единств. ч.		Множ. ч.	
И.	камъı [1])	брѣмѧ	камене	брѣмена
Р.	—ене, и		—ъ	
Д.	—ени		—ьмъ	
В.	камень	брѣмѧ	камени	брѣмена
Т.	—ьмь		каменьми	брѣменъı
М.	—е, и		—ьхъ	
З.	камъı	брѣмѧ	какъ имен.	

Двойств. ч. камени, брѣменѣ
—оу
—ьма.

Въ русскомъ языкѣ согласная основа удерживается въ нѣкоторыхъ только существительныхъ, напр., чудо, небо — во мн. ч. чудеса, небеса . . ., дитя въ ед. числѣ: дитяти . . ., мать, дочь: матери, дочери . . . (хотя падежныя окончанія во всѣхъ этихъ словахъ изъ другихъ склоненій).

---

1) камъı изъ *kamans, *kamuns — *kamūn.

Примѣры согласныхъ основъ:

на *н*: а) пламъı, наряду съ этимъ уже въ др.-ц.-сл. яз.: пламень, послѣднее окончаніе постоянно въ словахъ ремень, корень и др.

b) писмѧ, имѧ, сѣмѧ и др.;

на *р*: мати, дъшти

„ *с*: дѣло, чрѣво, слово, диво, оухо и др.

„ *т*: отроча, осьля, жрѣбя (названія молодыхъ животныхъ, у насъ: енокъ)

„ *в*: свекръı, смокъı, хоръгъı, любъı (любовь).

Склоненіе основъ на *ъв*: род. ед. кръве, цръкъве; дат. п. любъвı; вин. п. любъвь; предл. п. любъвı, —е. Въ Зогр. Ев. вин. п. любовь 3 раза (См. Шольв. Arch. f. sl. Ph. II, 524—27. Ср. 542).

По подсчету Шольвина въ древнѣйшихъ ц.-слав. памятникахъ форма тѣла (род. п.) употребительнѣе, чѣмъ тѣлесе (Arch. II, 539). Впрочемъ, въ Зографскомъ Ев. мы встрѣчаемъ 3 раза тѣлесе и 3 раза: тѣла (Ср. стр. 543). Въ Супрасльской же рукописи первая ф. 3 раза, 2-я — 21 разъ. Вообще нѣкоторыя слова на — *с* — смѣшиваются въ склоненіяхъ съ осн. на *о*, какъ село и пр., такъ что наряду съ ф. словесе ф. — слова, словеси — словоу.

Къ склон. на согл. относится склоненіе слова дьнь, при чемъ въ род. п. мн. наряду съ дьнъ — дьни, дьньи, твор. дьньми — дьнъı, въ двойств. дьноу — дьнью.

Изъ склоненія мати отмѣчу — матерьѫ, иѭ, вин. ед. матерь, —*е*; им. мн. — и; род. мн. матеръ, дъштеръ (но одинъ разъ —еи); црькъе — во мн. цркъвамъ, —ахъ, кръе, вин. кръвь, р. мн. кръвии, кръвьи.

Въ нѣкоторыхъ словахъ, не имѣвшихъ согласной основы, отдѣльные падежи заимствовали окончанія изъ склоненія именъ съ основой на согласную, такъ гражданинъ, христіанинъ во множ. числѣ склонялись, какъ камъı.

Миклошичъ въ Vergl. Grammatik считаетъ въ др.-ц.-сл. 6 склоненій: 1) на ъ (изъ о): рабъ, конь, краи; 2) — о: село, поле; 3) — а: рыба, доуша; 4) ъ (изъ у): сынъ; 5) — ь пѫть и 6) на согласн.: матер, кръв . . .

Лескинъ въ своемъ руководствѣ то же 6, такимъ образомъ: на ĭ: пѫть, кость; согласн.; ū (ȳ): цркъı; ŭ (ъ): сынъ; а: жена; о: рабъ.

Разница так. обр. въ томъ, что изъ основъ на согласные выдѣляется разрядъ причисляемый къ гласнымъ на ӯ и съ другой стороны такія слова, какъ рабъ, село подгоняются подъ одно склоненіе.

Такого же дѣленія, какое находимъ у Лескина, придерживается въ своей грамматикѣ Вондракъ только съ инымъ размѣщеніемъ: сначала идетъ склоненіе на *о* и пр.

Я дѣлю на 5 склоненій, потому что во 1-хъ: примѣр. рабъ и село можно отнести къ одному склоненію, какъ дѣлаетъ это Лескинъ, но и кръв отношу къ склон. на согласные, какъ дѣлаетъ то Миклошичъ. Если придерживаться въ этомъ случаѣ точки зрѣнія Лескина, то и въ рус. языкѣ теперь мы должны находить склоненій гораздо болѣе, чѣмъ теперь существуетъ, исходя изъ первоначальныхъ основъ. Вѣдь даже въ имен. пад. основа эта (за един. исключ.) перешла уже въ склон. на согласные, слѣдовательно лучше и не говорить о существованіи отдѣльнаго разряда склоненій въ этомъ случаѣ.

Если бы дѣлить склоненія придерживаяся историческаго принципа, то въ главѣ склоненій можно было бы поставить — склоненіе на согласные. Это своего рода архаическое склоненіе, уцѣлѣвшее въ небольшихъ остаткахъ.

XVIII.

Склоненія мѣстоименій, прилагательныхъ, причастій и числительныхъ.

Склоненія мѣстоименій личныхъ въ др.-ц.-сл. и рус. языкахъ во многомъ сходятся (при чемъ большинство пад. окончаній относятся къ третьему склоненію).

	Единств. ч.			Множ. ч.	
И.	азъ	тъı		мъı	въı
Р.	мене	тебе	себе	насъ	васъ
Д.	мьнѣ, ми	тебѣ, ти	себѣ, си	намъ	вамъ
В.	мѧ, мене	тѧ, тебе	сѧ, себе	нъı, насъ	въı, васъ
Т.	мъноѭ	тобоѭ	собоѭ	нами	вами
М.	мьнѣ	тебѣ	себѣ	насъ	васъ

Двойств. ч.	И.	вѣ	ва
	В.	на	ва
	Р., М.	наю	ваю
	Д., Тв.	нама	вама

Наша форма *я* образовалась, надо думать, путемъ азъ — ıазъ — ıа. Формы мене, тебе, себе существуютъ и теперь въ малорусскомъ нарѣчіи. У насъ форма мѧ, тѧ, сѧ — нѣтъ; послѣдняя форма сохраняется въ такомъ соединеніи: трудиться, возвращаться.

Ранѣе упомянуты попытки объяснить фор. вин. п. раба вм. рабъ вліяніемъ мѣстоим. формъ мене — мѧ, тебе — тѧ, себе — сѧ, которыя теперь разсматриваются нѣкоторыми изслѣдователями какъ одинаковыя первоначально формы. Мене — лит. mene, авест. mana разлагаются на двѣ части: ме + не, при чемъ это не, ne, разсматривается какъ суффиксъ или даже частица для усиленія (какъ латинск.: egone, tibine . . .), а ме собств. форма вин.-род. пад. Послѣдній первоначально предполагается имѣвшимъ двѣ формы: *mem, *tu̯em, *sem (отсюда санскр. mām, tvām, др.-прус. mien, tien, sien, др.-ц.-сл. мѧ, тѧ, сѧ), *eme, *me, *tue, *te, *sue, *se (гр. εμέ, μέ). Въ склоненіи личныхъ мѣстоименій мы отмѣчаемъ также употребленіе въ винит. пад. множ. числа нъи и насъ. Слѣдовательно здѣсь проникновеніе одного падежа въ область другого. При чемъ въ этихъ примѣрахъ съ насъ вм. нъи мы не отмѣчаемъ какой-либо особой выразительности, каковой объясняютъ причины подобныхъ замѣнъ (Ср. Мюлленбахъ объ употребленіи родит. п. вмѣсто винительн. Изв. Отд. р. яз. и сл. 99 г., IV т., 1195).

Обращаемъ вниманіе особенно на нъи имен. п. мн. ч.: въ Кіевскск. Л. нѣтъ мъı, какъ въ др. памятникахъ, а нъи. Въ Сборн. Клоца мы отмѣчаемъ только разъ нı I, 58—59 (нı сокровиште раскопаваемъ), наряду съ 3 раза употр. мъı I 26—27, 49, 53. Если принять во вниманіе, что въ нѣкот. случаяхъ въ Кл. Сб. смѣшивается ъı и ı, напр. несъмыслънı вм. —нъı (зват. п., I, 18), то можно думать, что и мѣст. нı вм. нъı. 2 раза нъı встрѣчается въ Добромировомъ Ев. (См. изд. Ягича Ev. Dobr. Sitzungsber. W. Ak., т. 138, 9). Так. обр. говорить о вліяніи на ф. нъи К. Л. латинскаго мѣстоименія nos, какъ дѣлалъ это Коляржъ (Čas. M. Kr. C., 78, III), конечно, невозможно. Форма эта была отзвукомъ существовавшей въ рѣчи, какъ, напр., современное болг. ни, ние

Прилагательныя неопредѣленныя склоняются также, какъ имена существительныя: муж. и средн. род.: добръ — *о* по первому склоненію, женскаго — добра по третьему. Разница только въ звательномъ падежѣ, который въ прилагательныхъ, за рѣдкими исключеніями, сходенъ съ именительнымъ.

Прилагательныя неопредѣленныя въ сравнительной и превосходной степеняхъ склонялись также, какъ имена существительныя.

Сравнительная степень въ русскомъ языкѣ не измѣняется ни по падежамъ, ни по родамъ: добрѣе. Въ др.-ц.-сл. же мы видимъ измѣненія и по падежамъ и по родамъ, при чемъ окончанія двухъ видовъ: болѣе употребительное — ѣи, ж. р. ѣиши ср. ѣие: добрѣи, добрѣиши, добрѣие, менѣе употребительное: ии, ьши, *е*: дражии (отъ драгъ), дражьши, драже. Таковы же окончанія и въ превосходной степени, только къ началу слова прибавляется наи —: наидобрѣи. У насъ, вмѣсто склоняемыхъ и измѣняемыхъ по родамъ прилагательныхъ въ сравнительной степени, имѣются обороты: болѣе добрый, -ая, ое.

Единств. ч.

Р.[1])	добрѣиша	добрѣиꙗ	
Д.	— оу	— и	
В.	добрѣишь	— ѧ	— е
Т.	— емь	— еⷨ	
М.	— и	— и	

Множ. ч.

И.	добрѣише	— ѧ	— а
Р.	— ь	— ь	
Д.	— емъ	— амъ	
В.	— шꙗ	— шꙗ	— а
Т.	— и	— ами	
М.	— ихъ	— ахъ	

Двойств. ч. И. В. добрѣиша — и — и
— оу — оу
— ема — ама

1) Средній родъ, если не указаны окончанія, какъ въ мужескомъ

Еще примѣры:

Муж. р.	Ср. р.	Ж. р.
драгъ — дражии	— драже	— дражьши
высокъ — вышии	— —е	— —ьши
крѣпокъ — крѣплии	— крѣплие	— крѣпльши
мъногъ — мъножаи	— мъножаіе	— мъножаиши

Основа, какъ видимъ напр. по род. пад. двоякая: ьш и ѣиш. Предполагается, что эти сочетанія возникаютъ изъ jьs, ĕjьs (въ лит. gerēsuis, сравн. ст. отъ geras, прус. muis-ies).

Так. обр. основы сравн. степени показываютъ, что по формамъ склоненія они должны были бы относиться къ основамъ на согласные. Но мы видимъ, что по склоненію на согл. измѣняются лишь нѣкоторые падежи: вин. п. м. р., им. п. мн. ч. м. р.

При образованіи сравн. степени, какъ видимъ, согласныя основы измѣняются подъ вліяніемъ j. Измѣненія бываютъ даже въ томъ, что мы не находимъ въ сравнительной степени цѣлаго суффикса, отмѣчаемаго въ положительной степени. Можно предполагать, что сравн. степень въ подобныхъ случаяхъ стоитъ на болѣе древней ступени образованія. Литов. saldùs говоритъ о первоначальности формы сладъ, так. обр. вполнѣ правильной формой является слаждии; то же крѣплии и пр.

Так. обр. наши формы: крѣпчайшій и пр. являются уже новообразованіями сравнительно съ крѣплии, подъ вліяніемъ формы крѣпъкъ.

Наряду съ чаще употреблявшимся окончаніемъ им. п. м. р. ии встрѣчается болѣе первоначальное ьи, а затѣмъ также и еи: мьньи, мьнии, мьнеи, соулии — соулеи (лучше). Приведенныя слова принадлежатъ къ такъ называемымъ недостаточнымъ (къ нимъ не имѣется положит. степ.), въ такомъ же родѣ: вѧштии (большій), лоучии, оунии (лучшій), рачии, болии, гории (худшій).

Какъ неопредѣленныя прилагательныя въ сравнительной и превосходной степеняхъ, измѣнялись и неопредѣленныя причастія.

Формы причастій др.-ц.-сл. языка также отличаются отъ соотвѣтствующихъ формъ русскихъ.

Причастіе настоящаго времени имѣетъ для именительнаго падежа такія окончанія:

отъ глаг. ведѧ — м. и ср. род. ведъı, ж. ведѧшти
„ „ люблѧ — „ любѫ „ любѫшти

такимъ образомъ вторая форма напоминаетъ наше дѣепричастіе (въ др.-ц.-сл. дѣепричастія не было, это уже позднѣйшее образованіе).

Р. ведѧшти, ведѧштѫ и т. д.

Причастіе прошедшаго времени имѣло слѣдующія формы:

М. и ср. р. ведъ, ж. ведъши
знавъ, „ знавъши
хваль, „ хвальши

Род. п. ведъши и т. д.

(Было еще 2-е причастіе, несклоняемое, измѣнявшееся только по родамъ и числамъ, на лъ: велъ, —а, —о, мн. ч. вели, —ъı, —а, дв. ч. вела, —ѣ, —ѣ).

Разница въ окончаніяхъ причастій наст. времени отъ нес-ти и знати объясняется также, какъ разница въ рабъı, конѫ: несъı изъ nes-on черезъ переходъ on — ūn: знаıѫ изъ znajon — en — ѫ; затѣмъ видѫ, ходѫ изъ — ints, при чемъ ѫ удерживается подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей.

Причастія прошедш. вр. образуются присоединеніемъ 2 кого рода суффиксовъ ъс и въс (послѣдній — если глагольная тема оканчивается на гласную); эти ъс и въс мы видимъ уже въ измѣненномъ видѣ — въ именит. пад. муж. р., въ силу извѣстнаго закона въ *ъ* и *въ* (изъ несъс — несъ; изъ давъс — давъ), въ другихъ падежахъ въ *ъш*, *въш*, въ силу вліянія йотированнаго окончанія (несъс + ıа — несъша; давъсıа — давъша и пр.). Глаголы на *ити*, какъ хвалити имѣютъ наряду съ хваливъ — хваль.

Можно предполагать существованіе двухъ первоначальныхъ окончаній, одно съ *v*, другое безъ *v*. Что это *v* — *в* не было какимъ то вставнымъ въ славянскомъ, какъ думали Миклошичъ (V. Gr. I², 187, II², 328) и Брикнеръ (Arch. III, 269), указываютъ совершенно справедливо приводимые примѣры Шмидтомъ (Zeitschrift f. v. Sp., XXVI, 365 и слѣд.): отъ забъıти — забъıвъ, но забъвенъ, бити — биенъ — бивъ (т. е. если бы дѣйствительно послѣ бъı, би слѣдовалъ гласный звукъ, то мы видѣли бы нѣчто подобное: забъв, разложеніе ъı—ъв).

По склоненію именъ существительныхъ измѣняются числительныя количественныя, только единъ и дъва измѣняются по образцу склоненія мѣстоименія *тъ* (ср. дальше). Неопредѣленныя порядковыя числительныя, всѣ безъ исключенія, измѣняются по первому и третьему склоненіямъ.

Числительныя количественныя отъ 11—19 образуются такъ: единъ[1]) на десѧте, дъва на десѧте... отъ 20—90 дъвадесѧте, тридесѧте, но пѧтьдесѧтъ. Форма десѧте въ первыхъ случаяхъ мѣстный падежъ, во второмъ родительный.

Если мы возьмемъ любой изъ приведенныхъ примѣровъ склоненій и сравнимъ его съ склоненіемъ мѣстоименій (неличныхъ), то увидимъ въ падежныхъ окончаніяхъ большую разницу. Поэтому и установлено предыдущія склоненія называть именными, а слѣдующее мѣстоименнымъ:

	Единств. ч.			Множ. ч.	
	М. р.	Ж. р.	Ср. р.		
И.	тъ (рус. тотъ)	та	то	ти, ты,	та
Р.	того	тоѧ		тѣхъ	
Д.	томоу	тои		тѣмъ	
В.	тъ	тѫ	то	ты, тыı,	та
Т.	тѣмь	тоѭ		тѣми	
М.	томь	тои		тѣхъ	

Двойств. ч.	И. В. та	тѣ	тѣ
	Р. М.	тою	
	Д. Т.	тѣма	

Какъ *тъ*, склонялись мѣстоименія: овъ, —а, —о, онъ, къто, коликъ, толикъ и нѣк. др., числительная единъ, оба, дъва (послѣднія только въ двойств.).

Мѣстоименія же: мои, твои, вашь, нашь, вьсь и нѣкот. др. образовали такъ называемое мягкое мѣстоименное склоненіе. Образцомъ здѣсь можетъ быть приведено мѣстоименіе *и*, котораго нѣтъ уже у насъ.

---

1) Начальному рус. *о* обыкновенновъ др.-ц.-сл. яз. соотвѣтствуетъ ие: олень — иелень, озеро — иезеро.

Единств. ч.				Множ. ч.
И.	и,	ѣ,	іе	и, іа, ѣ
Р.	іего	іеіа		ихъ
Д.	іемоу	іеи		имъ
В.	и,	ѣ	іе	іа, іа, ѣ
Т.	имь	еѣ		ими
М.	іемь	іеи		ихъ

Двойств. ч. ѣ, и, и
іею
има.

Интересно употребленіе сь: оно имѣетъ въ Кіевск. Л. форму сь, сы. Мѣстоименіе это употребляется здѣсь так. обр. въ опредѣленной и неопредѣленной формѣ, при чемъ въ неопредѣленной ф. сь стоитъ послѣ того слова, къ которому относится (даръ сь 2 об. 23, 7 20), а въ опредѣленномъ — передъ (сы даръ 6 2, сы пріносъ 3 об. 1). Если мы обратимся къ другимъ ц.-слав. памятникамъ, напр., Зограф., Мар. Ев., то здѣсь увидимъ такіе примѣры — вь сь вѣкъ (Мат., XII, 32), образъ сь (Марка 12—16 въ Маріин.), образось (Зограф.) и пр. Слѣдовательно, такого разграниченія, какъ въ К. Л., не найдемъ.

Съ другой стороны данныя Зогр. Ев. даютъ намъ возможность пролить нѣкоторый свѣтъ на происхожденіе разныхъ ф. им. п. мн. ч. Такъ для муж. рода: сии и си, для ср. си. Первая форма собственно не отъ сь, а отъ сы или сьи, ей начали отдавать преимущество при употребленіи для отличія отъ ф. средняго рода.

Мѣстоименіе *и* замѣняется у насъ *онъ*. Такимъ образомъ въложи и въ гробъ: *и* здѣсь = его. Иже = нашему который. Отъ мѣстоименія чьто род. п. чесо, дат. п. чьсомоу и чесомоу.

Отмѣчаемъ ничьсоже (ничьсоже сътвориті) въ Кіевск. Л. Въ Зограф. Ев. чесо чаще, чѣмъ чьсо, ничесоже чаще, чѣмъ ничьсоже; въ Ассем. и Сав. исключительно чесо и ничесоже; въ Супр. чьсо чередуется съ чесо, чсо, ч'сого, ничьсоже, нич'соже, ничъсоже, ничесоже, ничсоже (Ср. примѣры, выбр. у Шольвина, Beiträge въ Arch. II, 559—660). Отъ мѣст. къіи: коіего, къіимь, коіемь; мн. ч.: ции — къііа — каѣ.

Мѣстоименіе — *и* въ разныхъ своихъ формахъ присоединялось къ формамъ склоненія прилагательныхъ, напр. добръ-и, добра-ꙗ, добро-ѥ и получались такимъ образомъ прилагательныя опредѣленныя. Изъ формы добръи постепенно, благодаря уподобленію ъ—и, выработалась форма добры и. Склоняя первую и вторую части слова, мы должны бы получать такія формы:

Р. п. добра-ѥго, добръı-ѥѧ,

но добраѥго еще встрѣчается, добръı-ѥѧ уже нѣтъ, а только добръıѧ, вм. добраѥго чаще добрааго, добраго, т. е. формы, образовавшіяся путемъ уподобленія и стяженія. Слѣдовательно, уже въ древнѣйшихъ ц.-слав. памятникахъ отмѣчаются колебанія въ формахъ, показывающія, можетъ быть, путь постепеннаго ихъ образованія (нѣкоторые ученые, впрочемъ, считаютъ форму добраѥго не первоначальной, а возникшей позже путемъ подражанія мѣстоименной).

Д.	доброуѥмоу, —оуоумоу, —оумоу	ѣи
В.	какъ имен.	ѧѫ
Тв.	—ъımь	ѡѫ и ѧѫ
М.	—ѣемь	ѣи

Въ твор. п. мы ожидали бы добромь-имь, а приведенная форма: добръıимь показываетъ, что въ склоненіи этомъ непослѣдовательно проводится законъ — склонять обѣ части соотвѣтственно именному и мѣстоименному склоненіямъ. То же мы видимъ въ множ. и двойств. числахъ.

Множ. ч.

	М. р.	Ср. р.	Ж. р.
И.	добрии	—а	—ъıѧ
Р.		—ъıихъ	
Д.		—ъımъ	
В.	—ъıѧ	—а	—ъıѧ
Т.		—ъıими	
М.		—ъıихъ	

Двойств. ч. И. В. добра, —ѣи, —ѣи
Р. М. —оую
Д. Т. —ъıима.

Мы ожидали бы въ твор. множ. ж. р. добрами-ими, въ двойств. добрама-има и пр. Очевидно, здѣсь измѣненіе формъ вызвано было неудобствомъ произношенія.

Склоненіе прилагательныхъ опредѣленныхъ въ нашемъ литературномъ языкѣ уже во многомъ отличается отъ приведенныхъ образцовъ. Мы пишемъ, правда, также: добраго, но произносимъ добраво, доброво, доброго, а аго заимствовано изъ др.-ц.-слав. яз. Такое же заимствованіе — окончаніе множ. числа, ж. и ср. р., такъ какъ въ языкѣ нашемъ нѣтъ подобнаго различія. Въ нашихъ народныхъ говорахъ имѣются такія окончанія, какъ: глубокіихъ, торговыимъ.

Въ мягкомъ склоненіи мы видимъ соотвѣтствующія измѣненія: искрьньи (ии), — ꙗ-ꙗ, — іе-іе и т. д.; въ мѣстн. пад. вм. искрьни-іемь, искрьниимь.

По примѣру прилагательныхъ опредѣленныхъ измѣняются опредѣленныя прилагательныя въ сравнительной и превосходной степеняхъ, опредѣл. причастія, опред. порядковыя числительныя (и даже нѣкоторыя мѣстоименія, напр. отъ къ—къіи):

дражии — дражьшиꙗ, добрѣи — добрѣишиꙗ,
несъіи — несѧштиꙗ, любѧи — любѧштиꙗ,
прьвъіи . . . .

По употребленію формъ прилагательныхъ („стяженныхъ“ или „нестяженныхъ“) памятники расходятся.

Въ Кіевск. Л. мы видимъ стяженныя формы въ склоненіи прилагательныхъ. Въ этомъ отношеніи К. Л. особенно сходятся съ Клоцовымъ Сборникомъ. Въ Клоцовомъ Сбор. лишь изрѣдка попадаются формы съ ааго, аего (1 разъ), ыимъ (2 р.). Но съ другой стороны, мы можемъ провести нѣкоторую аналогію здѣсь и съ другими памятниками, имѣющими формы ааго, оуоумоу, или употребляющими эти формы наряду съ аго, оумоу, омоу. Дѣло въ томъ, что надъ стяженными формами прилагательныхъ въ К. Л. иногда поставлены значки, въ которыхъ мы видимъ обозначеніе долготы. Слѣдовательно, въ ф. чьстнаго мы видимъ отчасти то же своего рода чьстнааго, въ ф. блаженоумоу — блаженоуоумоу и пр. Интересенъ въ этомъ случаѣ примѣръ вьсемогъіи: писецъ поставилъ здѣсь по ошибкѣ ъи и потому сейчасъ же дополнилъ еще і. Этотъ

примѣръ можетъ вполнѣ освѣщать произношеніе такихъ ф., какъ милостивъı и пр.

Въ Зогр. и М. Ев. формы стяженныя и нестяженныя, при чемъ здѣсь извѣстное разнообразіе въ употребленіи этихъ формъ. Такъ, напр., въ Мар. Ев. род. пад. обыкнов. ааго, но дат. оумоу (рѣдко оуоумоу). То же въ Ассем., въ кот. нестяженныя формы употребляются очень послѣдовательно. Въ Савв. кн. — стяженныя формы, въ Супрасл. — стяж. и нестяж.

Особенно трудно разобраться въ вопросѣ, какъ произносилось окончаніе им. п. м. р. ед. ч., имѣвшее въ разныхъ памятникахъ видъ: ъи, ъı, ъі, ъıи.

Сохранялось ли еще первоначальное произношеніе въ ф. добръı — добръ+ı или уже подъ форм. ъı слошь и рядомъ нужно понимать лишь неточное обозначеніе дальнѣйшей ступени, выразившейся болѣе точно въ передачѣ ъıи? По-видимому, здѣсь могли быть и колебанія, могло быть отраженіе посредствующихъ ступеней. О чемъ могутъ свидѣтельствовать изрѣдка попадающіяся замѣны, напр., лѧкавои, грѣшьнои (Син. Пс.) и пр.

Въ ф. твор. п. ед. ч. ж. р. мы встрѣчаемъ изрѣдка — ѧѭ вм. оѭ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ здѣсь могли быть описки, но что не всегда можно видѣть описки указываетъ Супрасл.-рук., гдѣ эта форма является наряду съ изрѣдка употребл. также формой тв. пад. отъ существительныхъ женск. род. на *а*.

Если подъ окончаніями ъı, ъи, ъі могли въ сущности скрываться иногда звуки ъıи, то слѣдовательно возможно иногда соотвѣтствіе въ звуковыхъ переходахъ въ изображаемыхъ графически не одинаково формахъ падежей множ. числа: добръихъ и мягк. вышьниихъ. Весьма возможно, что на графикѣ отразилось вліяніе написанія им. пад. ед. ч. Формы же на ьи встрѣчаются очень рѣдко.

XIX.

Спряженіе глаголовъ.

Спряженіе др.-ц.-сл. глаголовъ во многомъ отличается отъ спряженія глаголовъ въ русскомъ языкѣ. Въ др.-ц.-сл. яз. есть такія формы, которыхъ совершенно не знаетъ рус-

скій языкъ, разница есть и въ существующихъ тамъ и тамъ формахъ.

Прежде всего обращаетъ вниманіе разница въ выраженіи прошедшаго времени. Мы имѣемъ только одно прошедшее время: я пѣлъ, ты пѣлъ..., при чемъ измѣненіе формъ этого времени отличается отъ измѣненія въ формахъ настоящаго времени, къ которымъ даже можно не прибавлять я, ты...: несу, несешь...

Въ др.-ц.-сл. яз. цѣлый рядъ прошедшихъ временъ: здѣсь есть нѣсколько видовъ т. н. аористовъ, преходящее (imperfect.), прошедшее, давнопрошедшее.

Соотвѣтственная форма нашему прошедшему выражается такъ: азъ іесмь пѣлъ, тъı іеси пѣлъ... Такимъ образомъ въ русскомъ языкѣ отсутствуетъ вспомогательный глаголъ: іесмь, іеси, іестъ, іесмъ, іесте, сѫтъ (въ др.-ц.-сл. были, конечно, и здѣсь формы двойств. числа: іесвѣ, т. е. мъı оба, іеста (вы оба) іесте — іеста, они оба). Сама же форма пѣлъ — 2-е причастіе прошедшаго времени. Выходитъ такимъ образомъ, что сказанная фраза значила первоначально какъ бы: я есмь пѣвшій. Теперь мы ей не придаемъ такого значенія и причастныя формы пѣлъ уравниваются у насъ по значенію съ другими глагольными формами.

Если вмѣсто іесмь... возмемъ прошедшее отъ глагола бъıти — бѣахъ или бѣхъ, то въ соединеніи съ указаннымъ причастіемъ получается такъ называемое давнопрошедшее (plusquamperfeectum). Это прошедшее показывало, что дѣйствіе или состояніе было ранѣе другого дѣйствія или состоянія, уже прошедшихъ.

Формы прошедшаго: пришьлъ іесмь сводятся, въ сущности къ настоящему времени: я пришелъ, слѣдовательно: я нахожусь здѣсь. Такое значеніе настоящаго времени имѣли эти прежнія прошедшія.

Если точка зрѣнія переносится на прошедшее, то получаются такія соединенія пришьлъ бѣахъ (бѣхъ), такъ называемое давнопрошедшее время, по значенію, въ сущности, прошедшее (какъ аористъ).

Подъ вліяніемъ этихъ сложныхъ формъ образуется и 2-я форма будущаго: наряду бѫдѫ, начьнѫ, имамь, хоштѫ — видѣти, — видѣлъ (по значенію не различающіяся).

Насъ можетъ съ перваго взгляда поражать эта способность различать оттѣнки, способность, которой не наблю-

дается теперь у насъ. Разнообразныя формы аориста, имперфектъ, перфектъ и плюсквамперфектъ, 2-я форма будущаго (какъ бы будущее совершенное и несовершенное) — все это обнаруживаетъ въ древн.-ц.-слав. глаголѣ стремленіе къ выраженію наибольшей точности.

Эта точность создавалась постепенно, здѣсь нельзя искать сознательнаго желанія говорящаго отмѣчать различные пункты въ прошедшемъ и будущемъ.

Формы эти слагались постепенно. Не въ ихъ числѣ заключается богатство языка. Если въ дальнѣйшемъ языкъ развивается, то число этихъ формъ уменьшается потому, что ихъ разнообразіе мѣшаетъ внутренней работѣ языка.

Есть данныя, что въ древнѣйшихъ памятникахъ ц.-слав. языка уже нѣтъ чутья къ различенію прошедшаго сложнаго отъ аориста: въ Супр. рук.: васъ не земля покрыла ни небо приѧтъ (приѧтъ = прия; при покрыла даже естъ пропущено) 72, 11. Затѣмъ — вмѣсто греческаго аориста попадается въ переводѣ прошедшее сложное.

Будущее, кромѣ упомянутыхъ сочетаній, образовалось, какъ и у насъ, отъ такъ наз. перфективныхъ глаголовъ формой настоящаго времени: възьмѫ, дамь и пр.

Трудно подыскать правила, которыми руководились, ставя прошедшее время или тотъ или другой аористъ. Такъ какъ древнѣйшіе памятники переводные, то много зависѣло отъ греческаго текста, греческаго языка, въ которомъ, впрочемъ, употребленіе различныхъ формъ аористовъ также трудно поддается опредѣленію.

Если языкъ различалъ оттѣнки въ прошедшемъ (прошедшее и давнопрош.), то, очевидно, стремился къ выраженію большей точности. То же, напр., есть въ другихъ родственныхъ языкахъ, но также постепенно начинаетъ исчезать давнопрошедшее. Выраженіе дѣлается болѣе неопредѣленнымъ, но отъ этой неопредѣленности выигрываетъ наше мышленіе. Здѣсь происходитъ то же, что при образованіи понятія изъ представленій. Чѣмъ отвлеченнѣе понятіе, тѣмъ скорѣе орудуетъ имъ наше мышленіе.

Формы прошедшаго и давнопрошедшаго употреблялись сравнительно рѣдко, несравненно чаще были употребляемы аористы и преходящее.

Напр., отъ гл. несѫ: такъ называем. простой аористъ:

Единств. ч.	Множ. ч.	Дв. ч.
1 л. несъ	несомъ	несовѣ
2 л. несе	несете	несета
3 л. несѧ	несѧ	несете (та)

И у насъ есть ф. нёсъ въ качествѣ прошедшаго, но эта форма образовалась изъ причастной.

Аористъ простой образовывался отъ глаголовъ типа вес-ти, миг-нѧ-ти (при чемъ если передъ нѧ — согласная; так. обр.: мигъ, двигъ и пр.; послѣднія формы указываютъ на первонач. ф. неопредѣл. наклоненія: миг-ти). Этотъ аористъ считается древнѣйшимъ. Бо́льшее число употребленія формъ этого аориста находится въ Мар. Ев. (222), затѣмъ въ Ассем. (142), а затѣмъ уже въ Зогр. Ев. (123), Син. Пс. (86), Савв. кн. (66).

Отъ тѣхъ же глаголовъ образуется аористъ на *хъ* съ соединяющимъ суффиксомъ *о*: несохъ, двигохъ. Формъ этого аориста въ Мар. Ев., Син. Пс. и Клоц. Сборн. мы совсѣмъ не находимъ. Въ Супрасл. наоборотъ: этотъ аористъ почти исключительно употребляется, преобладаетъ въ Саввиной кн., въ Зограф. Ев. почти въ одинаковомъ числѣ съ аористомъ простымъ.

Сложный аористъ.

1	несохъ	несохомъ	несоховѣ
2	несе	несосте	несоста
3	несе	несошѧ	несосте (та)

Былъ второй видъ этого сложнаго аориста: нѣсъ, несе, несе (т. е. замѣна аор. простымъ), нѣсомъ, нѣсте, нѣсѧ, нѣсоховѣ, —сте, —сте.

Не отъ всѣхъ глаголовъ образовались троякія формы аориста. Главнымъ образомъ употреблялся аористъ на *хъ*, при чемъ если глагольная основа оканчивалась на гласную, то *хъ* приставлялись къ этой гласной: глаголахъ, вивидѣхъ, хвалихъ.

Въ памятникахъ колеблются формы аор.: поѧхъ — поѧсъ, възѧхомъ — прiѧсомъ, възѧша — възѧса, пропѧша — распѧса и пр., т. е. въ глаголахъ на носовую гласную колеблется форма съ *с* и съ *х*. Весьма вѣро-

ятно, что форма съ *х* здѣсь болѣе поздняя и образовалась, какъ предполагаетъ Видеманъ подъ вліяніемъ ф. дахъ, бихъ и пр., хотя здѣсь неустраненными являются противорѣчивыя данныя въ примѣрахъ исключительно аориста на *х* отъ глагол. минѫ-ти, доунѫ-ти и пр.

Въ 3 л. ед. ч. аориста, если корень глагола оканчивается на гласную, прибавляется *тъ* (здѣсь сказывается вліяніе настоящаго времени): начѧтъ, оумьрѣтъ, питъ, сдѣлатъ и пр. Гораздо рѣже отмѣчается приставка *тъ* къ 3-му л. имперфекта: можаашетъ и др.

Преходящее (прошедшее несовершенное) образовывалось посредствомъ окончанія ѣахъ или ѣхъ:

1 несѣахъ, несѣхъ, несѣахомъ, —ѣхомъ, несѣаховѣ — ѣховѣ
2 несѣаше, несѣше, несѣашете, —ѣшете, —ашете — ѣшете
3 несѣаше, —ѣше, несѣахѫ, —ѣхѫ, —ашете — ѣшете

Преходящее или имперфектъ древне-церк.-слав. памятниковъ уже не разъ останавливалъ на себѣ вниманіе изслѣдователей и все же до сихъ поръ происхожденіе этой формы остается неразрѣшенной загадкой. Создался лишь цѣлый рядъ теорій, иногда совершенно исключающихъ другъ друга. Приходится поэтому, приступая къ изученію слав. имперфекта, начинать съ исторіи разработки даннаго вопроса и установить, что остается болѣе или менѣе цѣннымъ въ создавшихся научныхъ теоріяхъ.

Но излагать здѣсь разнообразныя мнѣнія я не буду, сошлюсь на свою статью объ „имперфектѣ“. Главные вопросы въ томъ, какая изъ формъ древнѣйшая — стяженная или нестяженная, представляетъ ли слав. имперфектъ новообразованіе, форму развившуюся на слав. почвѣ или можно провести параллели и съ формами другихъ языковъ, найти тамъ нѣчто аналогичное?

При разрѣшеніи этихъ вопросовъ работа должна прежде всего быть посвящена разсмотрѣнію того матеріала, который даютъ древнѣйшіе ц.-слав. памятники относительно имперфекта. Но подобный подсчетъ не могъ бы привести къ рѣшающимъ доказательствамъ древности той или другой формы, т. к. въ др.-церк.-слав. памятникахъ мы имѣемъ дѣло уже съ различными нарѣчіями и формы болѣе позднія по своему происхожденію могли попасть въ первоначальную литератур-

ную обработку. Общія же наблюденія надъ др.-ц.-слав. памятниками говорятъ лишь о томъ, что ф. ѣахъ и аахъ многочисленнѣе формъ ѣхъ и ахъ. Затѣмъ, подобныя наблюденія, какъ ак. Ягича, что ф. дѣлахъ чѣмъ несѣхъ могутъ указывать на возникновеніе дѣлахъ изъ дѣлаахъ. Занимаясь спеціально Зогр. Ев. и сравнивая данныя относительно имперф. съ данными Мар. Ев., я пришелъ къ тому заключенію, что въ оригиналахъ этихъ памятниковъ были формы нестяженныя (какъ и относительно прилагательныхъ), и что стяженныя вносились позднѣйшими переписчиками. Совокупность разныхъ данныхъ, какъ-то: преобладаніе, или, лучше, господство полныхъ формъ въ большинствѣ древнѣйшихъ ц.-слав. памятниковъ, естественность перехода болѣе полныхъ въ стяженныя, исторія этихъ формъ въ слав. нарѣчіяхъ заставляютъ насъ склониться вполнѣ къ признанію ф. несѣахъ, горѣахъ и пр. болѣе древними и болѣе первоначальными, чѣмъ несѣхъ, горѣхъ.

Устанавливая за формами несѣахъ, горѣахъ и пр. древность сравнительно съ ф. несѣхъ и пр., мы затѣмъ встрѣчаемся съ вопросомъ образованія этого времени: отъ темы ли настоящаго времени, какъ думалъ Миклошичъ, или отъ темы настоящаго и неопредѣленнаго наклоненія, какъ думали нѣкоторые другіе изслѣдователи. Для рѣшенія этого вопроса, кромѣ установленія древности ф., какъ коуповаше или коупоуаше, необходимо прежде всего опредѣлить, что такое представляется въ формахъ имперфекта окончаніемъ, нужно ли дѣлить: несѣ-ахъ или нес-ѣахъ и пр.? То обстоятельство, что формы имперф. имѣютъ окончанія ѣахъ и аахъ, заставляетъ видѣть здѣсь чисто имперфектное окончаніе ахъ, а *ѣ* и *а* относить къ данной темѣ глагола. Говорить, что это *ѣ* въ несѣ есть удлиненіе *е*, мы не имѣемъ никакого права, такъ какъ въ другихъ глаголахъ мы не видимъ при образованіи имперф. формы никакого удлиненія, слѣдовательно вѣрнѣе гораздо предположить, что *ѣ* въ данномъ случаѣ перенесено откуда-то извнѣ. Беря такіе примѣры, какъ одѣти — одѣхъ и одѣати — одѣахъ, мы послѣднія формы можемъ приравнять къ нашимъ одѣлъ и одѣвалъ. Зная также, что одѣати форма позднѣйшая сравнительно съ одѣти, мы можемъ думать, что и аористная форма отъ этого глагола, уже плодъ так. обр. славянскаго новообразованія, обозначавшая длительность соотвѣт-

ственно своему виду, могла въ образованіи своихъ окончаній пойти особымъ своеобразнымъ путемъ, подвергаясь, конечно, и извѣстнымъ вліяніямъ. Именно здѣсь прежде всего эта форма пріобрѣла имперфектность, т. к. въ другихъ глаголахъ, можно думать, имперфектность заключалась въ одной изъ формъ аориста, который не имѣли глаголы, подобные одѣти, оумѣти и пр.; я думаю, что таковой формой была — вѣсъ, басъ и пр., т. е. съ измѣненіемъ корневой гласной. Что первоначальность въ образованіи новой формы являлась именно въ глаголахъ типа одѣти и пр., даже передъ глаголами на ати, показывать можетъ и то, что глаголамъ летати и пр. есть соотвѣтств. еще лѣтати и пр., что облегчало возможность обходиться существующими формами. Разъ новая форма возникла прежде всего отъ глаголовъ на ѣати, нѣтъ ничего удивительнаго, что окончаніе ѣахъ переходило и къ другимъ глаголамъ, когда съ одной стороны забывалось значеніе вѣсъ сравнительно съ весъ и пріобрѣталась все большая и большая выразительность новой формой. Кромѣ того распространенію формы ѣахъ, а не аахъ (образовавшагося отъ глаг. продаати и пр.) способствовало несомнѣнно и существованіе *е* въ настоящемъ времени. Послѣднее повліяло и на образованіе двоякихъ формъ отъ глаг. коуповати.

Можетъ показаться страннымъ, почему глаголы съ основой на *ѣ* первые дали начало имперфекту своей новой уже болѣе распространенной формѣ, именно съ *ѣа*, страннымъ потому что сама основа на *ѣ* уже обозначала извѣстнаго рода длительность. Можетъ, приходить вопросъ, не получила ли ф. одѣати начало отъ имперфекта, а не наоборотъ. Для подтвержденія своихъ мыслей я долженъ коснуться исторіи постепеннаго развитія глагольныхъ основъ въ старо-славянскомъ языкѣ. Извѣстны дѣленія глаголовъ на классы Миклошича по темѣ неопредѣл. наклоненія, Лескина — по темѣ настоящаго времени, но въ дѣленіяхъ этихъ мы не видимъ, чтобы проведенъ былъ строго принципъ историческій. Нѣкоторое улучшеніе въ дѣленіе этого вноситъ попытка В. Добровскаго, но и она имѣетъ свои недостатки, также и по отношенію общаго упомянутаго принципа. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ трудно провести этотъ принципъ въ тѣхъ спутавшихся различныхъ формъ. Слѣдуя принципу, что чѣмъ проще глагольная основа, тѣмъ она древнѣе, къ числу наи-

болѣе древнихъ формъ мы отнесемъ глаголы, какъ вѣмь, дамь, ѣсмь, ѧмь. И въ области этихъ древнѣйшихъ глаголовъ произошли коренныя измѣненія, какъ отъ вѣмь неопр. нак. вѣдѣти, очевидно, подъ вліяніемъ глаголовъ позднѣйшаго образованія. Къ числу древнѣйшихъ глаголовъ мы должны отнести затѣмъ всѣ безсуффиксные. Но и тутъ опять таки мы находимъ измѣненія по пути заимствованія суффиксовъ, особенно *a*, напр., бѣжати вм. бѣгти (ср. лит. bẽgti) и пр., отчасти нѫ (при чемъ присоединяя суф. *н* въ настоящ. врем. нѣкоторые глаголы сохраняютъ и первоначальныя формы неопр. наклоненія, напр., станешь — стати, но сохнѫти, зато засохъ). Глаголы на ѣти являются также уже производными, на это ясно указываютъ параллели изъ литовскаго языка: въ послѣднемъ наряду съ kalėti, bìrėti существ. еще kálti, bérti. Разъ въ слав. были утеряны въ этомъ случаѣ формы безсуффиксныя и удержались лишь производныя, то нѣтъ ничего удивительнаго, что терялся оттѣнокъ разницы имени длительность, для возстановленія этой длительности, имперфектности и послужилъ суффиксъ *a*, который и въ другихъ случаяхъ обслуживалъ эту роль.

Окончанія ѣаше и проч. возникли несомнѣнно изъ ѣахъ, какъ изъ исходной точки, подъ вліяніемъ окончаній аориста I, потому и сравнивать непосредственно ихъ съ какими либо окончаніями другихъ индо-европейскихъ языковъ не представляется возможнымъ.

Въ соединеніи съ аористомъ отъ глагола бъıти — бıхъ образуется условное наклоненіе, при чемъ измѣняется такимъ образомъ:

Ед. ч.		Мн. ч.	
1 бıхъ		бıхомъ	
2 бы	възѧлъ, -а, -о	бысте	възѧли, -ы, -а
3 бы		бышѧ	

Дв. ч.

1 бıховѣ	
2 быста	възѧла, -ѣ, -ѣ
3 бысте (а)	

У насъ остатокъ въ частицѣ бы. Кромѣ бıхъ упо-

треблялась еще другая форма, считаемая даже болѣе древней — бимь, би, би, бимъ, бисте.

Само быхъ . . . изъявительное наклоненіе. Этотъ переходъ изъявит. прош. времени для обозначенія условности, можетъ быть, коренится, какъ предполагалъ Потебня, въ томъ, что прошедшее и условное имѣютъ нѣчто сходное, а именно обозначеніе существующаго только въ мысли, а не въ дѣйствительности.

Какъ приходилось намъ уже видѣть, неопредѣленное наклоненіе оканчивалось на ти. И у насъ сохраняется эта форма, если на ти находится удареніе: нести́, вести́. Тоже въ повелительномъ наклоненіи: въ др.-ц.-сл. — *и* и рус. (при удареніи) неси́, веди́ (но встань, др.-ц.-сл. въстани). Въ повелительномъ наклоненіи мы видимъ такія формы:

1		несѣмъ	несѣвѣ
2	неси	несѣте	несѣта
3	неси		

Если не принимать во вниманіе несуществующихъ въ русскомъ языкѣ формъ, то окажется, что разница между др.-ц.-сл. и рус. несѣте — несите, рус. *и* позднѣйшаго происхожденія подъ вліяніемъ неси́, какъ встаньте подъ вліяніемъ встань (а ъ изъ *и*). Отъ такихъ глаголовъ, какъ пекѫ, могѫ повел. пеци, мози (а въ рус. уже пеки).

Въ неопредѣленномъ наклоненіи благодаря стеченію согласныхъ образуются измѣненія въ корнѣ: губные *б*, *п*, *в* обыкновенно выпадаютъ: жив, жи-ти; грѣб, грѣ-ти; тѣп, тѣ-ти (бить). Вѣроятно, благодаря аналогіи образовались такіе случаи, какъ тѣп-сти; съ другой стороны подъ вліяніемъ тѣ-ти и тѣп-сти могла образоваться ф. тѣсти. Если у насъ гребти, то это благодаря измѣнившимся законамъ сочетанія и благодаря вліянію формъ съ темой настоящаго времени. *Н* исчезаетъ передъ *т*, *д*, *п*, *б*: тонѫти (топи́ти), възбънѫти (пробуждать, бъдѣти — бодрствовать) и пр. *Д* и *т* передъ *т* переходятъ въ *с*: плести.

Въ глаголахъ, въ которыхъ тема настоящаго *іе*, 1 и 2 л. повелит. наклоненія наряду съ вполнѣ послѣдовательно образованными окончаніями имъ, ите (изъ jѣмъ, jѣте; ср. рабѣхъ — конѣхъ), имѣются и формы съ ѣмъ и имъ, ѣте ате: пиите, иштите, глйте и др., пимте, иштате, глѣте, емлѣте и др.

Въ др.-ц.-сл. яз. существовала еще форма, близкая къ неопредѣленному наклоненію, оканчивавшаяся на тъ: датъ, ловитъ и пр., это такъ называемое наклоненіе достигательное.

Употреблялась эта форма послѣ глаголовъ движенія: идѫ рѣбѫ ловитъ (называлась она еще — супинъ по образцу соотвѣтствующей латинской формы).

Спряженіе настоящаго времени представляетъ меньше отличій сравнительно съ русскимъ:

	Ед.	Мн.	Дв.
1	несѫ	несемъ	— евѣ
2	несеши	несете	— ета
3	несетъ	несѫтъ	— ете

Кромѣ этихъ окончаній, въ др.-ц.-сл. яз. сохранились другія, считаемыя болѣе древними, но лишь въ нѣсколькихъ глаголахъ: упомянутое уже iесмь, дамь, ѣмь (рус. ѣмъ), вѣмь. И въ русскомъ литературномъ языкѣ имѣются дамъ, ѣмъ, но спряженіе уже иное. Въ малорусскомъ языкѣ имѣется форма 2-го лица дасй. Въ выраженіи: Богъ вѣсть сохраняется 3-лицо, только окончаніе русское ъ (а въ др.ц.-сл. ъ).

Въ спряженіи древнѣйшихъ („архаическихъ“) глаголовъ окончанія присоединяются прямо къ корню, при чемъ послѣдній иногда измѣняется. Такъ, отъ глаг. вѣмь: наст. вр. ед. ч.: вѣмь, вѣси, вѣстъ, дв. ч.: вѣвѣ, вѣста, вѣсте, мн. ч.: вѣмъ, вѣсте, вѣдѧтъ; повел. накл.: ед. ч. 2 л. вѣжды, дв. ч. 1 л. вѣдивѣ, 2—3 вѣдита, мн. ч. вѣдимъ, вѣдите; преходящ. вѣдѣахъ, аор.: вѣдѣхъ. Наряду съ вѣмь употребляется другая форма вѣдѣ = гр. οἶδα, т. е. остатокъ perfect'a съ его прежнимъ значеніемъ настоящаго (вѣдѣ: я узналъ и слѣд. въ наст. минуту я знаю). Неопр. наклоненіе вѣдѣти, но здѣсь можно задаться вопросомъ, не будетъ ли это новообразованіе: по нѣкоторымъ остаткамъ языка можно думать, что первоначальной формой могло быть вѣсти (напр.: из-вѣст-но).

Наст. вр. глаг. дамь: дамь, даси, дастъ, давѣ, даста, дасте, дамъ, дасте, дадѧтъ. Наши формы: дашь, какъ ѣшь, ведешь; дадимъ, какъ ѣдимъ или могло сказаться вліяніе повелит. наклоненія, наше: дадутъ какъ ведутъ. Повел.

наклон.: 2. даждь, 3. даждь, дв. ч. 1. дадивѣ, 2. дадита, мн. ч. 1. дадимъ, 2. дадите. Преход.: дадѣахъ. Аор.: дахъ, да (дастъ), да (дастъ), даховѣ, даста, дасте, дахомъ, дасте, даша. Прич. дадъı, давъ, далъ, данъ.

Отъ іесмь, наст. вр.: іесмь, іеси, іестъ, іесвѣ, іеста, іесте, іесмъ, іесте, сѫтъ. Повел. накл. отъ другого корня 2. 3. бѫди, 1. бѫдѣвѣ, 2. бѫдѣта, 1. бѫдѣмъ, 2. бѫдѣте. То же аор.: бъıхъ, бѣхъ (послѣдн. форма можетъ быть отнесена къ преходящему), преход. бѣахъ; прич. бывъ, былъ.

Отъ гл. ѣмь: ѣси, ѣстъ и пр. У насъ ѣмъ, при чемъ *ть*, очевидно, позднѣйшаго происхожденія, т. к. корень *яд* сохраняется въ словѣ яденіе. Наше ѣшь подъ вліяніемъ формъ другихъ глаголовъ; наши ѣдимъ (ѣмъ), ѣдите (ѣсте), можетъ быть, подъ вліяніемъ 3-го лица. Повелит.: ѣжды . . . Аор. ѣсъ, ѣстъ, ѣстъ . . . ѣсѧ и ѣхъ . . . ѣша. Прич. ѣдъı . . .

Къ архаическимъ относится и недостающій глаголъ сати, въ значеніи inquit.

Вмѣсто *мь* 1 л. архаич. глаголовъ встрѣчается окончаніе *мъ* (въ нѣкот. памятникахъ даже преобладаетъ это окончаніе: въ Ассем. Ев. на 15 — мь 138 — мъ, въ Супрасл. рук. на 6 — мь 143 — мъ, въ Мар. Ев. на 46 — мь 119 — мъ). Наряду съ этимъ изрѣдка въ 1 л. мн. ч. всѣхъ глаголовъ вмѣсто *мъ*—*мь*, иногда *мъı* (послѣднее очевидно подъ вліяніемъ мѣстоименія *мъı*).

Въ архаич. глаголахъ 2 л. ед. ч. на *си*, въ остальныхъ глаголахъ на *ши*. Предполагается, что *ш* возникло изъ *с* находившемся между двумя гласными. Впрочемъ, здѣсь далеко не все представляется яснымъ: не только этотъ переходъ *с* въ *ш* между двумя гласными (такъ какъ *с* могло быть въ славянск. между двумя гласными, напр.: доуси и пр.), но и само возникновеніе окончанія *и*, такъ какъ по данным сравненія съ другими языками окончаніе должно было бы быть *ъ*.

Въ 3 лицѣ ед. числа изрѣдка *ть*, иногда отпаденіе *ть*, напр. достои (Зогр. Ев. Марк. 3$_4$), *е* (вмѣсто естъ. З. Ев. I. 21$_{22, 23}$, Кл. Сб. 82, 87, 128, тоже въ Мар. Ев., Псалт. и пр.), нѣ, бѫде и пр. (См. подроб. перечисленіе у Видемана Beiträge zur altbulg. Conjugation. Petersb. 1880). Эти примѣры съ отпаденіемъ *ть* заставляютъ ак. Ягича (Мар. Ев., 444), а затѣмъ проф. Вондрака (Zur Kritik . . ., 777) видѣть въ та-

кихъ примѣрахъ Мар. Ев., какъ подобаатъ, съкончаатъ и пр. ассимиляцію въ силу уже не произносившагося окончанія (слѣдовательно, произносилось уже какъ бы: подоба̄ и пр.). Съ этимъ трудно согласиться, такъ какъ этому противорѣчатъ прежде всего такіе примѣры, какъ 2 л. мн. ч. помышлѣате, гдѣ также произошло уподобленіе (е—ѣ), но не можетъ быть и рѣчи объ отпаденіи въ произношеніи *те*.

Постановка въ нѣкоторыхъ случаяхъ *о* вм. *ъ* несомнѣнныя описки. Въ 3 л. мн. ч. мы встрѣчаемъ очень рѣдкіе примѣры замѣны ъ—ь.

Трудно поддается объясненію возникновеніе слав. *тъ*, которое предполагаетъ первоначальное tu. Было ужъ нѣсколько попытокъ объясненія (См. 24—25 стр. Beiträge zur altb. С. Видемана, затѣмъ укажу еще проф. Брандта О личныхъ наставкахъ слав. гл. Рус. Ф. Вѣстн. т. V, 1881 г., проф. Соболевскаго. Изслѣдованія въ области рус. грамматики. Р. Ф. Вѣстн. VI, 81 г., Ягича Arch. VI, VIII). Можетъ быть, дѣйствительно вѣрнѣе говорить здѣсь объ отвердѣніи первоначальнаго *ть*, чѣмъ строить различныя теоріи о формѣ неправильнаго коньюктива съ частицей u и пр. (отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что попадающіяся написанія съ *ь* — остатки древности).

Въ двойств. числѣ окончанія *та* и *те* въ памятникахъ иногда смѣшиваются. Въ Зогр. Ев., напр., 11 случаевъ замѣнъ окончанія 3-го лица — 2-мъ (противъ 87 правильн.), въ Ассеман. 10 подобн. замѣнъ (на 75 правильн.), въ Савв. книгѣ преобладаетъ *та*. Считается строго правильнымъ въ этомъ случаѣ Мар. Ев. (Ср. послѣсл. Ягича къ изданію М. Е., 447 стр.; вѣроятно замѣчаніе Ягича повліяло въ этомъ случаѣ и замѣч. Белича „Къ двойств. числу въ старо-сл. яз.“ Изв. Отд. р. яз. и сл. 99 г.), но на самомъ дѣлѣ и здѣсь имѣются случаи замѣнъ, такъ, напр., для 2-го л. — *те* Л. 23_{14}, I. 7_{45}.

Нѣкоторыя формы архаическихъ глаголовъ находятъ для себя полное соотвѣтствіе въ данныхъ другихъ языковъ:

ѣсмь — санскр. asmi — греч. εἰμι — гот. im — лит. esmi.

Особенно обращаетъ на себя сходство въ 3-мъ л. мн. ч. сѫтъ, прич. съı съ форм. санскр. santi, sat, лат. sunt — въ этихъ формахъ „слабый“ видъ (безъ *е*), хотя въ санскр. этотъ видъ распространяется и на 3 л. двойств. ч. Въ литовск. яз. въ этомъ случаѣ слабый видъ поглощенъ сильнымъ. Тотъ

же „слабый“ видъ сказывается и въ нѣмецкомъ sind, въ древн. верх. нѣмецк. соотв. съı — sand, въ древн.-литовск. sant (теперь ėsą̇s).

Страдательный залогъ образовывался прибавленіемъ мѣстоименія сѧ: наречетъ сѧ (при чемъ сѧ ставилось и передъ глаголами, часто раздѣлялось однимъ или нѣсколькими словами) или соединеніемъ причастій страдательнаго залога съ вспомогательнымъ глаголомъ: гонимъ іесмь, съпасенъ бѫдетъ.

Такъ называемые iterativa (глаголы многократнаго вида) образуются прежде всего измѣненіемъ глагольнаго корня: плетѫ — плѣтати, кльнѫ — клѧти — клинати, мьрѫ — мрѣти — мирати, берѫ — бьрати — бирати. Иногда многократность придавалъ и одинъ суффиксъ *а*: боду — бости — бодати.

Обыкновенно различаютъ въ глаголѣ 2 темы: одна — неопредѣленнаго наклоненія, другая — настоящаго времени. Принято, что отъ этихъ темъ образуются другія глагольныя формы: отъ темы настоящаго — повелительное накл., причастія настоящ. всѣхъ залоговъ, напр.: бесѣдоуѫ; бесѣдоуи; бесѣдоуѧ; бесѣдоуіемъ; отъ темы неопредѣленнаго: аористъ, супинъ, причастія прошед. вр. I и II, прич. прош. страд. зал.: бесѣдовахъ; бесѣдоватъ; бесѣдовавъ; бесѣдовалъ, бесѣдованъ. Преходящее или имперфектъ образуется то отъ темы настоящаго вр., то отъ темы неопредѣленнаго накл.: бесѣдоваахъ и коупоуахъ. Для примѣра я взялъ нарочно такой глаголъ. Въ другихъ случаяхъ эти наблюденія не такъ ясно проявляются, такъ, если возьмемъ глаг. несѫ, то, въ сущности, всѣ формы образуются отъ нес, а не отъ предполагаемой темы настоящаго времени несе. И потому правильнѣе не безусловно принимать указанное разграниченіе. Почему, напр., повелит. наклоненіе отъ вести — веди образовано отъ темы настоящаго, а не прямо отъ корня вед? Затѣмъ, можемъ ли мы говорить объ образованіи въ этомъ глаголѣ другихъ формъ отъ темы неопредѣленнаго наклоненія, когда эта тема представляется уже въ измѣненномъ видѣ.

Въ научной грамматикѣ принято дѣлить глаголы по темѣ настоящаго времени и неопредѣленнаго наклоненія. Здѣсь уже было сдѣлано нѣсколько попытокъ установить группировку по классамъ. Такъ Миклошичъ въ основу дѣленія

бралъ неопред. наклоненіе: 1) корень + ти: нести; 2) кор. + суф. нѫ + ти; 3) кор. + суф. ѣ + ти; 4) кор. + суф. и + ти; 5) кор. + суф. *а* + ти; 6) кор. + суф. ова (изъ оуа) + ти. Лескинъ въ основу дѣленія бралъ тему настоящ. вр. (подраздѣленія по неопред. наклон.): 1) *е*: несеши; 2) *не*: двиг-не-ши; 3) *іе*: а) знаіеши, пишеши, b) дѣлаіеши; 4) *и*: а) неопр. накл. также *и*: хвалити, b) неопр. *ѣ*: видѣти; 5) на согласн.: дамь. Въ послѣднее время Ягичъ даетъ такое дѣленіе: 1) тема настоящ. *е*, *о*: а) вторая тема (неопр. накл.) безсуффикс.: ведѫ, плетѫ; несѫ, везѫ; гребѫ, тепѫ; живѫ, пловѫ; дъмѫ, пьнѫ; вьрѫ, мьрѫ; b) вторая тема имѣетъ тематич. удлиненіе *а*: берѫ — брати; женѫ — гънати; жидѫ — жьдати . . . 2) тема наст. *не*, *но*: двигнеши, станеши; 3) тема наст. на іе: а) тема безсуф. — на гласн.: знаѭ — знати . . . — на согл. мелѭ — млѣти (* melti), колѭ — клати (* kolti) . . . b) вторая тема усил. суф. *а* — на гласн: каѭ — каіати, — согл.: алъчѫ — алъкати; 4) тема на *и*: а) вторая основа на *ѣ*: бъдиши — бъдѣти; b) вторая основа на *и*: боудиши — боудити; 5) тем. наст. на іе, кот. присоединяется ко 2-й основѣ, имѣющей *ѣ* или *и*: а) 2-я осн. на *а*: дѣлаѭ, —ати; b) 2-я осн. на *ѣ*: оумѣѭ, —ѣти; 6) тема наст. на о у іе (ю іе), вторая основа — овати: коупоуѭ, —овати (См. Arch. т. 28; 1906 г.).

Какъ видимъ, данныя дѣленія отличаются формальнымъ характеромъ. Была попытка создать дѣленіе на 9 разрядовъ для русскаго глагола Вас. Добровскимъ, но система послѣдняго не отличается цѣльностью. Мнѣ кажется, что при раздѣленіи глаголовъ на разряды мы должны стать на историческую точку зрѣнія и отъ нея, по мѣрѣ возможности, не удаляться. Руководствуясь этой точкой зрѣнія, мы можемъ сказать, что чѣмъ проще глаголъ, тѣмъ онъ древнѣе. Первымъ классомъ, так. обр., будутъ такъ называемые архаическіе глаголы: дамь, вѣмь, ѣмь, іесмь. Къ 2-му классу относятся всѣ остальные глаголы, какъ образующіе уже тему настоящаго посредствомъ извѣстнаго суффикса. Во этомъ классѣ можно выдѣлить также болѣе древніе глаголы по времени образованія, это такъ называемые теперь безсуффиксные въ темѣ неопредѣл. наклоненія: ведѫ — ведеши — вести, даѭ — даіеши — дати и пр. (по спряженію, конечно, подобные глаголы могли отличаться благодаря разнымъ условіямъ: встрѣчи, напр., гласныхъ). Дальнѣйшимъ измѣненіемъ глаголовъ типа везти, является усвоеніе въ неопредѣлен-

номъ наклоненіи суффикса *а*, такъ писати имѣетъ *а* позднѣйшее. Мы замѣчаемъ какое-то поступательное распространеніе этого суффикса. Въ другихъ глаголахъ онъ уже изъ неопредѣл. наклоненія переходитъ въ настоящ. время: нарицати — нарицаю (вмѣсто болѣе древняго наричѧ). Так. же образомъ *а* переходитъ въ спряженіе и образуются дальнѣйшія измѣненія: *ае*, *ье*.

Выдвигая историческую точку зрѣнія при дѣленіи глаголовъ, я далекъ отъ мысли о возможности провести ее въ строгой системѣ. Вѣдь, всѣ разнообразные глаголы имѣются уже въ письменности, даже болѣе того они находятъ себѣ аналогіи въ другихъ языкахъ. Но эта точка зрѣнія важна при общей характеристикѣ.

Установивъ древнѣйшіе разряды, мы можемъ установить также и нѣкоторые позднѣйшіе этипы: посредствомъ суфф. овать мы можемъ и теперь образовывать новые глаголы, но нельзя уже увеличить такимъ же образомъ разряды типа вез-ти. Суфф. рус. ива, ыва представляютъ еще дальнѣйшее образованіе.

Итакъ, руководствуясь въ общемъ указанной точкой зрѣнія, я раздѣлилъ бы такъ: 1) глаголы безсуффиксные въ темѣ наст. и неопр. накл.; 2) глаголы, которые образуютъ настоящее черезъ присоединеніе уже суффикса или наст. и неопр. наклоненіе. Во 2-мъ классѣ я бы сдѣлалъ такія подраздѣленія: 1) суф. наст. *е* или *ѥ*, неопредѣл. безсуф.: a) вести, b) жѧти, c) тьрѣти (тьрѣ нельзя приравнивать красн-ѣти; ср. тьрѣ = рус. тере), d) плоути, e) пѣти, f) клати; 2) суф. наст. *е* или *ѥ*, суф. неопр. *а*: a) рѣвати, b) писати, c) ковати, d) сѣмати; 3) суф. наст. *не*, тема неопр. безсуф.: станеши — стати; 4) суф. наст. *не*, суф. неопр. нѧ: двигнеши — двигнѧти (въ такихъ глаголахъ, какъ сохнѧти какъ бы переходъ отъ 3 къ 4, такъ здѣсь имѣются все же такія формы, какъ: засохъ и пр.); 5) суф. наст. *и*, суф. неопр. *ѣ*: горѣти; 6) суф. н. *и*, суф. неопр. *и*: любити; 7) с. наст. *ье*, неопр. *ѣ*: бѣлѣти; 8) с. наст. *ае*, неопр. *а*: дѣлати[1]); 9) суф. наст. *уе*, *юе*, неопр. *ова*, *ева*.

---

1) Эти *ае*, *ье* несомнѣнное вліяніе уже неопр. наклоненія. Если писати — пишешь, то въ дѣлати уже видимъ переносъ дѣла въ наст. вр. Суффиксы *а*, *ѣ* обозначаютъ продолжительность, при чемъ *ѣ* — болѣе сильно; нѧ начало дѣйствія и мгновенность. Глаголы на

XX.

О лексикѣ др.-ц.-сл. памятниковъ.

Лексическому матеріалу, конечно, должно отводить также одно изъ важныхъ мѣстъ при изученіи памятниковъ. Этимъ объясняется въ настоящее время тотъ интересъ, который возбуждаютъ памятники именно съ этой стороны, т. к. лексика лишь иногда возможность опредѣлить отношеніе извѣстнаго памятника къ ряду другихъ: лексика труднѣе вообще поддается измѣненію, чѣмъ фонетика и морфологія. Исторія изученія древне-ц.-сл. памятниковъ со стороны ихъ лексическаго состава показываетъ, впрочемъ, насколько шатки были иногда мнѣнія ученыхъ, стремившихся на основаніи нѣкоторыхъ лексическихъ особенностей разрѣшать разнообразные вопросы. Лексика памятниковъ требуетъ такой же детальной разработки, какой подвергались въ памятникахъ фонетика и морфологія. И ее не должно отрывать отъ этихъ послѣднихъ и ставить въ какое-то вполнѣ самостоятельное мѣсто.

Опираться на тѣхъ или иныхъ данныхъ лексическаго характера при опредѣленіи древности памятника нужно съ большой осторожностью. Форма, напр., б р а т р ъ несомнѣнно болѣе ранняго происхожденія, чѣмъ б р а т ъ (ср. frater, Bruder и др.), но употребленіе этой формы еще не можетъ свидѣтельствовать о большей древности даннаго памятника, чѣмъ какого-либо другого, въ которомъ употреблена ф. б р а т ъ: форма б р а т р ъ могла быть въ говорахъ писцовъ и потому сохранялась и почему бы даже ей иной разъ не могло бы прійтись замѣнить ф. б р а т ъ.

Такія слова въ Кіевск. Л., какъ о п л а т ъ и п р и н о с ъ могутъ намъ свободно указывать, какимъ образомъ возникаютъ въ одномъ и томъ же памятникѣ два слова для выраженія одного понятія — одно слово славянское, другое непереведенное, иностранное (здѣсь, впрочемъ, уже съ извѣстной новой звуковой окраской). Подобные же случаи мы находимъ и въ другихъ древне-ц.-сл. памятникахъ. Такъ, въ Клоцо-

---

ити — также позднѣйшаго происхожденія: во 1-хъ это усиленіе отъ такихъ глаголовъ, какъ в е з т и, н е с т и — в о з и т ь, носить, во 2-хъ благодаря суф *и* глаголы обращаются въ такъ называемые винословные (или фактитивные) изъ с ъ х н ѧ т и — с о у ш и т и.

вомъ Сборникѣ акрогоніен (776, изд. Вондр.) — Ѧгъленъ (868) и пр. Эти примѣры могутъ указывать, что подобные дублеты могли возникать не такъ замѣны послѣдовавшія для улучшенія (Ср. Облакъ, Arch. f. sl. Ph. XO, 350—1), а одновременно, въ одномъ и томъ же памятникѣ. Другого рода такіе дублеты, какъ „рѣснота“ и „истина“.

„Рѣснота“, какъ замѣчаетъ Облакъ (Нѣколко бѣлѣжки... 14—15. Ср. Zur Würd., 381), слово чуждое болгарско-македонской почвѣ. Но это слово употребляется и въ хорват. служебникѣ Новака, Карпинскомъ Ев., Синайск. Пс. и др. Паннонскимъ считаетъ это слово и Ягичъ (Zur Entstehungsg. II, 58). Облакъ считаетъ слова рѣснота и истина дублетами возникшими еще въ памятникахъ паннонскихъ и проводитъ въ этомъ случаѣ параллель съ такими словами, какъ власвиꙗ-хоула. Но здѣсь нѣсколько невѣрное сравненіе: въ послѣднемъ случаѣ одно изъ словъ представляется непереведеннымъ греческимъ. Да и какъ поставить на одну линію слова „рѣснота“ и „истина“ въ этомъ случаѣ. Если „рѣснота“ слово несуществовавшее на болгаро-макед. почвѣ, то слѣдовательно оно было внесено позже, на почвѣ паннонской. Слѣдовательно, становясь на такую точку зрѣнія нельзя здѣсь говорить объ этихъ словахъ, какъ о равноправныхъ дублетахъ.

Тоже, напр., слова животъ, небесьскъ, радꙋ, считаются болѣе древними сравнительно съ жизнь, небесьнъ, дѣльма, дѣлꙗ, радьма. Зогр. Ев. знаетъ только животъ, тоже Маріинское Ев. Въ К. Л. попадется слово животъ въ раз. ф. 5 разъ (а не 2 раза, какъ находимъ указаніе у Вондрака Altslov. Studien, Sitz.-B. W. Ak. 122 т. 10).

Трудно сказать, т. обр., какой изъ дублетовъ ранѣе проникъ въ письменность, какой изъ нихъ несомнѣнный „паннонизмъ“. Въ этомъ случаѣ отчасти могутъ подтверждать существованіе тѣхъ или иныхъ словъ въ тѣхъ или иныхъ слав. нарѣчіяхъ.

Сравнивая со стороны лексикальной евангельскіе тексты и находя съ этой стороны бо́льшее сходство между Ассем. и Остр., Зогр. и Мар., проф. Вондракъ рѣшаетъ вопросъ такимъ образомъ, что отклоненія Асс. и Остр. внесены на болгарской почвѣ. Противъ этого совершенно справедливо возражаетъ ак. Ягичъ (Zur Entst., II, 57), указывая, что и на паннонской

почвѣ могли возникать дублеты, которыми позднѣйшая письменность могла пользоваться для болѣе тонкаго разграниченія понятій (т. напр., синон. животъ и жизнь начали употребляться: первое въ значеніи ζῶον, второе — ζωή), что другіе дублеты явились въ силу желанія болѣе точно передать смыслъ греческаго подлинника (греч. ἀνήγξατο въ Зогр., Мар. — възвѣсиса = лат. se suspendit, въ Асс., Остр. оудависа).

Перечислю нѣкоторые изъ дублетовъ: балии (бальство) — врачь (врачьство); варити — прѣжде ити; ваште — болѣе; година — часъ; градъ — идъ; гостиница — господа; дрселъ — сѣтьнъ (сѣтовати); етеръ — единъ; жаль — гробъ; жюпелъ — камъı горащии; иночадъ — іединочадъ; искрь — близъ; кладязь — стоуденьць; коуръ — кокотъ; къснити — мьдьлити, мадити; ладии — корабль; неприязнь — лакавъ; непьштевати — мьнѣти, помъıшлıати; отокъ — островъ; плаштаница — понѣвица; подъпѣга — отпоущеница; раи — порода; спыти — ашютъ; соулѣи — лоучии, оунии; тачаıе — хоужде; тепъ — биıъ; хлъпати — просити; ıадро — скоро. Варіанты по суффиксамъ и приставкамъ: благодѣть — благодать; велии — великъ; кънижьникъ — кънигъчии; пастырь — пастоухъ; пропати — распати и пр. Греческія слова въ переводѣ и непереведенныя: аеръ — вѣтръ, въздоухъ; ароматъ — воніа; архисинагогъ — старѣишина събороу; епендитъ — срачица, одежда; игемонъ, ѣмонъ — владыка; июдеи — жидовинъ; катапетазма — опона, завѣса и пр.

XXI.

Изъ др.-ц.-сл. синтаксиса.

Особенностей синтаксиса др.-ц.-слав. языка я коснусь только въ общихъ чертахъ, выдвину нѣкоторые факты, особенно могущіе поразить при сравненіи съ синтаксисомъ русскаго языка. Въ виду того, что памятники др.-ц.-сл. языка переводные, нужно къ синтаксич. явленіямъ подходить съ большой осторожностью.

Такіе синтаксическіе обороты:

Исоусоу рождьшоуса влъсви придоша,
Въшьдъшоу исоусоу и приде сътникъ

мы должны перевести: когда родился Іисусъ, пришли волхвы. Когда вошелъ Іисусъ . . . пришелъ сотникъ. Такимъ образомъ наши придаточныя предложенія времени (а также причины, при разныхъ подлежащихъ въ придаточномъ и главномъ) передавались иногда оборотомъ, поставленнымъ въ дательномъ падежѣ (при чемъ сказуемое было въ причастной формѣ). Это такъ называемый дательный самостоятельный. Что оборотъ этотъ могъ казаться вполнѣ самостоятельнымъ, показываетъ второе предложеніе, въ которомъ дательный самостоятельный соединяется съ послѣдующимъ предложеніемъ союзомъ *и*. Подобныя соединенія возможны были въ силу того, что въ др.-ц.-сл. языкѣ причастіе иногда выступало въ качествѣ сказуемаго второстепеннаго (въ „зависимыхъ“ предложеніяхъ). Русской рѣчи несвойственъ дательный самостоятельный. Лишь путемъ подражанія возникло частое употребленіе дательнаго самостоятельнаго въ древне-русской письменности. Отголоски этого употребленія мы находимъ и въ дальнѣйшемъ времени, напр., у Жуковскаго: и кругомъ взгроможденному морю, видитъ . . .

Весьма вѣроятно, что дательный самостоятельный возникъ изъ простого дательнаго падежа съ причастіемъ, но это возникновеніе обусловлено было особымъ свойствомъ причастія, свойствомъ, котораго причастіе въ настоящее время не имѣетъ: бо́льшей своей предикативной силой. Теперь причастіе употребляется только въ значеніи аттрибута, раньше оно могло играть роль сказуемаго хотя бы и нѣсколько второстепеннаго.

Дательный самостоятельный, это вполнѣ оригинальный слав. оборотъ. Этимъ оборотомъ передавался греческій родительный самостоятельный, передавались часто и обороты, гдѣ не было въ греческомъ родительнаго самостоятельнаго.

Примѣръ, какъ въставъ и рече — выраженіе для насъ совершенно невозможное: мы не можемъ сказать: онъ вставши и сказалъ. Между тѣмъ въставъ, играя роль аппозиціи, имѣло долю сказуемости, но именно долю, такимъ образомъ предложеніе: онъ вставшій и сказалъ было возможно именно въ силу нецѣльности строя предложенія. Идя вслѣдъ за прежними воззрѣніями Буслаева и Срезневскаго,

въ приведенной фразѣ нужно было бы видѣть два предложенія (въставъ есть и рече), но идя за болѣе правильнымъ пониманіемъ Потебни, здѣсь найдемъ предложеніе одно, но какъ бы распадающееся, не такое цѣльное какъ наше современное. Союзъ *и* употребленъ именно какъ бы для того, чтобы болѣе соединить какъ бы распадающіяся части предложенія.

Чтобы все сказанное было яснѣе, я возьму изъ современнаго малорусскаго яз.: а той дідусь та був собі зовсім каліка та ще й німий. Здѣсь мы видимъ, что подлежащее соединяется со сказуемымъ союзомъ *та*. Нѣчто подобное имѣется въ указанныхъ примѣрахъ, нѣчто потому, что тамъ соединяется не только подлежащее, но и второстепенное при немъ сказуемое.

На существованіи подобныхъ примѣровъ какъ въставъ и рече или: и въставъше и отидоша, простьръ рѫкѫ и извлѣче и пр. основаны и случаи такъ называемаго именительнаго самостоятельнаго, когда при второстепенномъ причастномъ сказуемомъ имѣется особое подлежащее. Правда, примѣры именительнаго самостоятельнаго очень рѣдки.

Безусловно въ нѣкоторыхъ случаяхъ является употребленіе причастной формы въ подражаніе соотвѣтствующимъ греческимъ оборотомъ. Такъ Мар. 2$_6$: бѣахѫ же едини отъ кънижникъ тоу сѣдѧште і помъышлѣѭште: ἦσαν καθήμενοι καὶ διαλογιζομένοι. Я даже сомнѣваюсь, что примѣръ, приводимый Потебней изъ Остромирова Ев.: ѩко нѣсмь ѩко и прочіі чловѣци... алъчѧ... десѧтинѫ даѭ, не могъ бы имѣть въ греч. текстѣ чего-либо подобнаго, хотя въ извѣстныхъ текстахъ 1 л. νηστεύω, ἀποδεκατῶ, чему находимъ соотвѣтствія въ другихъ евангелическихъ текстахъ.

Греч. ἔλεγε βροντὴν γεγονέναι I. 12$_{29}$ перев. глаголаахѫ (народъ) громъ бысть. Въ этомъ переводѣ сказалось отсутствіе союза, потому что его нѣтъ въ греческомъ текстѣ, съ другой стороны получилась фраза вполнѣ свойственная духу славянскаго языка и вмѣстѣ съ тѣмъ фраза по характеру древняго образованія (изъ подобныхъ несвязанныхъ соединеній предложеній въ дальнѣйшемъ уже образуются предложенія самостоятельныя и несамостоятельныя, такъ назыв. „придаточныя“).

Можетъ быть, развитіе въ связуемости предложеній за-

ставило прежде всего прибѣгнуть къ помощи причастій. Так. обр.: мьнитъ сѧ имъı Мѳ. 25$_{29}$, Мар. Зогр. будетъ дальнѣйшимъ развитіемъ первоначальнаго: мьнитъ сѧ иматъ (т. е. имѣетъ). Причастіе, так. обр., выступаетъ въ роли показателя болѣе тѣсной связи между предложеніями. Особенно характерно, что въ греческомъ ὁ δοκεῖ ἔχειν. Изъ сказаннаго намъ будутъ понятны обороты: нѣсть кто милоуıѧ Супр. 41, 24 не вѣста сѧ чего просѧшта Мѳ. 20$_{22}$ οὐκ οἴδατε τί αἰτεῖσθε. Иногда подобнымъ оборотамъ находимъ соотвѣтствіе и въ греческомъ: εὗρεν τὸ παιδίον βεβλημένον ἐπὶ τὴν κλίνην καὶ τὸ δαιμόνιον ἐξεληλυθός Мр. 7$_{30}$ обрѣте отроковицѫ лежѧштѫ на одрѣ и бѣсъ ишьдъшь. Мы ожидали бы въ силу этого такого оборота: кого глѧтъ мѧ чловци сѫшта сна чловъскаго. Но наряду съ подобнымъ оборотомъ въ Мар. Ев. Мѳ. 16$_{13}$ встрѣчается: кого быти (тамъ же 16$_{15}$). Весьма вѣроятно, что послѣдній оборотъ сообразно съ греч. текстомъ.

Обороты, подобные приведеннымъ, въ настоящее время немыслимы. Потому и нужно быть осторожными, чтобы при чтеніи текстовъ не внести современнаго пониманія въ строй древняго предложенія. Если мы возьмемъ примѣръ изъ древ. рус. памятника (Ипат. лѣтоп.): Данило . . . сожалися отславъ сына, то здѣсь при переводѣ мы должны сказать: пожалѣлъ, что отослалъ (а не отославши).

Въ др.-ц.-сл. обычно вообще соединеніе причастій дѣйствительныхъ для выраженія составного сказуемаго (кромѣ причастій на *лъ*, которыя образовали описательное время): бѫдеши ловѧ Л. 5$_{10}$, бѫдеши мльчѧ Л. 1$_{19}$ (Зогр. Ев.), бысть іоанъ кръстѧ Мр. 1$_{4}$, и бѣ сѣдѧ . . . и грѣıѧсѧ (Мар., Мр. 14$_{54}$): καὶ ἦν συγκαθήμενος . . . καὶ θερμαινόμενος; бѣахѫ бо вьси чаѭште его: ἦσαν γὰς πάντες προσδοκῶτες αὐτόν (см. различн. примѣры у Потебни Изъ Зап., 129—130 и особенно у Овсян.-Куликов. „Синтакс. наблюд.“ Ж. М. Нар. Пр. 97, № 5). Между приведенными примѣрами и нашими выраженіями: будетъ ловить, будешь молчать и пр. заключается огромная разница въ самой исходной точкѣ зрѣнія. И эта разница вскрыта съ замѣчательной научной проницательностью въ извѣстномъ трудѣ по синтаксису проф. Потебни. Если мы говоримъ: будешь ловящій (собственно у насъ ловящимъ), то мы выдвигаемъ какъ бы извѣстный признакъ, въ будущемъ присущій данному лицу, если же говоримъ: будешь

ловить, то обращаемъ вниманіе на дѣйствіе, энергію подлежащаго.

Говоря о постепенной потерѣ предикативности причастіями, мы должны помнить, что одно изъ причастій, именно прошедшее на *лъ* пріобрѣло эту предикативность въ самой сильной степени, стало изъявительнымъ наклоненіемъ. Между тѣмъ первоначально въ іесмь дѣлалъ и пр. было такое же сочетаніе какъ бѣ оучѧ и пр. Въ др.-ц.-слав. текстахъ это причастіе съ вспомогательнымъ глаголомъ не образовывало составного сказуемаго, а уже являлось описательнымъ временемъ.

Намъ важно отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ строй нашего и др.-ц.-сл. предложенія нѣсколько различаются. Др.-ц.-сл. языкъ въ этомъ случаѣ являлся представителемъ древнѣйшей стадіи развитія предложенія, нашъ — позднѣйшей. Въ др.-ц.-сл. яз. нѣтъ такого тонкаго различія въ оттѣнкахъ значенія глаголовъ служебныхъ и знаменательныхъ и потому нѣтъ такой компактности предложенія, какъ у насъ. Наше предложеніе стремится къ усиленію сказуемости.

Приведенныя предложенія распадаются какъ бы на 3 акта мысли: іоаннъ — 1 актъ, бысть — 2-й и ловѧ — 3-й, при чемъ ловѧ, входя въ составъ сказуемаго тянетъ также и къ подлежащему, съ которымъ согласовывается въ родѣ. У насъ же 2 акта: іоаннъ — 1, ловилъ — 2-й и предложеніе болѣе цѣльное.

Интересны такіе обороты:

Григорій поставьенъ бысть патріархъ
Супр. 90, 10.
Не нарицаите сѧ наставьници. Матв. 23_9,
Мар. Ев.
Сътворѭ ва ловьца чловѣкомъ Мѳ. 4_{19}.
Симона іегоже именова Петра Л. 6_3.

Нѣтъ нужды, что и въ греческомъ текстѣ мы найдемъ соотвѣтствующіе падежи: эти обороты, несвойственные теперь намъ, были свойственны древнимъ славянскимъ языкамъ, на что указываютъ остатки подобныхъ сочетаній при нѣкоторыхъ глаголахъ. Вмѣсто второго именительнаго и винительнаго у насъ выступаетъ творительный. Происходитъ опять таки усиленіе сказуемости: и здѣсь вмѣсто прежнихъ 3 ак-

товъ, образуется 2, такъ какъ творительный падежъ тѣсно примыкаетъ къ сказуемому.

Хотя и въ др.-ц.-слав. мы видимъ проникновеніе творительнаго падежа вм. второго именительнаго: иже прѣтварѣаше овогда тоуромъ бывъ. Супр. 5, 29, но это изрѣдка, при чемъ полное отсутствіе подобныхъ оборотовъ въ евангельскихъ текстахъ.

Можно думать, что слав. рѣчи не чуждъ былъ оборотъ и винительный съ неопредѣленнымъ (такъ что здѣсь не только вліяніе греческихъ образцовъ); впрочемъ чаще употреблялся дательный съ неопредѣленнымъ: дати намъ ꙗсти и пр. Винит. съ неопредѣленнымъ могъ возникать какъ изъ начала изъ такихъ предложеній, какъ у насъ: заставить кого прійти.

Въ др.-ц.-сл. нѣтъ дѣепричастій. Образованіе послѣднихъ изъ причастій, т. е. преобразованіе ряда послѣднихъ въ своего рода нарѣчія также говоритъ объ усиленіи впослѣдствіи глагольности сказуемаго (такъ какъ бывшее причастіе примыкало не къ глаголу, какъ дѣепричастіе, а къ подлежащему).

Упомянемъ еще о нѣкоторыхъ синтаксическихъ особенностяхъ.

Прилагательное неопредѣленное очень часто употреблялось въ значеніи опредѣленія: добръ чловѣкъ, добра жена (у насъ опредѣленное: добрый, -ая).

Изъ формъ настоящаго времени глагола вспомогательнаго: ѥсмь у насъ употребляется лишь есть (суть почти совсѣмъ не употребляется). Въ др.-ц.-сл. языкѣ сильно развито было употребленіе всѣхъ формъ: ѥсмь, ѥси...: азъ ѥсмь свѣтъ, иже еси оуготовалъ. Съ отрицаніемъ не + ѥсмь получалась форма нѣсмь.

Согласованіе иногда было по смыслу (какъ часто и у насъ): мъногъ народъ идоша глаголахѫ дроугъ къ дроугоу.

Нѣкоторые глаголы требовали иного падежа, чѣмъ въ русскомъ языкѣ: хоштѫ жрьтвѣ, сѫждѫ мироу.

Мѣстный падежъ употреблялся безъ предлога не только для обозначенія мѣста, но и времени: семь мѣстѣ, томь часѣ.

Дательный употреблялся иногда вмѣсто родительнаго: дроугъ мытаремъ, родительный иногда безъ предлога: которааго васъ (т. е. изъ васъ). Въ случаяхъ, подобныхъ послѣднему, часто могло быть подраженіе греческому, какъ и въ такихъ выраженіяхъ: безъ него ничьтоже

бысть, іеже бъістъ (передъ бысть пропущено *не*, въ виду существованія уже отрицанія словѣ: ничьто).

Мѣстоим. свои употребляется часто тамъ, гдѣ въ греч. подлинникахъ стояло μου, σου: възлюбиши искрьнѣго своего, но остави даръ твои и пр.

Въ істинѫ свободь бѫдете I. 8 36, Зогр. Ев., Мар. Ев. (въ греч. ὄντως ἐλεύθεροι ἔσεσθε), седмь кошъницъ исплънь Матв. 15 37. Здѣсь мы видимъ, что свободь, исплънь являются прилагательными несклоняемыми. Къ подобному роду относятся: различь, соугоубь (удвоенный), прѣпрость, испраздьнь. Болѣе данныхъ за то, что подобныя прилагательныя уподоблялись нарѣчіямъ (См. Миклошичъ V. Gr. II, 55 и несогласіе Потебни Изъ Зап., 103).

Въ нѣкоторыхъ даже какъ бы особенныхъ случаяхъ дословный переводъ съ греческаго могъ соотвѣтствовать духу слав. рѣчи: напр., ὦ παραδόξων πραγμάτων — о прѣславнъіихъ чюдесъ, ср. малорус. молодця, серб., чуда великога.

Я лишь коснулся и то очень слегка синтаксическихъ особенностей др.-ц.-слав. языка. Собственно говоря, изучая строй др.-ц.-слав. предложенія, въ виду того что др.-ц.-слав. памятники представляютъ изъ себя исключительно переводную литературу, нужно каждый фактъ ставить на широкую почву сравненія съ данными другихъ славянскихъ языковъ. Пришлось бы входить так. образомъ и въ изученіе русскаго синтактиса. Предполагая же начать съ Вами подробное изученіе этого послѣдняго, я и ограничиваюсь здѣсь лишь общими штрихами, необходимыми для полноты курса. Даже тѣ явленія, о которыхъ я вкратцѣ упомянулъ, оказываются въ сущности не одинокими, они существуютъ въ остаткахъ и въ славянскихъ нарѣчіяхъ, въ частности также въ русскомъ народномъ языкѣ, какъ остатки глубокой древности.

XXII.

Къ методамъ изученія др.-ц.-сл. языка. О др.-ц.-сл. языкѣ какъ предметѣ школьнаго обученія.

Затрогивая различные вопросы, касающіеся др.-ц.-слав. языка и др.-ц.-слав. письменности вообще, мы могли уже ознакомиться съ тѣмъ, какъ нужно относиться къ изученію и

изслѣдованію этихъ вопросовъ. Я стремился показать Вамъ, что́ является болѣе или менѣе установленнымъ, что подвергается сомнѣнію. И мы видѣли, что, въ сущности, на каждомъ шагу здѣсь возникаютъ сомнѣнія. Такимъ образомъ о догматизмѣ въ изложеніи не можетъ быть и рѣчи при желаніи дать даже „общее руководство“ по др.-ц.-сл. языку. Я позволялъ себѣ иногда переходить къ детальному изложенію нѣкоторыхъ вопросовъ, прибѣгать къ доказательствамъ изъ памятниковъ, дабы Вы сами хотя бы и въ немногихъ случаяхъ могли сдѣлаться соучастниками изслѣдованія. Въ другихъ же случаяхъ, изложенныхъ иногда въ печатаемомъ курсѣ конспективно, я также старался въ устной бесѣдѣ съ Вами обставлять бо́льшимъ количествомъ данныхъ или подробнѣе разъяснять.

Уже изъ всего сказаннаго ясно, что др.-ц.-сл. языкъ, какъ школьный предметъ, долженъ имѣть много недостатковъ. Но въ средней школѣ мы должны не задаваться цѣлью изученія др.-ц.-сл. языка какъ извѣстной самостоятельной системы, а должны выдвинуть ея служебное значеніе. Какъ извѣстно, древне-церк.-слав. языкъ имѣлъ огромное значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія. Онъ долго былъ нашимъ литературнымъ языкомъ: недаромъ древне-русскіе грамотеи говаривали, что церковно-слав. и русскій языкъ „единъ есть“. Благодаря такой своей роли древн.-ц.-слав. языкъ оказалъ огромное вліяніе и на выработку нашей литературной рѣчи, распространилъ даже вліяніе на отдѣльные факты русскихъ народныхъ говоровъ. Такимъ образомъ, безъ знанія формъ и законовъ др.-ц.-слав. языка мы не будемъ въ состояніи понять и освѣтить многое въ нашемъ языкѣ. Для знакомства же съ древней русской литературой, для пониманія языка нашей Церкви (ново-церковно-славянскаго) знаніе древне-церк.-слав. языка во многомъ совершенно необходимо.

Но признавая огромную историческую важность для насъ др.-ц.-слав. языка, не нужно также забывать, что нашъ школьникъ не изслѣдователь, не ученый филологъ, что древне-ц.-слав. языкъ хотя и священный языкъ, но все же мертвый, изучать формы котораго является совершенно нецѣлесообразнымъ. Забвеніе этого и повело къ тому невозможному положенію, которое создалось въ средней школѣ для грамматики древне-ц.-слав. языка, и было причиной нареканій, жалобъ, которыя несправедливо пали на самый древне-ц.-сл. языкъ.

Стоитъ токько просмотрѣть рядъ учебниковъ по др.-ц. слав. языку и убѣдиться вполнѣ, сознать, не изучая ихъ, сколько горя, озлобленія могло вызвать изученіе ихъ въ сердцѣ школьника. Память, одна только память требовалась для чисто механическаго изученія того, что, часто не отдавая себѣ отчета, а лишь въ силу традиціи принималъ составитель учебника; затѣмъ — совершенно ненужныя детали, мелочи, которыя могли быть только полезны при практическомъ изученіи языка.

Почти 30 изданій выдержала извѣстная грамматика Колосова. Она продолжаетъ держаться, несмотря на дальнѣйшія попытки другихъ составителей дать болѣе научныя грамматики, продолжаетъ держаться несмотря и на то, что въ большинствѣ своихъ изданій печаталась безъ перемѣнъ, так. обр. являлась устарѣвшей. Происходило это оттого, что позднѣйшіе учебники, улучшая дѣло въ частностяхъ, въ общемъ не измѣняли ничего, выполняя выработавшуюся ранѣе крайне сухую систему, и результаты въ дѣлѣ преподаванія получались тожественными. Иногда даже введеніе новаго сравнительнаго матеріала являлось только еще большимъ тормазомъ для работы памяти [1]).

Итакъ мы должны прійти къ тому заключенію, что др.-ц.-слав. языкъ въ средней школѣ долженъ преподаваться: 1) или попутно, когда потребуетъ того изученіе главнымъ образомъ русскаго языка; 2) или, если будемъ стремиться давать по прежнему систематическое изложеніе грамматики др.-ц.-слав. языка, то эта система должна быть иная, чѣмъ та, какую находимъ въ нашихъ учебникахъ.

Учебная грамматика др.-ц.-сл. языка должна давать только главное, минуя различныя мелочи. Это главное должно быть связано съ хорошо извѣстнымъ матеріаломъ для школьника, т. е. съ данными русскаго языка, но не путемъ только сопоставленія, а путемъ уясненія, уловленія различныхъ причинъ, законовъ языка, насколько то, конечно, возможно; ничто не должно быть взято только памятью. Оставляя центръ тяжести

1) Задаваясь цѣлью облегчить работу по др.-ц.-сл. яз. въ средней школѣ, сдѣлать эту работу болѣе цѣлесообразной, я въ прошломъ году издалъ „Грамматику др.-ц.-сл. яз.“ (напечатана была въ „Филолог. Запискахъ“ за 1906 г. и вышла въ отдѣльн. оттискахъ), представляющую попытку иного изложенія.

за древне-ц.-слав. языкомъ, на учебную грамматику все же нужно смотрѣть какъ на в в е д е н і е къ болѣе научному знакомству съ русскимъ языкомъ, потому также въ ней не должно быть полнаго догматизма, дабы не пришлось потомъ переучивать и сознавать съ прискорбіемъ, что средняя школа ведетъ совсѣмъ не по тому пути, какъ указываетъ современная наука. Нужно помнить твердо также то, насколько несовершенны наши грамматическія познанія вообще и потому не забивать головы учащихся схоластической ученостью [1]).

1) Въ дополненіе къ стр. 26 укажу на новое, недавно вышедшее изданіе Охридскаго Евангелія (въ Извѣст. Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Н.), сдѣланное мною по оригиналу. Поправки къ изданію Зографскаго Ев. и пересмотръ нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся этого памятника сдѣланы мною въ печатающемся въ настоящее время (въ (Сборникѣ Академіи по Отд. рус. яз. и сл.) небольшомъ изслѣдованіи „Къ Зографскому Евангелію“ (здѣсь же будутъ приложены снимки, воспроизводящіе различныя части памятника).

Изъ замѣченныхъ мною опечатокъ въ настоящемъ курсѣ особенно требуютъ исправленія: 67_{33} вм. и, — яз.; 79, и—н; 120_{11}, словахъ — слогахъ, 88_{35} азбукъ — языка.

Оглавленіе.

		Стр.
	Предисловіе	3— 4
I.	Вопросы возбуждаемые др.-ц.-сл. письменностью. Вопросъ о происхожденіи и древности кириллицы и глаголицы	5— 16
II.	О родинѣ древне-церк.-слав. языка	17— 23
III.	Главнѣйшіе источники древне-ц.-слав. языка, изданія ихъ и изслѣдованія о нихъ	23— 28
IV.	Начало и развитіе научной разработки др.-ц.-сл. языка	29— 39
V.	Изъ области научной разработки историческихъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о кирилло-меѳодіевск. времени	40— 48
VI.	Изъ области ц.-слав. палеографіи	48— 54
VII.	Глухіе гласные звуки **ъ** и **ь**	54— 66
VIII.	Носовые гласные звуки **ѧ** и **ѫ**	66— 79
IX.	О звукѣ **ѣ**	79— 81
X.	О различныхъ начертаніяхъ для **и** и **ы**	81— 85
XI.	Начертанія **о**; йотація; о соотвѣтствіи гласныхъ и согласныхъ звуковъ др.-ц.-слав. языка гласнымъ и согласн. другихъ индо-евр. языковъ	85— 88
XII.	Звуки **з**, **дз**, **ѣ**, **ф**, **ѳ**, **щ**; о произношеніи вообще звуковъ др.-ц.-слав. языка	88— 94
XIII.	Объ измѣненіяхъ губныхъ и гортанныхъ согласныхъ	94— 97
XIV.	Объ измѣненіи зубныхъ; особое положеніе Кіевск. глагол. листковъ	97—110
XV.	Объ измѣненіи другихъ согласныхъ; о сочетаніяхъ **рѣ**, **лѣ**, **ра**, **ла** между согласными	110—113
XVI.	Склоненіе именъ существительныхъ съ основой на **о** и **у**	113—122
XVII.	Склоненія именъ существительныхъ съ основой на **а**, **и** и согласн. звуки	122—127
XVIII.	Склоненія мѣстоименій, прилагательныхъ, причастій и числительныхъ	127—136
XIX.	Спряженіе глаголовъ	136—150
XX.	О лексикѣ др.-ц.-сл. памятниковъ	151—153
XXI.	Изъ др.-ц.-сл. синтаксиса	153—159
XXII.	Къ методамъ изученія др.-ц.-сл. языка. О др.-ц.-сл. языкѣ какъ предметѣ школьнаго обученія . . .	159—162

Est. A-16829

TÜ RAAMATUKOGU
1 0300 01064733 9